

ПИОНЕР

НОЯБРЬ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г.

Из Абакана и Тайшета ведут строители друг другу навстречу стальные пути. Это один из самых сложных участков Южно-Сибирской магистрали. Посмотрите фото: на шестидесятиметровой высоте от опоры к опоре укладываются пролеты исполинского виадука.

Фото Л. Шерстенникова.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 40-й

Для мира

Было трудно, но так было надо.
Было страшно, но так было надо.
Это все для того было надо,
Чтобы дети не знали блокады,
Чтобы не было вновь Хиросимы,
Чтобы небо всегда было синим,
Чтобы Куба росла и мужала,
Чтобы бомба в выси не визжала,
Чтобы в касках лишь голуби жили,
Чтоб солдаты в окопах не стыли...
Надо космос освоить! Освоим.
Надо строить заводы! Построим.
Мы на севере реки закроем,
Повернем их в Каспийское море.
Мы железо найдем в Антарктиде,
Мы отыщем страну Атлантиду,
К ясным звездам помчимся в ракетах,
Мы прорвемся к далеким планетам,
Мы зажжем новый свет над Землею.
И могучей, всесильной рукою
Мы проложим пути сквозь столетья.
Пусть гордятся потом наши дети!

Оля Парфенова,
г. Александровск,
школа № 2.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
НОЯБРЬ
1963 11

ГРОЗОВАЯ СТЕПЬ

Повесть А. СОБОЛЕВА.
Рисунки Г. Епишина.

Памяти отца — большевика

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первомай!

На мне чистая рубашка, вышитая по воротнику красными крестиками, и наглаженные штаны. В пионеры меня принимают сегодня.

В школьном саду нас встречает Надежда Федоровна, наша учительница. Поправит кованную из золота косу, уложенную на голове короной, и улыбнется. Каждому.

Степка, Федька и я чинно становимся в строй перед большущей кучей хвороста, из которого зажгут костер.

Друзья мои оказались с неожиданно чистыми лицами. Отбанились.

У дылдистого белобрысого Степки даже конопушки проступили, будто мухи нос обсидели. Обычно их не видно. Юркий, как вьюн, и горластый Федька тоже в новой рубашке, перешитой из старой материнской кофты в синий горошек. Вечно торчащие смоляные вихры он пригладил ладошками, предварительно густо поплевав на них.

В саду подметено — мы вчера старались,— дорожки посыпаны песком и обложены галечками. Весело, по-весеннему шумят тополя. Белые, легкие облачка вперегонки бегут по небу и тают в синеве, ясной и высокой.

В общем, торжественный день.

Надежда Федоровна говорит:

— Сегодня лучшие ученики — ударники — вступают в пионеры.

Федька страшно сопит и топчется на месте. Он не ударник. У него сплошь «посы» в табеле. Он уже два раза толкал меня в бок и тоскливо шептал: «Передумают, не примут». А я и сам чувствую себя неуверенно. У меня тоже «посов» хватает. А ну и вправду передумают? У нас круглая ударница только Аленка-тихоня. У нее по всем предметам «оч. хор.».

— Пусть не все еще ребята ударники,— говорит Надежда Федоровна,— но и их тоже примем в пионеры, потому что верим, что и они станут ударниками в учебе и примерными пионерами.

Федька облегченно улыбается до самых ушей и отчаянно мотает головой в знак согласия с учительницей. У меня тоже отлегло.

— Помните, что галстук — цвета крови, которую пролили ваши отцы в революцию и в гражданскую

войну. Это цвет нашего знамени, знамени Советской власти. Три конца галстука — это дружба трех поколений: большевиков, комсомольцев и пионеров. Берегите галстук и носите его с честью, потому что на груди у вас флаг нашей Родины!

Зажгли костер. Ух, красиво! Потом мы даем пионерскую клятву: «Я, юный пионер, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь...».

Замирает в груди, и холодок теснит сердце от этих слов.

Надежда Федоровна повязывает нам галстуки. Меня гладит по вихрам и загадочно улыбается. Это почему-то беспокоит меня.

Я давно замечаю, что она приглядывается ко мне. Особенно после того, как однажды, возвращаясь поздно вечером от Федьки, наткнулся я у калитки дома, где живет Надежда Федоровна, на нее и... отца.

Потом отец сказал, что проводил Надежду Федоровну по пути и спрашивал у нее, как я учусь. Ну, про учебу спрашивал — ладно. А вот что «по пути» на другой конец села попал — это непонятно. Отец даже не заметил, что уже ночь, а я по улицам мотаюсь...

Когда нас приняли в пионеры и всем повязали галстуки, мы хором запели:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи,
Мы, пионеры,
Дети рабочих...

Федька с барабаном встал впереди колонны, а Степка и я — позади него и пошли на митинг, на базарную площадь.

Близится эра
Светлых годов.
Клич пионеров —
Всегда будь готов!

Барабанил Федька здорово, палочки так и мелькали. И когда успел научиться? По шее у него катил пот, а уши раскалились, как угли. Раз он обернулся и показал язык. Степка сделал вид, что не видит. Накануне они поспорили на Степкин складешок. Федька божился, что будет барабанить на митинге, а Степка сказал: «Облезешь, так тебе и дали». Теперь Степке придется распрощаться со складешком.

На базарной площади сделана дощатая трибуна, и на ней прибит кумачовый плакат: «Все в колхоз!» На трибуне отец стоит. А кругом народу! Все село высыпало.

Пока мы становились возле трибуны и спорили, кому где стоять, отец заговорил, зажав фуражку в руке, как Ленин на картинке. Самого начала я не слышал, потому что разнимал друзей. Они сцепились из-за того, что Федька опять показал язык, а Степке обидно, конечно. Небось, несладко со складешком расставаться.

— ...Враг подымает голову,— говорил отец.— Появились листки, в которых грозят тем, кто вступил в колхоз. Это — дело кулацких рук, тех, кто еще не раскулачен.— Голос отца зазвенел.— Но нас не запугать! Партия большевиков не остановится на полпути.

Я смотрю на зареченских мальчишек, на их атамана Проньку Сусекова, кулацкого сынка. Зимой я ему расквасил нос. Сейчас исподтишка он показывает мне кулак. Я тоже в долгу не остаюсь.

— ...В Катунском подожгли амбар с семенным фондом,— продолжал отец.— Это тоже дело кулацких рук. Они хотели оставить нас без семян, чтобы нечем было молодому колхозу сеять. Бьют прямо под дых. Но не выйдет!

Я смотрю на отца, и кулаки мои сжимаются вместе с его кулаками, его слова — это мои слова, и сердца наши стучат враз. Под дых — это они умеют. Пронька всегда под дых бьет...

После митинга с флагами и с революционными песнями прошли по главной улице села. Мы, пионеры, пели песню про барабанщика.

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев, смелых бойцов...

И тихо было, затаенно за глухими кулацкими заборами.

Потом все разошлись по домам, а мы подались на Ключарку. Поиграли в лапту, «попекли блинов» на воде плоскими галечками, повалялись на проклюнувшейся травке.

Федька с нами не играл. Он сидел на перевернутой лодке и пел:

...Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет...

Жалостливо пел. Наверно, себя видел убитым.

Узким проулком возвращался я домой. Дорогу мне преградили зареченские. Впереди стоял мордастый Пронька Сусеков.

Он ловко выпустил сквозь зубы длинную струю слюны и медленно смерил меня неприветливым взглядом.

— Долг платежом красен.

Это я и без него понял. С зимы точит на меня зуб. Колотил тогда он Федьку, а я заступился. И хотя Пронька сильнее, я все же приловчился расшибить ему нос. Теперь отыграется. Вон сколько их!

Пронька не торопился. Знал, бежать мне некуда: позади речка.

— Гля, тряпку повесил,— сказал он своему дружку, длинному, как жердь, Ваське-Лопуху.— Сморкаешься в нее аль заместо большевицкого креста?

Зареченские прямо застонали от удовольствия и предвкушения расплаты, а Васька-Лопух пошевелил ушами. Уши у него большие, как лопухи, и умеет он ими прядать, как лошадь.

Пронька лениво дернул меня за галстук.

— Не цапай! — вырвал я галстук из его рук.

— Но, ты, мировая революция,— спокойно сказал Пронька. И это было самое страшное — его спокойствие.— Юшкой умоешься. Поджилки не трясутся?

— Трясутся,— признался я.

— То-то.— Довольная улыбка расплылась у Проньки по лицу. Голос его даже подобрел. У меня на миг появилась мысль, что, может, все обойдется. Но я слишком хорошо знал Пронькину поноровку, чтобы поверить своей надежде.

— Сейчас еще не так затрясутся.

— Ну и пускай! Только один на один у тебя кишка тонка!

— Но-но! — угрожающе предупредил Пронька и так дернул за галстук, что я едва устоял на ногах.

Я залепил ему затрещину.

— Ах, так! — удивленно лупнул глазами Пронька.— С тобой по-человечески, а ты драться? Ну, держись!

Мы обменялись оплеухами, молниеносными, как удары сабель.

И вдруг пропал у меня страх, перестали трястись коленки. Сколько на одного! А один на один любой потрусит! Главное, галстук у меня на груди. Он

мне силы придавал. И этому губастому Проньке я все равно не поддамся! И всем им не поддамся!

— Ордой на одного! — отчаянно крикнул я.— А ну, тронь!

— И трону! — наступил Пронька.

— Тронь!!

Я отчаянно дрался: и руками, и ногами, и зубами. Но зареченские здорово избили меня. До огненных брызг в глазах.

Отняла бабка Ликановна, что шла на речку полоскать белье.

— За чтой-то они тебя, касатик?

Я молча отмывал нос и боялся, как бы она не углядела моих слез. Ликановна ахала, вздыхала, сморкалась в фартук, будто нос расквасили ей, а не мне.

Галстук я все же отстоял, как ни старались его стянуть зареченские. Чуть не задушили. И никому и никогда не позволю хвататься за него!

Я твердо запомнил слова Надежды Федоровны, сказанные утром: «На галстуке горит кровь рабочего класса и трудового крестьянства. Берегите галстук, как зеницу ока, и честно носите его на груди!»

Теперь на нем была и моя кровь. Эх, кабы один на один!

Дома отец оценил синяки, которыми я разжился, и остановил взгляд на помятом галстуке.

— В пионеры вступил,— пояснил я.

— Вижу. Дрался за что?

— За галстук.

— С кем?

— С Пронькой Сусековым. Еще Васька-Лопух был и все зареченские.

— Та-ак, правильно. Запомни, кто не сбережет в детстве красный галстук, тот не сбережет потом партийный билет. А мы теперь с тобой оба партийные.

— Как это? — удивился я.

— А так. Ты пионер, я большевик, и цель у нас одна — коммунизм. Теперь ты не просто Ленька, а пионер Ленька. За галстук дрался — значит, за Советскую власть дрался. Понял?

— Понял.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С церкви снимали крест.

Мы прибыли туда ни свет ни заря. Упустить такое зрелище! Кроме того, среди мальчишек ходили упорные слухи, что крест из чистого золота, и мы надеялись отломить кусочек на грузила. Рыба, говорят, здорово берет, если грузило золотое.

Когда Федька, Степка и я примчались на площадь, перед церковными воротами толпился народ. Мы пробились сквозь тесные ряды и вынырнули возле самых воротин, сделанных из витых железных прутьев. На одной из них был прикреплен листок бумаги. Продавец сельпо по складам читал написанное химическим карандашом:

— «Кто по-ле-полезет сни-мать кре-крест, то-му пу-ля».

Толпа молчала.

Продавец вытер розовое, будто распаренное лицо большим платком. Я на миг встретил его юркие, с тревожным посверком глаза.

В народе пробежал тревожный шепоток: «Воронок. Воронок упреждает». Лишь одно имя этого бандита заставило кое-кого уйти от церкви, от греха подальше.

— Эхе-хе,— аккуратно сложил платок продавец.— Времечко приспело. Неуютствие.

— Богохульство это,— сказал кто-то в толпе.— Бог-от в душе, оттуль его не скинешь, аки крест.

Вдруг толпа смолкла и расступилась. К церкви шел Вася Проскурин, вожак сельских комсомольцев. Легкий на ногу, стройный, соломенноволосый, шел он со своими друзьями-комсомольцами снимать крест.

Вася подошел к воротам и остановился. Толпа выжидательно замерла.

Вася прочел бумажку, внимательно и неулыбчиво поглядел на толпу, на своих друзей-комсомольцев, на нас, мальчишек. Сорвал бумажку. Медленно и аккуратно сложил ее и засунул в нагрудный карман линялой красноармейской гимнастерки.

Толпа напряженно следила за каждым его движением. Вася упрямо мотнул светлым чубом и, бросая кому-то вызов, сказал:

— Ладно, посмотрим! — Он открыл тягуче заскрипевшие ворота.

Старухи завздыхали, закрестились:

— Накажет господь-от, огневается, милостивец.

Кто-то на кого-то прицыкнул, кто-то выругался, кто-то турнул по шее мальчишек.

— Зерно будут хранить в божьем храме,— сказал продавец и снова вытер безбровое лицо.— От колхозного, значить, урожаю.

В народе зашелестело:

— Святое место поганят.

— Э-э, чего тут! В песне поют, что весь мир разрушат.

— Молонью пустит милостивец, молонью на анчихристов-супостатов! — вещала бабка Фатинья и исступленно трясла головой. Вся в черном, морщинистая и злая, она походила на монашку.

— Разные кары бывают,— отозвался продавец и зыркнул по толпе глазами.

Отдельной группкой стояли Сусеков, Жилин и еще кто побогаче. Они молчали, никак не высказывая своего отношения к происходящему.

Сусеков поглаживал козлиную свою бородку, поглаживал мягко, нежно, но в этой ласковости было что-то страшное, затаенное.

Безбородый и румяный, несмотря на старость, Жилин тяжело оперся на костыль и, не моргая, уставился на комсомольцев. Уродливые, большие руки занемели на костыле, вспухли фиолетовыми жилами.

Молчали они, но почему-то именно они и были самыми страшными в толпе.

Комсомольцы закрепили на кресте веревку и под дружную команду: «Раз, два, три!» — дернули. Крест медленно наклонился. Постоял в таком положении, будто раздумывая, падать или не падать, и, кувыркаясь, полетел вниз.

Он рухнул в церковную ограду, и земля отозвалась долгим и тяжким гудом. Толпа качнулась, запричитала, закрестилась, с лютой ненавистью и страхом глядя на комсомольцев.

Послышались угрозы. Комсомольцы подобрались, плотнее встали. Вася Проскурин щупал синими глазами-льдинками толпу.

— Несознательность проявляете, граждане! Наговоры слушаете.— Вася перевел глаза-льдинки на кулаков. Голос его поднялся выше.— А в церкви сделаем зернохранилище для колхозного хлеба. И никто, слышите, никто не остановит нас!

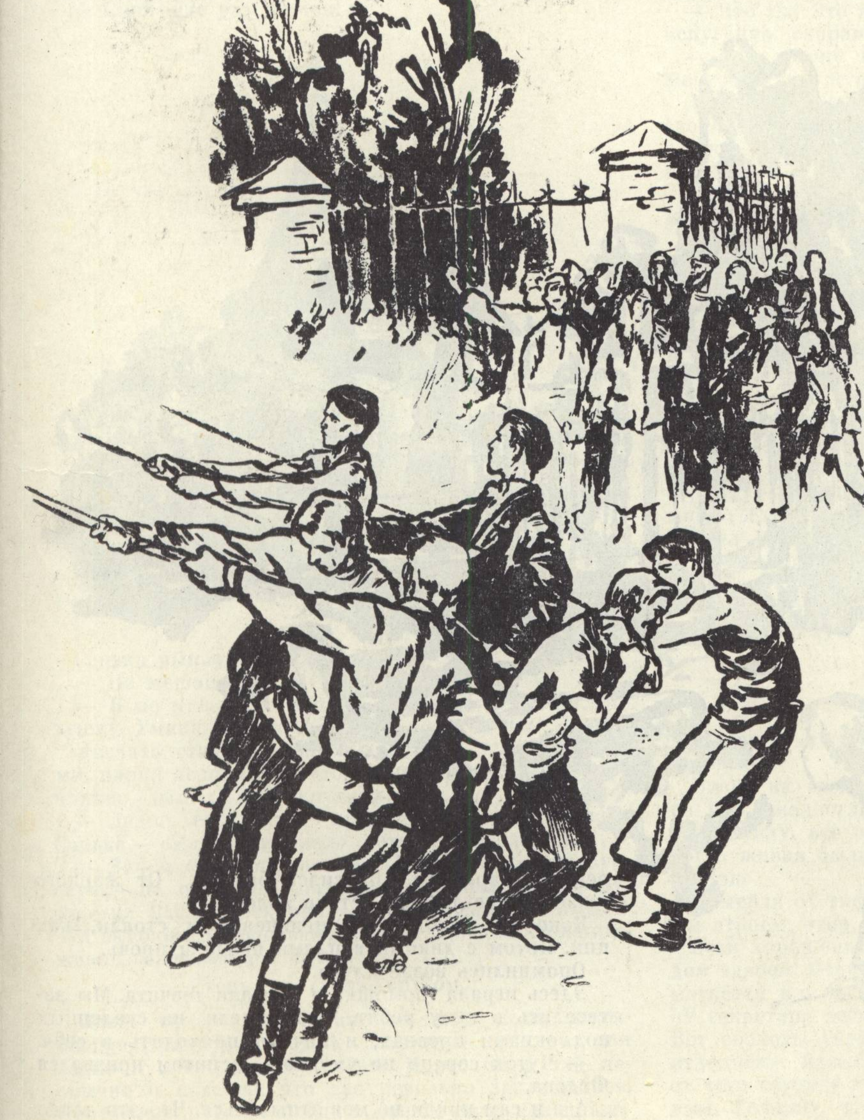
И такая сила прозвучала в этих словах, что толпа замолчала и по одному, по два стала растекаться. Остались одни пацаны.

Первым делом мы осмотрели крест и разочаровались: он был совсем не золотой, а железный. Вдобавок пустой внутри. Интерес к нему сразу пропал.

Вечером мы зорили воробьиные гнезда на амбарах, которые стояли на отлете от села, возле кладбища и церкви. Федька насобирал яиц больше всех и сложил их себе за пазуху. Потом играли «в сыщики-разбойники» и кидались яйцами.

Доигрались до темноты.

И тут кто-то сказал, что сейчас любой струсит пойти на кладбище: сейчас там мертвецы из могил поднимаются. Федька, который в этих делах разбирался лучше всех, уточнил, что мертвецы поднимаются после двенадцати и разгуливают до третьих петухов, а сейчас еще и одиннадцати нет. Но сам пойти на кладбище наотрез отказался.

— Значит, никогда не найти нам золотой молнии,— задумчиво сказал Степка.

Найти золотую молнию, что ударит из белой тучи, было нашей мечтой. Эта молния особая, волшебная. Там, где упадет она, в одночасье расцветут цветы жарки, а под ними — клад. Кувшин. Но не злато-серебро будет в нем, а сладкий квас, какой в городе продают. И кто напьется этого квасу, тот станет мастером на все руки. И все-то у него будет ладиться, все-то он будет уметь. Но падают такие молнии в самые страшные места: в болота, в дремучие леса, на кладбища. И искать надо ночью. И откроется она только трем смельчакам, трем друзьям, которые не струсят ни перед какими колдовскими силами, не отступят.

А что на наше кладбище упала такая молния, ходил слух. Кто-то будто видел ее.

— А ну, кто со мной? — спросил вдруг высоким, звенящим голосом Степка.— Кто не сробеет? Ленька, айда!

— Айда,— почему-то сказал я, хотя совсем не собирался идти.— Идем! — позвал я тут же Федьку.

— А мертвецы? — шепотом спросил Федька и расширил глаза.

— Ты же сам говорил,

что они после двенадцати, а сейчас только что на каланче пробило одиннадцать.

Федька мялся, пугливо поглядывая в сторону кладбища.

— Третий же нужен,— сказал Степка.— И чтоб — друзья.

С неохотой Федька согласился, но заручился, что пойдет последним.

Мы подошли к церкви, за ней начиналось кладбище. На церковных воротах что-то белело. Это оказался листок. Едва различая буквы, мы прочли: «Ждите возмездия».

— Ой-ей-ей! — заскулил Федька, приседая.— Колдовство. Не пойду, живот закрутило.

У меня забегали мурашки.

— Айда,— упрямо сказал Степка дрогнувшим голосом.

— Айда,— лязгнул зубами я.

— Ой-ей-ей,— ныл Федька, потихоньку пятясь назад.

— Не вякай! — пришикнул Степка.— Айда!

Мы двинулись в темноту кладбищенских деревьев и крестов.

Федькины пальцы намертво вцепились в мою руку и прыгали от страха. У меня что-то неладно было с ногами: подкашивались.

И тут бесшумно, по-волчьи, подкралась гроза. Не обычная, с дождем, а сухая и без ветра.

Лопнуло над головой небо и огненным всполохом озарило кладбищенскую темь. Перед глазами вспыхнул большой прозрачно-оранжевый шар. Он висел на нашем пути и слегка покачивался, будто раздумывая, куда лететь. Потом шар вдруг начал кипеть и пузыриться. То один его край, то другой вздувался и лопался, выбрасывая голубые искры.

Дрожа всем телом, мы сгрудились в кучу, как овцы перед волком. Федька громко вызванивал зубами и норовил залезть в середку.

— Го-го-господи,— заикался он.— М-ма-м-маньки!

Шар двинулся к часовенке, что стояла на краю кладбища, и вдруг исчез, как сквозь стенку прошел. И в тот же миг из часовенки выскочил мерт-

вец и, вскрикнув, бросился бежать. От жаркого ужаса у нас дыбком встали волосы.

Какое-то мгновение, оцепенев, мы стояли, как пни. Потом с дикими воплями наддали прочь.

Опомнились возле клуба.

Здесь играла гармошка и плясали девчата. Мы затесались в кучу ребят, что сидели на сваленных под окнами бревнах, и начали приходить в себя.

— Чуток сердце не умерло,— шепотом признался Федька.

А я и сам никак не мог отпыхаться. Что это такое мы видели? Неужто и впрямь ходят по ночам мертвецы?

Склонив чубатую голову набок, так, что чуб касался мехов гармошки, Сенька Сусеков, старший брат Проньки, быстро и ловко перебирал пальцами по перламутровым пуговкам ладов. В углу рта висела потухшая цигарка, а на голове чудом держался новенький картуз с лакированным козырьком.

— Их! Их! Их! — выкрикивала Лиза, дочь бабки Ликановны, высокая и красивая, выбивая пыль на утрамбованном «пятачке» и взмахивая над головой платочком.

Лизавета, Лизавета, я люблю тебя за это,
И за это и за то, что ты пропила пальто! —

гаркнул Митька Жилин, закадычный дружок Сеньки Сусекова, и вприсядку пошел вокруг Лизы.

Дробный перестук каблуков. Свист. Веселье.

Мы стали отмораживаться. Хорошо на народе! Не страшно.

Сенька Сусеков вдруг тряхнул чубом и ошарашил всех такой частушкой, что девчата смутились, а парни откровенно загрохотали.

На крыльцо клуба вышел Вася Проскурин.

— Спой еще раз, Семен!

Сенька рыпнул мехами.

— Не мешай людям гулять, секлетарь.

— Я не мешаю, я говорю: спой еще раз эту частушку. Умная частушка. Долго, поди, сочинял?

Девчата стали стыдливо прикрываться платочками, парни делали вид, что их это не касается, и отчаянно дымили самокрутками.

— Ладно, секлетарь,— прищурил колючие глаза Сенька.— «Интернационал» петь не заставишь.

— Зачем «Интернационал»? Можно и просто русскую,— не обращая внимания на скрытую угрозу, ответил Вася Проскурин.— А ну, Лиза, подтягивай!

И высоким, вздрагивающим от сдержанного напряжения голосом Вася начал:

Степь да степь кругом...

Лиза, самая голосистая в нашем селе, вызывающе тряхнув головой, подтянула ему, и они ладно и смело повели песню. И это было так необычно и красиво, что все невольно заслушались. Протяжные русские песни в нашем селе, как правило, пели под пьяную руку, а обычно по улицам молодежь горланила частушки, которые тут же сочиняла.

Я заслушался, позабыв обо всем. Но тут меня потянул за рукав Федька.

— Чего ты? — зашипел я на него.

— Айда на Ключарку... Видишь?

Когда мы драпали с кладбища, у Федьки за пазухой из воробьиных яиц сделалась яичница.

— Айдате, а то боязно одному-то,— канючил он.

Мы пошли с ним. На речке темно, и нам снова становится не по себе. Пугливо озираемся и теряемся в догадках: что такое видели на кладбище?

Федька быстренько выполоскал рубашку, мы ее выкрутили и припустились с речки.

— Черт это был,— заявил Федька, когда мы рысью добежали к калитке его дома.— Бабка Фатинья, слыхали, говорила, что божья кара будет. Вот и есть. В середке сидел. С хвостом. Видали?

— Хватит брехать! — оборвал Степка.— Сам ты с хвостом. А еще пионер! — И, что-то прикинув в уме, раздумчиво сказал: — Это тот, кто листок прилепил на ворота.

— Что ты! Это же мертвец! — забожился Федька, испуганно озираясь.

— Как тресну по башке! — озлился Степка.— Мертвецы не курят.

Довод был веский. Когда э т о с т р а ш н о е выскочило из часовенки, мы видели, как о н о бросило окурок. А даже Федька не слыхивал, чтобы мертвецы курили.

— Может, он все ж из шара выскочил? — не унимался Федька.

— Ой и дурак ты, Федька! — скривился с досады Степка.— Он сам шара испугался. Может, и у него тоже со страху живот закрутило.

Федька обиженно засопел. Тут мы и разошлись, договорившись назавтра днем сходить в часовенку и обследовать ее.

Дома я все рассказал отцу.

— Молния это,— сказал отец.— Шаровая. Видал я такие. Тут никакого чуда нет. А вот что это за человек встретился — это дело посерьезнее. Н-да-а,— задумчиво мерил отец длинными ногами горницу.— Этих Сусековых и Жилиных не сразу сломишь. Жилистые.

Снял со стены саблю, погладил отполированный эфес и вытащил холодно мерцающий клинок.

— Записками стращают. Враг голову подымает, Ленька.— Посуровел глазами.— Что ж, рубанем эту голову по самую ключицу!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Живем мы втроем. Отец, дед и я. Мама у нас померла.

Висит на стенке фотокарточка, и с нее смотрят на меня жалостливые мамины глаза. В какой угол я ни зайду, все равно смотрят они на меня. Мама, когда живая была, говорила: «С тебя глаз спускать нельзя».

Померла от тифа. Два года назад. Так и остались мы втроем: отец, дед и я.

Если хорошенько разобраться, то живем мы с дедом вдвоем. Отец редко дома бывает, все по району мотается или целыми ночами в райкоме заседает. «У секретаря весь район на плечах,— говорит он.— Вот колхозы укрепим, кулачье под ноготь — тогда отдохнем». Весело подмигивает озорными глазами, от чего корявое и бровастое лицо становится красивым. Говорит, что на его лице черти горох молотили, вот и рябое стало. Веселый у меня отец!

Молодой он, а виски как снегом забуранило, и на плече у него синий рубец — карабином за гражданскую войну натер. И еще маленькая ямка есть на ноге от разрывной английской пули. Он у Буденного разведчиком был. И теперь, когда бывает в хорошем настроении, в свободную минуту напевает свою любимую:

Сотня юных бойцов из буденновских войск
На разведку в поля поскакала...

И смотрит куда-то вдаль, а глаза задумчивые-задумчивые. Наверно, видит, как воевал. «Шашки во-он! Марш-ма-арш!!» И летит конная лава в жестокую сечу с золотопогонниками за Советскую власть. Жутким блеском сверкают сабли, и впереди эскадрона несется мой отец, молодой, храбрый и красивый!

Фотокарточка у нас есть, пожелтела она и облезла. Отец — в буденовке со звездой на лбу, в шинели с красными полосами на груди, с маузером на боку и с саблей до пола!

Чего он сейчас так не одевается? Только шинель по-прежнему носит, но не ту, с красными полосами на груди, а другую, которую Эйхе подарил. Когда дядя Роберт приезжает к нам и они идут рядом, то со спины и не различишь, кто Эйхе, кто отец. Оба высокие, в длинных кавалерийских шинелях, и оба идут размашистым, быстрым шагом. Только отец пошире в плечах и потяжелее на ногу.

Сабля отцовская висит теперь без дела над кроватью. Иногда отец вытаскивает из ножен отливающий ледяным сколом клинок и проводит по жалу ногтем. Взгляд его светлых глаз холодеет и становится острым, как сама сабля.

Есть у отца наган, тяжелый, большой, барабан щелкает, если покрутить. Наган этот отец всегда с собой носит, а маленький, как игрушечный, браунинг лежит дома в столе, куда мне строжайше запрещено лазить.

Браунинг — подарок дяди Роберта. На рукоятке есть серебряная пластинка, а на ней гравировка: «Тов. Берестову от Эйхе в знак революционной дружбы». Браунинг этот отец бережет пуще глаза. «Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии подарил,— говорит отец, поднимая палец.— Это тебе не шутка».

Иногда отец стреляет из нагана и браунинга. Поставит на ворота, что выходят в сторону реки, копейку и бьет по ней. Обязательно попадет. Мне бы так!

Когда нет никого дома, я снимаю со стены тяжелую саблю и вижу себя на белом коне впереди сотни юных бойцов.

Наигравшись досыта, вешаю саблю обратно на стену, беру свою деревянную и иду кромсать крапиву у забора.

Дед дивится:

— И чего взъярился? Всю крапиву начисто извел. Ты бы лучше чурочек Ликановне наколол, обед сготовить.

Эх, дед, ничего-то он не понимает! Тут обида до слез, что опоздал воевать в гражданскую войну, а он — чурочек наколоть!

Вот отец, повезло же ему! Сколько он воевал! Его еще при царе в солдаты взяли, и воевал он с австрийцами. А потом во Францию отправили, чтобы они там за Францию воевали против немцев. «За снаряды продали,— говорил отец.— Русский солдат вместо пушечного мяса был». А во Франции как узнали русские солдаты, что в России революция, так потребовали, чтобы их домой отправили. А их арестовали — и на тяжелую работу. Отец подговорил дружков, да и сбежали они домой. Полгода добирались до России, всю Европу прошли пешком. Чуть с голоду не померли. А как в Россию прибыл отец, так за Советскую власть стал воевать и в большевики поступил. Со всеми белыми генералами воевал. И стрелять метко научился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Вставай! — разбудил меня дед.— Дружки вон томятся.

Под окном разбойничий свист. Я вскочил, прилип носом к стеклу. Проморгался. Так и есть: Федька и Степка. Отчаянно машут руками.

— Сейчас! — крикнул я, натягивая на ходу штаны. Схватив горбушку хлеба, выскочил на улицу.

— Дрыхнешь? — зловеще спросил Федька и уставился на меня страшными глазами.

— Дрыхну,— сознался я.

— Дрыхнешь? — еще зловещее спросил Федька и еще больше вытаращил глаза.— А тут такое творится, такое творится!

— Что? — упало у меня сердце: ведь всякое могло стрястись, пока я дрых! А Федька каждой дыре гвоздь, он все знает. И Степка загадочно молчит. У меня от любопытства и нетерпения зачесались пятки.

— В Васю Проскурина лом бросали! — выпалил Федька и замолчал. Федька любил ошарашить. И теперь с любопытством наблюдал, какое впечатление произвело его сообщение.— Вышел он вчера из клуба, стал замок навешивать, а с крыши — бух! Лом!

— Насмерть?! — ахнул я.

— Не-е,— протянул Федька.— Только задело. По щеке. Вот! А ты дрыхнешь!

— Это... тот... с кладбища? — замирая, спросил я.

Федька как-то ошалело посмотрел на меня и догадливо заорал и заразмахивал руками:

— Ну да, а кто же еще? Бабка Фатинья утром прибежала к мамке и говорит: «Вася Проскурин полез на крышу, а там никого. Ясно — привидение!»

— Какое привидение! — перебил Степка.— Где ты видел, чтоб привидение ломами кидалось?

— Ладно, пусть,— охотно согласился Федька.— А чертики летучие есть. Бабка Фатинья сама видела, как они над кладбищем летали. Махонькие, с крылышками, как летучие мыши, только с рожками.

— Пионер называется, в чертей верит! — возмутился Степка.

— А видали вчера! — оправдывался Федька.

— Ладно. Айда! — прервал его Степка.

Мы пришли на кладбище.

Тихо здесь. Между могилок козы пасутся. Федька подозрительно покосился на них, признал коз бабки Фатиньи и успокоился.

В углу кладбища — кирпичная, давно не беленная, с облупленными стенами часовенка. На железном куполке — покосившийся крест. Стоит часовенка, загадочная, притаившаяся, поджидает. Мы остановились и мнемся.

— Ну, айдате,— первым решился Степка.— Не век тут стоять.

Подошли ближе. Часовенка как часовенка, а жутко. День, солнце, а жутко.

Над головой с писком прочертила косой след ласточка. Федька испуганно отшатнулся.

— Ты не пугайся,— подтолкнул его Степка.— И нас не пугай.

Собрались с духом, открыли дверцу. Она таинственно заскрипела. Вошли в прохладную с затхлым запахом воробьиных гнезд и плесени часовенку. Лицо щекотнула паутина.

Постояли на пороге, приглядываясь к полумраку. Федька чихнул, как из берданы выстрелил. И тут сверху вдруг что-то посыпалось, что-то просвистело мимо ушей, раз, другой, третий!.. Какие-то маленькие тельца, юркие и жуткие в своей неизвестности.

— Брысь! Нечистая сила! Чур-чуров! — завопил Федька и козлом сиганул к двери.

Мы шарахнулись за ним. Опомнились за кладбищем.

— Чего орал? — спросил Степка, отпыхиваясь.

— Нн-ничего, а в-вы чего? — заикался Федька.

— Ты же первый.

— А чертики летели, крылатые.

— Какие чертики! — аж задохнулся от негодования Степка.— Разуй гляделки-то! Воробьи это!

Федька оторопел. Стоял с открытым ртом. Потом заплевался и забуйствовал:

— Черти воробьи! Ух! Сердце захолонуло!

Он прямо осатанел и требовал рогатку, чтобы извести всю воробьиную породу.

Наконец пришел в себя и стал сосредоточенно обминать шишку на лбу, которой разбогател, стукнувшись о косяк.

Отдышались, снова двинулись к часовенке. Федька плелся сзади, прихрамывая и жалуясь на порезанную еще весной ногу. «Мухлюет,— догадался я.— Нога у него давно зажила».

Осмотрели часовенку и ничего подозрительного не нашли. Мусор, пыль, труха воробьиных гнезд. Начихались досыта.

Пуговицу нашли. Перламутровую. Круглую, как горошина.

— Ну, я пошел,— разочарованно протянул Федька.— Нюрка болеет, возиться с ней надо. Леденцов бы купить,— вздохнул он и ушел.

Я и Степка подались на райкомовскую конюшню, к моему деду.

Дед мой — конюх в райкоме. И мы частенько помогаем ему: гоняем лошадей на водопой, купаем, чистим их, сбрасываем с сеновала корм или водим подковывать.

В конюшне сухая, душистая прохлада. По стенам висят пучки засохших трав, и пахнет здесь степной полынью, конским потом и ременной сбруей.

Дед чинил сыромятным ремешком уздечку и слушал Черемуху, мозгляненького старикашку с большой, черной, будто приклеенной бородой. Черемухой старика прозвали за то, что у него была любимая поговорка: «Мать-черемуха». Он всему завидовал и всем был недоволен. Вот и сейчас он говорил:

— Как в начальники выбьется кто, так, глядишь, и размордел, гладкий стал. Зачем вот райкому две пары лошадей? Не всяк кулак столь лошадей держит, а тут гля-ко — четыре! Секлетарю на кониках красоваться? Может, тебе и обидно, Петрович, о сыне такое слышать, но я правду-матку в глаза говорю. Ить, погляди, Петрович,— мать-черемуха! — как власть, так пешком не ходит. Из края вон секлетарь Эйхев на машине-легковушке подкатывает, и энту машину-легковушку в речке купают, как ране губернаторскую кобылу холили, чтоб, значить, сияла. Ай не правду говорю?

Дед мой чинит уздечку и усмехается в сивый ус:

— Что ж, пешком по краю должен Эйхе ходить? Да и Пантелей мой тоже по району ноги пообобьет пешком-то.

— Пешком не пешком, а куда столь лошадей?

— Не один же он в райкоме, все ездят. Помотайся-ка по району, да еще в такое время. Воронок вон опять объявился.

— Да-а,— переключается дед Черемуха на другое.— Воронок не птица, а летает, и гепеу его не словит.

— Словят,— уверенно говорит мой дед.— Домой навернется, не может того быть. Словят.

— Кабы знать, когда навернется, а то ить как ветер в поле,— скручивает дед Черемуха «козью ножку».— Олютел человек, подобие потерял. Судью убить — это же надо, мать-черемуха! Прискакал, сказывают, в Катунское прямо середь бела дня. Взошел в кабинет, стрелил из левольверта — и в окно. На конь — и след простыл! Куды это милиция смотрит? Сничтожить такого вызверка надо, ить он сколь крови пустил! И все партейных бьет, которые при должностях.

Мы слушаем затаив дыхание, догадываясь, что речь идет о Воронке, племяннике Сусековых, предводителе банды, что скрывается где-то в окрестностях нашего села.

— Сводите-ка, помощнички, лошадей на водопой,— говорит нам дед и тут же строго предупреждает: — По улицам не гнать! Гнедко вон чтой-то засекаться стал.

Мы вывели лошадей из конюшни, с телеги попрыгали им на спины и, конечно, бешеным галопом проскакали по улицам, сопровождаемые истерическим лаем спохватившихся собак.

— Ар-р-я-а-а! Ар-р-я-а-а! — орем мы и представляем, что несемся в атаку. Рубахи наши пузырями надулись на спине.

К великому нашему удивлению, на Ключарке мы встретили Федьку. Он стоял, разинув рот и прикрыв рукой глаза. А Пронька Сусеков и Васька-Лопух упражнялись в меткости, кидая Федьке в рот пятак. На лице Федьки темнели синяки. Видать, сильно бросали Пронька и Лопух. Бросали и хохотали.

Федька увидел нас и сказал:

— Не игрок! — И стал обмывать побитое лицо.

— Проиграл, проиграл! — торжествующе заорал Пронька.— Уговор дороже денег. Ешь землю, проиграл!

Недолго думая, мы со Степкой направили лошадей на Проньку и Лопуха.

— Но-но! — закричал Пронька, опасливо поглядывая на морды лошадей.— Не очень! Коммуненки!

Они отбежали на порядочное расстояние и, не тая горькой злобы, заорали:

— Поквитаемся еще!

— Ладно, квит-наквит сделаем! — ответили мы.

— Ты чего с ними якшаешься? — подступил я к Федьке.

— Пятак обещал, если ртом поймаю.— Он вытащил из кармана галстук и стал надевать.

— Ты пионер! — орал я.— А с кулацкими сынками играешь?

— Я же снял галстук,— оправдывался Федька.— Я же распионерился на это время.

От негодования я прямо задохнулся.

— Ты что, белены объелся? А на ночь тоже распионериваешься?

— На ночь не считова. А Пронька пятак обещал, если ртом поймаю. Я же не за так играл.— В голосе Федьки просеклись слезы.— Нюрке леденцов думал купить. Хворает здорово. И муки два пуда мы им должны, а Пронька грозил, что за мукой придет, если играть не буду.

Федька швыркал носом, горестно вздыхал.

— Мамка говорит: «Ты им поддавайся, ублажай, а то муку потребуют». Вот я и поддаюсь.

Нам было жаль друга, и мы стали гадать, где раздобыть пятак на леденцы Федькиной младшей сестренке. Напоив лошадей, со свистом, вскачь домчались до конюшни, и я у деда выклянчил пятак.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Среди ночи кто-то нещадно заколотил по раме.

— Берестовы! Берестовы!

Стекла жалобно звякали, готовые вот-вот рассыпаться.

Первое, что я увидел спросонья,— это пляшущие по стенам комнаты кровавые блики. В окне полыхало багровое пламя. Было светло, как днем.

Мне почему-то послышалось, что с улицы кричат: «Война!».

«Наконец-то!» — в радостном испуге стукнуло сердце, и я полез было за саблей. Но в следующее мгновение наступило горькое разочарование: был пожар. На худой случай и это неплохо.

Я выскочил за ворота и тут только понял, что горит райком. Он был напротив, через проулок.

Я застыл на месте. Из окон отцовского кабинета валил дым. Пламя, будто тройка огненных лошадей, во весь мах скакало по карнизам. Около райкома растерянно бегал сторож и кричал: «Господи, горит! Господи, горит!»

Площадь перед райкомом была пуста: сторож да я. Выскочил дед, крикнул мне:

— За домом гляди! — И побежал куда-то быстро, как молодой.

Вскоре приехали пожарные. В бочках не оказалось воды. Поскакали на Ключарку.

Потом качали помпы и брызгали из брандспойтов. Распоряжался всем начмил, толстый, красный, с орденом в пунцовой розетке на гимнастерке. Его зычный голос повелительно господствовал над нестройным гулом толпы.

Из пламени время от времени с треском вырывались искры и веером осыпали всех. Одна искра попала мне на руку, и я долго плясал, как от укуса пчелы.

Люди с баграми и ведрами суетились, толкались, кричали и мешали друг другу.

На Васю Проскурина накинули мокрую попону, и он бросился в огонь. Я замер. Вслед Васе направили струю из брандспойта. Вася залез в окно отцовского кабинета, и пламя поглотило его. Через некоторое время из окна полетели папки с бумагами. Потом высунулся Вася и крикнул:

— Давай еще кто на подмогу! Одному не поднять!

На помощь ему полез тоже завернутый в облитую попону молодой милиционер Мамочка. Его так звали все, потому что фамилия его была Мамочкин. И его проглотил огонь. А если не вылезут?

Но вот среди пламени что-то зачернело в окне, и через подоконник перевалился окованный железом купеческий сундук. Это отцовский сейф. В нем важные документы.

Едва смельчаки успели выскочить, как рухнул потолок. Огненные брызги тугой струей ударили вверх и в стороны. Стало еще ярче и жутче.

Васю Проскурина и Мамочку тут же на площади перевязывал доктор. Они дымились, как загнанные лошади, и болезненно морщились.

У Васи совсем не было бровей и ресниц, и он как-то беспомощно и удивленно хлопал голыми веками. У Мамочки от великолепного чуба остался

какой-то жалкий порыжевший клок, висевший сосулькой. Мамочка время от времени хватался за него, и в глазах его было неподдельное горе. Чуб его был самым красивым на селе. Когда Мамочка шел по улице, он всегда победоносно встряхивал им. Я тоже мечтал завести себе такой чуб.

— Берестовы, Берестовы горят! — раздался крик.

Я страшно удивился, глянул на свой дом и ахнул. Наша крыша дымилась, как курится прорубь в сильные морозы. Кое-где поплясывали злые, верткие огоньки, будто из решета сыпались на крышу светлячки из огненных смерчей, что рождались в пламени райкома.

Стали тушить нашу крышу. Огоньки быстро попрятались, и крыша мокро почернела.

Райком сгорел.

Под утро прискакал отец. В эту ночь он был в Бийске.

— Документы как? — спросил он, не слезая с коня. Гнедко загнанно ходил взмыленными боками.

— Спасли, Пантелей Данилыч. Что смогли, спасли,— ответил дядя Митя, второй секретарь райкома. Теперь он был уже в штанах. На пожар дядя Митя прибежал в одних подштанниках и выделялся, как белая ворона среди черных.

— Вот только опись имущества раскулаченных погорела,— понизив голос, добавил дядя Митя.

— Та-ак,— сказал отец и тяжело перенес через седло ногу. Грузно спрыгнул с пошатнувшегося коня.

Постоял у пожарища, пнул смрадно дымящуюся головешку.

— Спаялись гады, как ужи по осени. Ну нет, наша перетянет! — С силой хлестнул плеткой по голенищу и пошагал в ГПУ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Настал июнь, занятия в школе закончились, мы перешли в пятый класс. Делать нам теперь нечего, и мы каждый день пропадаем в степи, то играть туда уйдем, то гнезда искать, то сусликов ловить, а то и просто походить, поглазеть.

И однажды встали мы спозаранку, захватили по горбушке хлеба, нащипали луку на грядке, сольцы завернули в тряпочку — и айда, пошагали. Что там, за синими горами, за широкими долами? Мы уже порядком устали, съели на ходу и горбушки хлеба и лук, а горы не придвинулись ни на капельку.

— Мерещатся они,— угрюмо говорит Федька.— До бесконца-краю идти надо.

— Настоящие они, только идти больно долго,— ответил Степка.

— Отдохнем тогда,— предлагает Федька и первым заваливается в траву на опушке березовой рощицы.

Лежим, задрав ноги. Степка поглядывает на Федьку, и на губах его притаилась плутоватая улыбка. А Федька мечтательно уставился на небо и грызет длинную травяную былку.

— Федьк, а, Федьк.— Степка держит в руках одуванчик.— Закрой глаза, а рот открой, фокус-мокус покажу.

Федька подозрительно косит глазом, перестает грызть былку. Федька страсть как любит фокусы, но Степке он не доверяет. Однако желание узнать фокус настолько велико, что он забывает о предосторожности и до ушей растворяет рот, на совесть зажмурив глаза. Степка быстро сует в рот одуванчик. Федька плотно прихлопывает губы, а Степка медленно вытягивает уже оголенный стеблик. Федька ошалело хлопает глазами и начинает ругаться, изо рта летят мокрые парашютики от одуванчика.

— Я бы его целым вытащил,— говорит Степка.— А ты дверки-то захлопнул. Испортил фокус.

Федька лезет на Степку с кулаками, тот увертывается. Потом они сопят, стараясь свалить друг дружку, но никто не пересиливает.

— Погоди, еще закукарекаешь у меня,— обещает Федька, отдуваясь.

Мы знаем, чем он грозит. Гипнозом. Федька хочет стать гипнотизером. Для этого, утверждает он, надо не мигая, просмотреть час в одну точку. Глаза от этого станут пронзительные, и все подчиняться будут. Придешь, к примеру, в сельпо, глянешь на продавца и про себя скажешь: «Дай килограмм конфет». Он тебе и отвалит, в бумажках или леденцов в жестяных баночках. И не за деньги, а так просто, за здорово живешь. Он даже помнить не будет. Затмение найдет.

Мы все усердно упражняемся в гипнозе. Но через две-три минуты глаза начинают слезиться — и сморгнешь. А сморгнул — все. Начинай сначала. Час не моргать надо.

Федька говорит: «Упертый я человек, сделаюсь гипнозом». Мне и Степке говорит, что все равно ничего у нас не выйдет. Для гипноза надо иметь черные глаза.

— Заставлю без штанов в крапиве сидеть! — грозит Федька.

Но Степка уже занят другим. Он ободрал с прутика кору и воткнул его в муравьиную кучу. Прутик враз покрылся муравьями. Степка стряхнул их и с наслаждением стал слизывать с прутика кислые капельки.

— Где это Воронок скрывается? — спрашивает Степка, глядя в глубь березовой рощицы.

Мысль о Воронке давно волнует каждого из нас, но мы не признаемся друг дружке. Степка первым высказывает общее опасение. Федька даже бледнеет при упоминании этого имени, и глаза его испуганно округляются.

Где-то здесь, в степи, а вернее, вон в тех веселых островках леса скрывается со своей бандой Воронок. А ну как вынырнут из того вон овражка немытые бородатые бандюги и скажут: «Ага, попались! Вы за Советскую власть? Вяжи их!»

Нам не по себе от этой мысли, и горы уже не такие заманчивые. Первым сдается Федька.

— Я дальше не пойду: нога расхворалась.

Он морщит лицо и хватается за ногу, которая давным-давно зажила. Мы со Степкой переглядываемся, выжидаем, кто что скажет. Наконец Степка недовольно ворчит:

— Вечно с тобой так-то. Что-нибудь да стрясется.

Теперь уж и мне можно сделать вид, что уступаю.

Путешествие наше кончается тем, что нежданно-негаданно подъезжает к нам мой отец. Ехал он в плетеной коляске, заложенной Гнедком, молодым ленивым жеребчиком. Отец натягивает волосяные вожжи, с веселым прищуром оглядывает нас из-под широких, ежистых бровей.

— Садитесь, мигом домчу. Конь-зверь, поменять бы где.

Мы лезем в коляску.

— Куда ходили?

— В горы хотели, дядя Пантелей,— разбалтывается Федька.— Да забоялись. Воронка забоялись.

Отец посерьезнел.

— Без толку не шляйтесь по степи. Но-о! — причмокнул на Гнедка. Тот даже и ухом не повел.

Косит глазом хитро, высматривает, где кнут. Отец показал, Гнедко мотнул головой: ага, мол, вижу — и взял валкой рысцой.

— До гор я вас довезу, дайте вот только с коллективизацией управиться. Пионерский лагерь там откроем. Есть такая думка в райкоме. Но! Но-о! — прикрикнул на Гнедка, который под шумок уже пошел шагом.

Он довозит нас до увала. Здесь мы слезаем.

Возвращаясь из разбойничьих набегов на степь, мы всегда отдыхаем на увале. Привольно здесь, ясно небо. Набегавшись вдоволь, лежим на зеленой бархатной мураве и бездумно глядим на мир, на степь, ровную-ровную, как туго натянутый цветистый полушалок, какие носят девки в нашем селе.

Внизу — село. Перед селом — речка. Тихая, светлая Ключарка.

По речке и село окрестили. Ключаркино — наше село.

Через перламутровую гладь воды — мост, неподалеку от него, на взлобке увала, камень. Говорят, Чингисхан поставил перед тем, как на Русь двинуться. И сидел тут будто и гадал: останется голова на плечах иль нет.

Выше камня стоит дощатый памятник со звездой, вырезанной из консервной банки. Могильный холмик осел и густо порос сорной травой. На могилках почему-то всегда полынь растет, сурепка, лебеда.

На облезлой, шершавой, покрашенной в красный цвет тумбе можно разобрать выжженную корявую надпись: «Филимон Арепин. Убит кулацкой пулей за марксизм». А ниже приписка: «Спи, раб божий». Дальше совсем непонятное из библии и косой крест.

Убит на этом месте и здесь же похоронен избач Филя. Это было год назад, весной, в день рождения Ленина. Возвращался тогда Филя из Бийска, торопился со свежей газетой, чтобы на комсомольском собрании о Ленине почитать. Тут его и встретили. Потом на мертвом Филе нашли спрятанную газету, залитую кровью, с портретом Ленина. Теперь этот портрет из газеты в избе-читальне висит, и под ним в комсомол принимают парней нашего села. Кто убил, того так и не нашли. А за что убили, все знают. Уж больно зло и смешно сочинял Филя частушки про кулаков, писал в газету и агитировал за колхоз. Теперь избачом Вася Проскурин.

Долго мы лежим на увале и говорим о всяких мальчишеских делах. Например, о том, где достать резины на рогатки. Желательно бы красной. Скорее бы приехал дядя Роберт Эйхе. У его шофера можно разжиться резиной. А так как Эйхе останавливается у нас, то меня и спрашивают друзья: скоро ли? А я почем знаю! Первый секретарь Запсибкрая не докладывает мне.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Отец потолковал с Надеждой Федоровной, и наш пионерский отряд ходит теперь на колхозное поле пропалывать свеклу.

Идем туда строем, в галстуках, с барабаном и горном. Федька стал нашим бессменным барабанщиком и начал даже задаваться. Но недолго ему пришлось гордиться перед нами, потому что Степка научился горнить на пионерском горне, и теперь они ходят рядышком.

Я тоже пытался научиться барабанить, но палочки у меня почему-то вертятся в руках, и получается не барабанная лихая дробь, а ерунда какая-то. Попробовал играть на горне. Но и тут осечка. Пыжусь, пыжусь, а вместо звонких, веселых звуков из горна вылетает какое-то шипение. Надежда Федоровна сказала: «Нет у тебя музыкальных способностей. Будешь знамя пионерское носить, руки у тебя сильные». Вот теперь мы и ходим втроем впереди отряда: Федька барабанит, Степка дудит, я знамя несу. Им, конечно, легче. Поиграют, поиграют да отдохнут, а я все несу да несу. А знамя тяжелое. Руки отмотает, пока до свеклы дойдем. Но вида я не подаю, и, когда Надежда Федоровна спрашивает: «Устал? Подменить?» — я упрямо мотаю головой: «Нет, не надо».

Свекольное поле, которое мы пололи, густо заросло молочаем. Подергай его, колючего, голыми руками! Тут, как в бою, упорство нужно. Сначала будто ежа берешь. Потом приобвыкнешь, и только ладошки горят, словно печеную картошку из костра таскал.

Однажды Надежда Федоровна сказала:

— Сегодня проведем соревнование. Посмотрим, кто лучше работает.

Каждому из нас отвели делянку. Рядом со мной по одну сторону была делянка Федьки, а по другую сторону Аленки-тихони. Есть у нас такая девчонка в классе. Всегда тихая, а учится только на «оч. хор.».

Я сразу нажал. Федька, Степка и другие отстали, а Аленка-тихоня не отстает. Наравне идет. «Неужели обгонит? Девчонка!» Стараюсь изо всех сил, даже к ручью пить перестал бегать и во рту все пересохло. Взмок весь, не обращаю внимания на боль в руках и в пояснице, все дергаю, дергаю, дергаю! А Аленка все не отстает и пить бегает. Противная какая-то девчонка! Как я раньше этого не замечал?

Упрел я, пока закончил свою делянку. Все же первым закончил. И Аленка тут же прямо за мной закончила свою и говорит:

— Леня, пойдем поможем Рите, а то вон она где отстала.

— Больно мне надо ей помогать,— отвечаю я и смотрю на свои бедные ладони.— Эта Ритка там еле-еле шевелит руками, а я ей помогай.

— Эх ты!..— сказала Аленка и ушла.

Я, конечно, не пошел.

Вскоре все закончили работу, и Надежда Федоровна сказала:

— Лучше всех работал Леня Берестов, он первый закончил свою делянку. И Алена очень хорошо работала и вторая закончила работу.

— Если бы захотела, я бы его перегнала,— вдруг сказала Аленка.

У меня прямо дух захватило от этих слов.

— Как бы не так! — заорал я.— Кишка тонка!

— Нет, не тонка, просто пожалела.

У меня язык от возмущения отнялся. Ах ты, тихоня противная! «Пожалела»! Треснуть бы тебя по башке, узнала бы тогда!

А она опять свое:

— Он хоть и ударник, да только для себя. Рите не стал помогать.

— Еще не хватало! — опять заорал я.— Дали каждому делянку, ну и делай свое!

— Нет, ты неправ, Леня,— сказала Надежда Федоровна.— Так рассуждать могут только кулаки, а ты пионер. И должен помогать товарищам, тем более что Рита слабее тебя, а ты вон какой здоровый.

— Нет уж, дудки! Не буду помогать девчонкам! — упрямо заявил я.

— Опять рассуждаешь не по-пионерски,— сказала Надежда Федоровна и холодно поглядела на меня.

Я замолчал, не стал больше спорить. А эта тихоня еще получит от меня! Собрался я ей кулак показать исподтишка, а она так на меня поглядела своими глазюками, будто куда-то в душу заглянула. А глаза у нее синие-синие, как Рябиновое озеро, где мы карасей ловим. И на носу у нее конопушки мелкие, как на воробьином яйце. И что-то такое со мной сделалось: хотел пригрозить и не пригрозил. Никогда за мной такой слабости не замечалось. Прямо удивительно. И целый день мне потом эти глаза виделись, синие-синие.

Дома мне еще отец добавил.

— Ну, брат, пришлось мне покраснеть за твое единоличное настроение,— сказал он вечером, едва переступив порог.

Это уж ему Надежда Федоровна доложила.

— Значит, свое только?

— Да какое же «свое»! — возмутился я.— Колхозное поле-то.

— Все равно. Кто товарищам не помогает, тот только себя любит.

Вот тебе раз! То говорит: будь везде первым, ты пионер! А теперь все наоборот.

— Выходит, я буду работать, а другой прохлаждаться, как Ритка, а потом я же ей помогай? Я глотка воды не сделал, а она от ручья не отходила.

— А ты увлеки ее, объясни, покажи, как надо работать,— не унимался отец.

Я обиделся. Вот пристали, сговорились, что ли?

— Ну ладно,— сказал отец.— Пей чай, не дуйся, а то лопнешь, чаем коленки ошпаришь. Ты подумай только: когда вы вместе бываете, Федька, Степка и ты, на вас зареченские не нападают. Потому что вы сила. В работе тоже нельзя по одному, как лебедь, рак и щука. Ты вот возьми веник, попробуй сломать. Не получится. А по хворостинке очень просто переломаешь. Так и в работе надо, вместе чтобы. Сделал все — помоги товарищу. Для этого колхозы делаем, для этого в коммунизм идем. Я вот тебе сейчас прочту, что Владимир Ильич пишет.

Отец достал с этажерки книжку в красном переплете, разобрался в закладках, которых было множество, и начал:

— Вот слушай, что такое коммунист. «Коммунист — слово латинское. Коммунист от слова общий.— Отец поднял палец, поглядел на меня.— Коммунистическое общество значит — все общее: земля, фабрики, общий труд — вот что такое коммунизм». Понял? Вот что пишет Ленин. Общий труд. А ты Аленке не хотел помочь. Какой же ты после этого пионер?

«Не Аленке вовсе, а Ритке,— тоскливо подумал я и утешился другой мыслью.— Этой Аленке еще будет! Тихоня!»

— Да-а...— задумчиво сказал отец.— Вытравить из нас эту крестьянскую закваску нелегко. Рабочий класс тем и силен, что он сплочен, гуртом держится. А вот крестьяне никак еще понять не могут, что им дает колхоз, общий труд. И разбредаются, как овцы у плохого пастуха. Но ничего! — Голос отца затвердел.— Поймут. Это попервости туго, а потом не растащишь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В избе-читальне организовали курсы по ликвидации безграмотности — ликбез. Заведовала этими курсами Надежда Федоровна, а мы у нее были помощниками. Мы — это Степка, Федька, я и Аленка-тихоня.

Учиться пришел народ пожилой, бородатый. Сидели за столами, смущенно покашливали в черные кулаки. Те, которые помоложе, толпились на крыльце, курили, натянуто похохатывали. Видно было, что волнуются и любопытно им, как это учеба происходить будет. Я в первом классе тоже такой же был.

Председательский стол покрыт красной сатиновой скатертью, на столе графин с водой и колокольчик. Над рамкой с портретом Ленина прибит кумачовый плакат: «Долой неграмотность!»

Открыл ликбез отец. Он был побрит и от этого помолодел. Высокий, плечистый, в зеленой гимнастерке и синих галифе, обшитых кожей, он походил на красного командира, каким он и был когда-то.

Отец и Надежда Федоровна пошептались о чем-то, и отец попросил всех занять свои места. Одернул гимнастерку, позвонил в колокольчик, подождал, когда стихнет гомон, и торжественно начал:

— Товарищи граждане нашего села! Сегодня мы открываем курсы ликбеза. От имени районного комитета ВКП(б) я приветствую вас, сознательных граждан нашего села, за то, что вы пришли сюда грызть гранит науки.— Взгляд отца задержался на беззубом деде Черемухе, отец досадливо крякнул и поправился: — Ну, грызть не грызть, а в общем, уму-разуму набираться. Владимир Ильич Ленин говорил: «Учиться, учиться и учиться». А Владимир Ильич очень грамотный человек был, он все языки знал, он мог и по-германскому говорить, и по-французскому, и по-разному другому. И то он все время учился. Я вот тоже обязуюсь немецкий язык изучить и за пять групп испытание сдать, потому как без грамоты теперь нельзя в нашей стране. Жизнь мы новую строим, а тут некоторые расписаться не умеют. Письмо придет — бежим к соседу, чтобы прочитал. А теперь вы читать сами научитесь и сами писать письма будете своим дорогим сынам или любезным знакомым.

Отец передохнул и торжественным голосом объявил:

— Районный комитет ВКП(б) постановил ликвидировать безграмотность в нашем селе. Мы теперь какую жизнь строим? — Отец оглядел всех и сам ответил: — Светлую жизнь строим! Да как же при этой нашей светлой жизни оставаться темным, неграмотным человеком! Нельзя этого допустить.

Отец поглядел на Надежду Федоровну и улыбнулся. Улыбка на угрюмоватом и корявом отцовском лице всегда была внезапна и ослепительна, как молния. И всегда хотелось тоже улыбнуться в ответ.

— Я вот тоже совсем неграмотный был до революции. А учеба, она глаза открывает, книжку или учебник прочтешь — и вроде пошире глядеть стал. Вот, к примеру, по степи идешь — далеко видать, верно? А на бугорок взойдешь — еще подальше глянешь. Так и с книжкой. Прочтешь — будто на горку взобрался: видать подальше. А вся грамота начинается, сказать вам по правде, с первой буквы. Значит, давайте сознательно учиться и нашу светлую жизнь строить.

Потом говорила Надежда Федоровна и рассказала, как будет идти обучение.

Потом мы, ее помощники, раздали по столам чистые листки бумаги и карандаши. Надежда Федоровна вывела на доске большую печатную букву «А», и все начали ее срисовывать. К каждому из нас прикрепили старика или старуху. Федьке достался его собственный отец. И Федька сразу заважничал. Поглядывал, как потеет над буквой его отец, и наставительно говорил:

— Не так, не туда палочку ставишь. Не так.

Федькин отец покорно хлопал глазами на сына, а я вдруг вспомнил, как он выдрал Федьку за семечки.

Хранился у них в чулане мешок с семечками. Мы всей оравой паслись у этого мешка. Однажды пришли к Федьке и застали такую картину. Изрядно пьяный Федькин отец стоял над мешком и звал сына:

— Слышь, поди-ка сюда! Оглох?

Федька, боязливо косясь на отца, делал вид, что идет, а сам только переступал на месте и плаксиво морщился.

— Не швыркай соплями-то! Иди сюда! Кто это семечки таскает?

— Не я, тятя,— захныкал Федька.

Федькин отец покачнулся, собрал верх мешка в узел и замкнул его на тяжелый амбарный замок.

— Вот, козел вонючий! — и огрел Федьку вожжами два раза, на всякий случай, на будущее.

А сейчас Федька стоит над отцом и с полным сознанием превосходства твердит свое:

— Не так, не так. Сюда вот закорючку надо, а ты куда?

Вконец расстроенный, отец смотрит на сына и не знает, что делать.

Кончается тем, что Надежда Федоровна замечает важничанье Федьки и отгоняет его от отца, сама показывает, как надо писать букву.

А мой отец ходит между столами, и с лица его, посветлевшего и какого-то растроганного, не сбегает улыбка. Видать, он очень доволен, что вот сидят взрослые люди и учатся писать. Иногда я вижу, как он переглядывается с Надеждой Федоровной и глаза его становятся мягкие, а учительница вспыхивает и с преувеличенным вниманием склоняется над очередным бородачом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дед послал меня в сельпо купить муки. По дороге я встречаю Федьку. Еще издали он свистит мне и машет руками.

— Чего ты? — спрашиваю я.

— У-у! — таращит глаза Федька.— Знаешь что?! Я вчера поднатужился и целый час не мигал. Гипноз теперь я!

Я прямо онемел. Вот так Федька! Вот что значит упорство!

— Айда в сельпо! — предлагаю я.— Гипнозом леденцов возьмем.

— Упорный я человек,— хвастает Федька, шагая рядом.— Сказал, сделаю — сделал.

Но чем ближе подходим мы к сельпо, тем меньше размахивает руками Федька и тише кричит.

Около сельпо стоит знакомый гусак и, вытянув змеиную шею, шипит. Мы его хорошо знаем: обязательно ущипнет.

— Давай гипноз! — ору я, едва успев увильнуть от клюва.

Но Федька уже на крыльце сельпо, на безопасной высоте.

— Чего же ты? — возмущаюсь я.

— Кабы он понимал, животина,— оправдывается Федька.— Бестолковый ведь и головой крутит, в глаза не заглянешь.— И заканчивает: — Ты, знаешь, сначала муки возьми, а потом я буду продавца гипнозом. Ладно?

В сельпо пахнет соленой рыбой, мукой, керосином

и хомутами. Продавец отвешивает какой-то бабке сахару и, брякнув на прилавок заржавленную селедку перед старухой, спрашивает нас:

— Чего вам?

Федька пятится.

— Муки,— говорю я.

Продавец обегает меня глазками.

— Берестов будешь?

— Берестов,— отвечаю я и думаю: «Как это Федька будет гипнотизировать такие юркие глаза? Их не уловишь».

— Муки тебе? — переспрашивает продавец.

— Муки.

Какая-то тень касается его лица, а глаза снова ускользают. «Не получится у Федьки»,— с сожалением думаю я.

Продавец идет в глубь магазина за мукой. Я подталкиваю Федьку.

— Давай!

Федька сопит и топчется на месте. Продавец приносит муку и подает мне. Лицо его в сильном поту, на губах какая-то деревянная улыбка.

Федька, вылупив глаза, шепчет что-то осевшим голосом.

— Громче говори. Чего надо? — нетерпеливо спрашивает продавец.

— Лам-па-се,— с придыхом отвечает Федька, и тут я вижу, как у него лезут на лоб глаза.

Продавец нагибается к ящику с конфетами, а Федька так дергает меня за рукав, что я чуть не роняю мешочек с мукой.

— Бежим! — жарким шепотом выдыхает Федька.

— За конфетами полез,— упираюсь я, не понимая, что стряслось с другом.

— Ой-ей-ей, мамоньки мои! — скулит Федька и, взмыкивая, тянет меня к выходу.

Мы выскакиваем на улицу.

— Чего ты? — накидываюсь я на Федьку.— Чего ты не подождал? Не видал, за конфетами полез!

— Видал! — тащит меня дальше от сельпо Федька.— А еще видал? Еще видал?

— Чего?

— Пуговки у него нет на воротнике. Ниточки болтаются. Беленькие.

— Ну и что? — не понимаю я.

— А такую пуговку мы в часовенке нашли. Я как углядел, так сердце замерло.

— Мало ли пуговок таких.

— Мало. Нету в нашем селе. У кого ты видал?

И верно: ни у кого я таких не видал.

Мы отнесли муку и пошли искать Степку, самого умного из нас.

Степка полол грядку на огороде. Федька взахлеб стал рассказывать, что случилось с нами:

— Продавец ка-ак за нами кинется! А Ленька ка-ак выскочит из сельпа, а я за ним.

— Ух ты, врун! — возмутился я.— Ты первый побежал!

— Не-ет, ты!

Вот всегда Федька такой, всегда на других сваливает.

— Стойте, не егозите! — перебил Степка.— Тут все обмозговать надо. Это — дело не шутейное.

И замолчал, нахмурив белые брови.

Обмозговывал он долго, а мы пропалывали за него морковку.

Наконец Степка сказал:

— Надо следить. По всем правилам. Как сыщики выслеживают.— Он прицелился на Федьку.— Сначала будешь следить ты.

— Не-е!..— запротестовал Федька.— Лучше я потом.

— Как потом? Случь чего ты его гипнозом,— поддержал я Степку.

— Гипноз, может, и не действует. Я в темноте глядел в точку, а потом уснул. Может, я и не час глядел,— сознался Федька.

— У-у, вечно ты такой! — зашипел Степка.

Решено было, что сначала Степка, потом я, а потом Федька. Но когда мы пришли к сельпо, оно было закрыто. И в этот день так и не открылось.

В обед отец наелся пышек, что напекла Ликановна из муки, купленной мною. И, выйдя из-за стола, вдруг стал бледнеть. Потом упал и стал кататься по полу в жестоком приступе рвоты. Дед срывающимся голосом вызвал по телефону доктора.

Доктор, подвижной старичок с беленьким клинышком бородки, прибежал вскоре.

— Что он ел? — спросил доктор.

Дед показал на пышки и чай. Доктор повертел пышку в руке, понюхал.

— Больше никто не ел?

— Не успели,— ответил дед.

— Откуда мука?

— Из сельпо.

— Осталась?

— Есть еще.

В муке нашли мышьяк.

Продавец как в воду канул.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ключарка до половины — воробью по колено, но под правым берегом — омут. Там с ручками. Там мы и купаемся. Плаваем на спине, ныряем, достаем ракушки со дна, гоняемся в догоняшки.

Раздвигая воду сильным плечом, саженками подплывает Сенька Сусеков. Глухо сопнув, хватает меня за шею деревянно-твердыми пальцами и начинает окунать в воду.

— Курнись, курнись, коммуненок!

Я выбился из сил, уже захлебываюсь, а он все сует и сует меня под воду. Я пустил пузыри.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы Степка не выскочил на берег и не заорал благим матом о помощи.

Прибежали парни, что купались под мостом, на самом глубоком месте. Среди них Вася Проскурин. Сенька отпустил меня.

— Пошутковать нельзя,— осклабился он.— Чё я ему сделал, секлетарскому пащенку?

— На мальков? — спрашивает Вася Проскурин. Спрашивает спокойно, а на скулах вспухли желваки.— Ты меня курни.

Стоят друг против друга, разительно отличаясь. Сенька коренастый, с тяжелыми, свислыми плечами. Несмотря на молодость, он огруз и кажется старше своих лет. А Вася Проскурин тонкий, стройный и весь светится. Будто березка против коряги. Такие березки гнутся в бурю, но стоят, а коряги хрупают пополам.

Злобно-весело глядит Вася на Сеньку, и нежно алеет рубец на щеке от лома, что сбросили на него с крыши клуба. У Сеньки под тяжелым прищуром век холодно блестят белки.

На берегу тихо, даже мелюзга присмирела.

Сенька, олютело кинув вокруг злобный взгляд, с придыхом обещает:

— Курнем, надо будет.

И идет прочь. Идет вразвалку, неторопливо, но мне почему-то кажется, что вот-вот он перейдет на трусливую рысь. Вася провожает его тягуче-долгим взглядом.

Меня стало рвать. Одной водой. Я бессильно лег на песок, и в голове все пошло кругом. Наверное, я долго так лежал, потому что, когда очнулся, Федька облегченно вздохнул.

— Думал, ты утоп. Дыхания у тебя не было.

У меня все еще кружится голова. Мы долго сидим молча.

— Леньк,— спрашивает Федька,— что такое классовая война? Это когда класс на класс? Как наш четвертый с пятым дрался?

— Ух, и умная у тебя голова,— говорит вместо меня Степка,— только дураку досталась.

— Ты больно мудрый,— обижается Федька.— Я спрашиваю, а ты сразу...

Степка, видимо, чувствует угрызения совести и начинает объяснять:

— Это когда бедные на богатых. И не война, а борьба. Вот Сенька Леньку топил — это классовая борьба. В Васю лом кинули — это тоже. Или райком сгорел, понял?

Федька молчит, что-то напряженно осмысливая.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Из Новосибирска приехала комиссия. Разбирать дело о пожаре райкома. Больной отец лежал дома, и комиссия пришла к нам.

— Ну, натворил, Берестов! — начал с порога высокий бритоголовый дядька.

— Чего натворил? — слабым голосом спросил отец, чуть приподнимая голову над подушкой.

— Как «чего»? Райком сжег, списки конфискованного имущества утратил да и с ликвидацией единоличных хозяйств тянешь. Не выполняешь процент.

— Может, я и мышьяку специально наглотался? — тихо спросил отец, но в голосе я уловил холодное бешенство.

— Это ты брось! — сказал бритоголовый, голенасто вышагивая по комнате.— Мышьяк тут ни при чем. Тебя о райкоме спрашивают. Почему сгорел?

— Пожар был.

— Юмор неуместен. Где был секретарь райкома? — В голосе бритоголового послышались начальственные нотки.

— В тракторной школе в Бийске. Вам это известно из докладной.

— Нам известно, что нет райкома.

— Райком есть,— твердо сказал отец, и брови его слились в одну линию, а над ними высыпал бисер пота.— Работники живы, и я секретарь райкома.

— Не завидую тебе, секретарь,— с расстановкой, многозначительно сказал бритоголовый.

— Не пугайте,— ответил отец.

— Боюсь, с партбилетом придется расстаться.

— Это... за что? — медленно, страшно медленно спросил отец и приподнялся на кровати. Кровь отлила с его лица.— Какая-то сволочь подожгла райком, а я билет выложить! Вы что... с ума посходили?

— Но-но, поосторожней, выбирай выражения! — просипел другой дядька, толстый и молчавший до этого.

У него воротник тугой петлей захлестнул багровую, налитую кровью шею. Я подумал, как бы он ненароком не удушился.

— Тут истерикой не возьмешь,— сказал он.— И не сволочись. Если у нас в каждом районе райкомы гореть будут, что же останется?

— Люди.

— Вон ты как! Значит, вины за собой не признаешь?

— Погодите, товарищи,— вмешался третий, длинноносый молодой.— Чего вы все удила закусили?

— Вину признаю,— слабо сказал отец.— За райком отвечу, но партбилет выкладывать — извините!

— А это у тебя спрашивать не будем,— махнул рукой бритоголовый.— Выложишь, как миленький.

— Врешь! — Отец быстро сел на постели. Бритоголовый отшатнулся. Но отец уже опять повалился на кровать, мучительно застонал и хрипло выдавил: — Не ты мне его давал, не тебе и отбирать!

— Что это? — вдруг раздался властный, с легким нерусским выговором голос с порога.

Все разом оглянулись. В дверях стоял Эйхе.

Никто и не заметил, как к нашему дому подкатила легковая машина и из нее вылез первый секретарь крайкома. Высокий, сухощавый, с маленькой бородкой и аккуратно подстриженными усами, он походил на Дзержинского. Полувоенная форма — серая гимнастерка и синие галифе, заправленные в высокие хромовые сапоги,— добавляла это сходство.

— Что это? — повторил Эйхе и шагнул в комнату. Мне показалось, что у нас стало светлее, вроде бы стены раздвинулись.

— Видите ли...— начал бритоголовый, и я поразился, как неузнаваемо переменился его голос, какой он стал мягкий.

— Вижу,— нахмурился Эйхе и начал чеканить: — Во-первых, почему у постели больного секретаря райкома нет врача? Во-вторых, почему разбор дела происходит на дому секретаря, а не на бюро райкома?

— Райкома нет, Роберт Индрикович,— вкрадчиво сказал бритоголовый и развел руками: мол, я тут ни при чем.

— Нет здания райкома,— сухо поправил Эйхе и снял фуражку военного покроя,— а члены бюро райкома живы и работают. Или я неправильно информирован?

Эйхе сел на стул и вытер со лба капельки пота. Высокий чистый лоб дяди Роберта был разделен на две части: нижнюю, загорелую, и верхнюю, незагорелую, что скрывала фуражка. И от этого лоб казался еще выше. Дядя Роберт пригладил потные волосы, которые были у него разделены пробором, и обвел взглядом комнату.

— Что ж, я неправильно информирован? — повторил он вопрос.

— Нет, правильно, Роберт Индрикович,— ответил бритоголовый.— Только мы почли за лучшее отправить врача от постели ввиду того, что в вопросах, которые мы хотели выяснить, врач не компетентен.

Эйхе поморщился, слушая эту длинную фразу.

Дальше я не слушал. Теперь все в порядке: дядя Роберт здесь.

Я выскочил на улицу и вовремя: Степка и Федька уже залезали в легковушку. Дядя Вася, шофер Эйхе, собирался ехать на Ключарку мыть машину.

Здорово все же, что дядя Роберт приехал! Во-первых, его привез дядя Вася, а у него можно разжиться резиной на рогатки и не какой-нибудь черной, а красной резиной, как и положено мальчишке, стоящему за Советскую власть. Это во-первых, как говорит дядя Роберт. Во-вторых, есть надежда прокатиться на увал. Дядя Роберт всегда катает нас на «эмке». В-третьих, приятно иметь знакомого настоящего революционера, который и в царских тюрьмах сидел, и в ссылке был, и революцию делал, и в гражданскую воевал. А уж дядя Роберт — настоящий старый революционер! У него даже кличка подпольная была — «Андрей».

На Ключарке мы рьяно помогаем дяде Васе мыть машину, и она скоро заблестела, как новенькая. Потом купаемся сами, а потом, когда дядя Вася свернул здоровенную самокрутку и закурил, мы приступаем к главному.

— Воробьев у нас! — издалека начинает Федька и закатывает глаза.— Страсть, дядя Вася!

— А-м-мм...— тянет дядя Вася, прищуривая от дыма один глаз.

— В огородах все поклевали,— добавляет Степка.— Спасу нет.

— Пугало сделайте,— советует дядя Вася.

— Ой, дядь Вась, не боятся они их: на макушках сидят.

— М-м-мм...

— Бить их надо,— говорю я.— А руками разве накидаешься?

— Угу-м-мм...

Попыхивает себе самокруткой, блаженно щурится на речку.

— Хорошо у вас здесь! Простор!

Разговор вроде бы подобрался к главному и, на вот тебе, опять потух.

— Воробьев у нас! — снова начинает Федька.

— М-м-мм...

Эта сказка про белого бычка тянется, пока дядя Вася не накурится.

— Говорите, руками не накидаешься? — спрашивает дядя Вася и тщательно тушит о подметку окурок.

— Не накидаешься, дядь Вась! — горячо убеждаем мы.

— Плохо. Ничем помочь не могу. У меня только красная.

— Красная! — вопит Федька и пускается в пляс.— Ура-а! Нам и надо красной.

— Красной? — удивленно спрашивает дядя Вася, а глаза его смеются.— Так бы и сказали сразу. Я думал: не возьмете. Думал: черная нужна.

На обсохшей машине подкатываем к нашему дому. Дядя Роберт уже на крыльце, за ним стоит комиссия. Дядя Роберт что-то говорит бритоголовому.

Мы вылезли из легковушки и мнемся возле нее. Дядя Роберт переводит глаза с бритоголового на нас, и мы какое-то время чувствуем этот неломкий, жесткий взгляд. Но вот глаза чуть сузились, приобрели спокойный блеск, и в излучинах рта легла хитроватая улыбка.

— Мушкетеры уже здесь?

— Здесь! — орем мы хором, подтягивая штаны и выпячивая животы вместо груди.

— Прокатить до увала? — подмигивает совсем уже весело дядя Роберт.

— Прокатить! — орем мы и, не дожидаясь особого приглашения, лезем в легковушку, на заднее сиденье.

И хотя договариваемся только до увала, на самом деле спокойненько его проезжаем, пока дядя Роберт не спросит шофера:

— Проехали, нет увал?

— Увал-то? — будто не зная, крутит головой дядя Вася.— Кто его знает. Надо у ребятишек спросить.

Мы вздыхаем.

— Проехали.

И чего так быстро его проезжаешь на машине, а пешком идешь-идешь!

— Ну что ж, прыгайте, зайчики,— смеется дядя Роберт, когда машина останавливается.

Мы горохом сыплем из легковушки.

— Оружие есть? — спрашивает дядя Роберт.

— Есть! — показываем мы на резину, уже поделенную и разрезанную на полосы для рогаток.

Дядя Роберт с самым серьезным видом осматривает резину.

— Это еще половина дела,— говорит он и вылезает из машины.

Гурьбой направляемся в березовую рощицу у дороги. В березках тихо, солнце золотистой пряжей процеживается сквозь светло-зеленую листву и пятнами лежит на мягкой траве. Воздух здесь теплый, пахучий.

— Вениками пахнет,— смеется дядя Роберт, снимает фуражку и глубоко дышит всей грудью.

Он останавливается и, запрокинув голову, долго глядит на верхушки берез, на белые легкие облачка в бездонной синеве и с грустинкой говорит:

— Ах, и хорошо же вам, мальчишки!

Конечно, хорошо. Кто говорит — плохо?

Мы выбираем рогульки и мастерим рогатки. Потом бьем по цели — по консервной банке. Мажем безбожно, а дядя Роберт попадает.

— Вот как надо! — смеется он.— Мазилы! Тренируйтесь. Красноармейцами станете, метко стрелять потребуется.

Рогатку, которую он сам сделал, отдал Федьке, и тот сияет, как начищенный самовар.

Провожаем дядю Роберта до машины.

— Коммунистический привет! — машет он нам из легковушки.

— Привет! — откликаемся мы и долго стоим в облаке пыли от машины.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Через неделю на бюро райкома отцу влепили выговор. Отец был еще болен, но уже ходил. Вернулся с улыбкой на осунувшемся, бледном лице, возбужденный.

— Пропарили, брат, меня! Сам Эйхе парил! А то «партбилет на стол»! Нет, шутишь! Выговор, конечно, по заслугам: охрана райкома была плохо налажена. И продавца прохлопали. Птица, видать, была.

Отец сильно ослаб и подолгу лежал у окна. Было непривычно видеть его дома и таким беспомощным.

Правда, и до отравления с ним бывали приступы лихорадки, которую он подцепил на Кавказе в гражданскую войну. Когда начинался приступ, он тоже бывал беспомощным и валился с ног, а мы с дедом тащили на него все, что было у нас теплого: и пальто мое, и отцовский полушубок из собачин, и дедов тулуп,— а ему все было холодно, и руки его были ледяные. Трясло его так, что он лязгал зубами, будто совсем голый лежит на снегу.

— Эскадро-о-он! — хрипел он в беспамятстве и судорожно шарил рукой по боку, ища эфес шашки.

После приступа он вставал страшный и какой-то чужой. Его пошатывало. Вялыми движениями вздрагивающих рук, обычно сильных, как кузнечные клещи, он долго застегивал командирский ремень на гимнастерке. И только тогда, когда привычно проверял барабан нагана, руки вновь приобретали цепкость и силу.

— Погодил бы чуток,— говорил дед.

— Не время,— ворохнув нездорово-желтыми белками, отвечал отец, совал наган в карман и уходил.

А теперь вот уже давно лежит отец дома и никуда не ходит. Лежит и читает.

О той или иной книге он прямо и резко выражает свое мнение. Про «Тараса Бульбу» говорил:

— Вот это книжка! Всем книжкам книжка!

А когда я рассказал ему про «Айвенго», который потряс меня своими рыцарскими подвигами, отец охладил меня:

— Шелуха. Короли тут и прочие господа. И писать об них нечего. Вот Тарас Бульба — это да! За свою родину, за народ бился. Как это он на костре сказал: «Нет товарищества крепче, чем русское, и силы нет сильнее». Вот.

Как-то он сказал мне:

— Книга, она, брат, многому научит. А писатели — народ башковитый. Я, знаешь, первый раз когда книжку прочитал, то подумал: «Как это он все подслушал, подглядел? Вот,— думаю,— проныра мужик».

Отец помолчал, потом улыбнулся, что-то вспомнив:

— Помнишь, ездил я в прошлый раз в Новосибирск, на пленум? Собрали нас всех, секретарей райкомов, ну и как-то раз после заседания Эйхе и спрашивает: «А как у вас, товарищи секретари, насчет общего образования? Не политического, а общего?» Ну, а какое у нас образование? У кого две, у кого три группы да коридор. Человека четыре

только с гимназией нашлось. У большинства — ликбез или курсы какие. Вот и вся грамота. Спрашивает Роберт Индрикович: «Например, литературой художественной интересуетесь?» «Интересуемся,— говорим,— как же!» Бодро так отвечаем. «А кто,— спрашивает,— например, книгу «Чапаев» написал?» Тут секретарь Солонешинского района и выскочил. «Пушкин,— кричит,— написал! Александр Сергеевич!» — и гордо так смотрит на всех. Вот какой, мол, я! Гляжу, Эйхе улыбнулся в усы и опять спрашивает: «А еще кто что скажет?» Грешным делом я вылез. «Промахнулся,— думаю,— солонешинский секретарь. Горький, поди, накатал эту книжку про Чапаева». Ну и ляпнул: «Максим Горький!» Посмотрел Эйхе на меня и говорит: «Ну вот это уже ближе к истине, хотя бы по времени. Потому что Пушкина убили за пятьдесят лет до рождения Чапаева, а Максим Горький — все же современник Чапаева». В общем, я тоже пальцем в небо угадал. Оказывается, книжку про Чапаева написал Фурманов, комиссар чапаевский. Вот ведь и фамилие я это слыхал, когда Колчака били. Геройский комиссар был.

Отец вздохнул, задумчиво погладил книжку.

— Придет время, все секретари академии поокончают. Полегче им будет работать: пошире глаз у них будет. А мы многого еще не знаем. Одним глазом на мир глядим, а глаз этот на классовую борьбу заострен. Тут уж без промашки. Пускай не знаю я, кто «Чапаева» написал, зато точно знаю, что Жилины, Сусековы и Мезенцевы — наши враги кровные. С завязанными глазами найду. По нюху. Вот на том пленуме и приказал Эйхе всем учиться. Сам проверять будет. Вот и ходит поэтому к нам Надежда Федоровна,— закончил отец и почему-то внимательно поглядел на меня.

Во время болезни отца к нам и правда часто приходила Надежда Федоровна. Она занималась с отцом. Отец твердо выполнял решение осилить школу за пять классов.

Почти каждый раз перед приходом учительницы отец брился, а однажды долго рассматривал свое лицо в зеркало, вздохнул и сказал:

— Корявый я. И худой, как загнанный мерин.

— Нет,— успокоил я его.— Ты красивый.

Отец как-то смущенно улыбнулся и грустно поглядел на мамину фотокарточку на стене.

— Для вас-то, может, и ничего, конечно...

А однажды сказал:

— Плохо у нас, Леонид. Ни постирать, ни обед сварить некому. Ты вон какой костистый, все на сухой корке. Женщину надо в дом.

Но я думаю по-другому.

— Стирать я и сам могу. А обед бабка Ликановна варит же.

Отец грустно улыбнулся.

— Эх ты! — потрепал по моим вихрам отец и надолго замолчал.

Учеба отцу давалась туго, особенно арифметика, с дробями он никак не мог сладить.

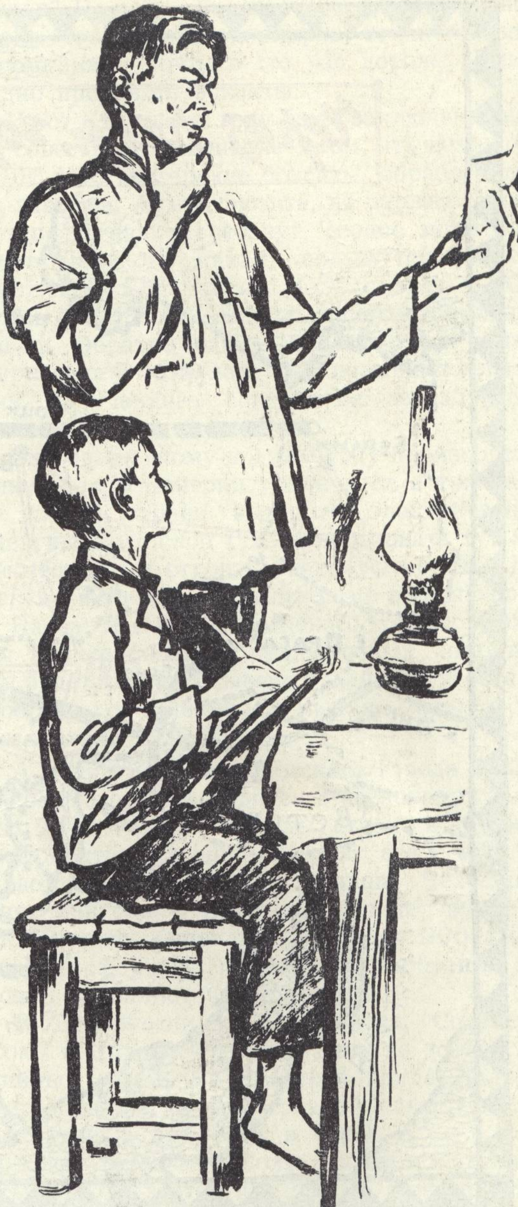
— Легче в атаку сходить, чем с этими дробями,— огорчался он.— Вот наука! Поди, самая трудная, а?

Видя, как быстро справляюсь с дробями я, восхищался:

— Щелкаешь, как семечки. В детстве-то мозги помягче, на них быстрее отпечатывается.

Но, несмотря на трудности, отец упорно сидел за учебниками.

Поощрял отец и мое увлечение рисованием, но и тут не обошлось без классового взгляда. Когда я рисовал комиссаров, или Чапаева, или бой с белополяками, отец хотя и крякал при виде моей беспомощной мазни, но говорил: «Хорошо. Рисуй классовую борьбу». Одобрял и мои живописные наброски: поле, сенокос, нашу баню. Но однажды увидел, как я старательно переписываю с открытки «Явление отроку Варфоломею» Нестерова и сердито засопел:

— Место тут красивое нарисовано, а вот монах этот к чему? Опиум народа. Брось ты эту картинку!

Я сказал, что Надежда Федоровна называет такие картинки произведением искусства.

— Какое это искусство? — удивился отец.— Поповская пропаганда это. Вот бы этого монаха расстрелять, тогда бы произведение искусства было. А так ты докатишься — царей рисовать начнешь.

(Окончание в следующем номере.)

Через реки, горы и границы...

Вы, наверное, уже встречали в газетах или слышали по радио короткое и не совсем обычное слово — СЭВ. Что оно обозначает? Совет Экономической Взаимопомощи. Совет объединяет социалистические страны, которые хотят вместе вести свое хозяйство, создавать промышленные гиганты, покорять реки и овладевать тайнами недр, делать жизнь народа зажиточнее и краше. Вместе ведь все делается и легче и быстрее.

Посмотрите на нашу карту, и вы увидите, какая сила у социалистического братства. На карте изображены самые крупные новостройки СЭВ.

Вот от берегов Волги через реки, горы и границы протянулся гигантский нефтепровод «Дружба». Он самый большой в мире. Его длина — пять тысяч километров! Строительство нефтепровода, в котором участвуют Венгрия, ГДР, Польша, Советский Союз, Чехословакия, уже подходит к концу.

«Дружба» не только освободит от перевозок нефти тысячи цистерн и сотни тепловозов. В странах СЭВ вырастут большие химические заводы. Используя советскую нефть, ГДР, например, выпустит в 1970 году в два раза больше, чем сейчас, химических продуктов.

А вот другие линии — линии электропере-

дач. Их объединенная сеть носит тоже замечательное название — «Мир». Центральный диспетчерский пункт в Праге уже направляет электроэнергию в западноукраинские районы Советского Союза, Польшу, Чехословакию, Венгрию, ГДР. В будущем году к сети присоединятся Румыния и Болгария.

А теперь найдите на карте Венгрию. В городе Алмашфюзите находится крупный завод по обработке бокситов. Из бокситов добывают алюминий. В Венгрии бокситов много, а вот электроэнергии, с помощью которой выплавляется алюминий, мало.

Как быть? Ограничиться только добычей сырья? Но тонна боксита на мировых рынках стоит четыре-пять долларов, тонна готового алюминия — почти в сто раз дороже. Невыгодно продавать бокситы.

И вот в прошлом году было заключено венгро-советское соглашение о том, что начиная с 1967 года венгерские бокситы, обработанные на заводе в Алмашфюзите, на баржах поплывут по Дунаю, пересекут Черное море и по Волго-Донскому каналу подымутся вверх к Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС. Здесь будет построен алюминиевоплавильный завод. Обратно баржи повезут уже слитки «крылатого металла», как называют алюминий, полученного советскими металлургами из венгерских бокситов.

Благодаря этому к 1980 году производство алюминия в Венгрии увеличится в три раза. И нашей стране выгоднее электрическую энергию Волжской ГЭС использовать тут же, на месте, чем строить новую магистраль для передачи электроэнергии прямо в Венгрию.

На карте возле румынского города Брэила вы видите большой целлюлозный комбинат. Он будет перерабатывать дунайский тростник. Сооружают комбинат Румыния, Польша, Чехословакия и ГДР.

А неподалеку от советского города Кингисеппа, который находится в нескольких тысячах километров от Брэилы, строится крупный фосфоритный рудник. Строят его совместно Советский Союз, ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия и Болгария. Придет время, и этот рудник будет давать около 900 тысяч тонн фосфоритов, ценнейшего удобрения для полей социалистических стран.

В Белоруссии, у Солигорска, Советский Союз и Польша строят рудник по добыче калийных солей. На польской земле Польша, Чехословакия и ГДР разрабатывают месторождения угля, меди и серы.

Когда хозяевами Болгарии были капиталисты, это была отсталая страна, даже простые булавки привозили из Англии. А сейчас социалистическая Болгария сама производит замечательные фрезерные, токарные и строгальные станки.

Если бы вы спросили у болгарских инженеров, как их страна смогла преодолеть вековую отсталость за такой короткий срок — Болгарская Социалистическая Республика существует ведь всего двадцать лет, — то в ответ услышали бы: «Мы не одиноки. Нам помогали братские страны и прежде всего Советский Союз».

Большая дружба помогает социалистическим странам вести свое хозяйство вперед семимильными шагами.

ОН МОЖЕТ УМЕРЕТЬ...

Документальный рассказ

Юрий ГАЛЬПЕРИН **Рисунки П. Кирпичева.**

— Он может умереть, надо спешить, Петр... Постарайся сесть поближе.

Петр Ширинкин кивнул командиру звена и начал складывать карту. Она была длинная, склеенная из нескольких листов. В середине ее тянулась прочерченная красным карандашом изломанная линия — маршрут предстоящего полета.

Ширинкин заложил карту в прозрачный планшет, убрал со стола линейку, транспортир. Потом сунул в планшет белую табличку, на которой были записаны расстояния между поворотными пунктами, время полета и курсы.

— В добрый час! — Командир пожал летчику руку и окинул его одобрительным взглядом.

В нашей отдельной санитарной эскадрилье Ширинкин считался одним из лучших пилотов. Он часто летал в самые отдаленные та-

ежные уголки, смело сажал свой одномоторный «С-2» на берег реки, лесную поляну, а то и просто у околицы деревни.

Новое задание было обычным. В схватке с медведем пострадал охотник. Правда, полет над тайгой зимою сложен. Легко ли отыскать в бескрайней мешанине леса и снега маленькую охотничью заимку?

Через несколько минут Ширинкин уже сидел в открытой кабине своей «санитарки».

— Контакт! — Механик рванул пропеллер и отскочил от мотора.

— Есть контакт!

Ширинкин пробует мотор, прислушиваясь к его веселой, могучей песне. Все хорошо.

Самолет легко заскользил на лыжах к взлетной площадке... Взмах флажка, рев мотора. Вихрь, поднятый пропеллером, бросил в лица провожавших мириады снежинок — и машина уходит в голубое высокое небо.

Так просто, привычно начинаются все полеты, но для тех, кто остается на земле, особенно когда провожаешь в дальний полет, ожидание всегда немного тревожно...

В середине дня в эскадрилью пришла телеграмма: «Раненый на борту, Ширинкин вылетел в Хабаровск».

В открытой пилотской кабине холодно. Поправив на лице меховую маску, Ширинкин посмотрел на приборы. Термометр, укрепленный на крыле, показывал тридцать пять градусов. Летчик обернулся и через плечо посмотрел в заднюю закрытую кабину, где на носилках лежал в теплом меховом мешке раненый. Заметив вопросительный взгляд, раненый через силу улыбнулся: ничего, мол, не беспокойтесь.

Под крылом самолета — сопки, зеленая щетина вековых сосен и кедров, еле заметные ложбины замерзших речек, пышные пласты снега на берегах и так — сколько хватает глаз... Тайга.

Взгляд привычно скользит по приборам. Стоп! Стрелка масляного манометра идет вниз. «Что-то с мотором!»

Ширинкин вслушивается... Так и есть: перебои. Летчик проверяет зажигание, убирает и снова прибавляет обороты, но «покашливающий» мотор явно не хочет тянуть.

Самолет над большой, поросшей лесом сопкой. «Куда садиться?» Еще не созрело решение, как с резким металлическим стуком вздрогнул и замер мотор. «Заклинило поршень», — понял Ширинкин и, отжав ручку, перевел машину на планирование.

Стало тихо-тихо. Самолет плавно, словно бы ничего и не произошло, заскользил к земле. Только сразу грозно ощетинились деревья, стали видны дальние, недостижимые теперь берега речки.

Ширинкин вспоминает правила посадки на лес: «Верхушки деревьев принять за землю, скорость максимально уменьшить, сажать с парашютированием...»

Рука пилота автоматически выключает зажигание, перекрывает кран бензинового бака, чтобы самолет, не загорелся при ударе о деревья.

Ширинкин приоткрывает окошко к пассажиру и как можно спокойнее говорит:

— Мотор зашалил, будем садиться. Держитесь покрепче за носилки.

...Самолет уже коснулся деревьев. Треск... Шасси сбивает ветви. Верхушка могучего дерева легко, словно вертел, прокалывает правое крыло. Самолет с грохотом разворачивается и падает в лес.

Тишина... Изуродованная машина полувисит меж деревьями. «Вертел» спас: амортизировал падение.

— Живы? — кричит Ширинкин.

— Жив, жив! — отзывается, позабыв о своих ранах, охотник. — Как вы?

— Ничего, цел, — мрачно говорит Ширинкин. — Попали...

— Что? — не расслышав, переспрашивает раненый.

— Ничего, говорю. Живы будем, не умрем! Сейчас осмотрюсь, выберемся и будем наших ждать. Прилетят.

Ширинкин хорошо понимает, что даже когда прилетят, то не так просто будет найти поблизости посадочную площадку. Но как отыщут их в густом лесу? Одна надежда — обозначить место аварии костром.

Летчик осторожно вылезает из кабины, спускается по широким, пригнувшимся под тяжестью самолета ветвям и, спрыгнув, по пояс проваливается в рыхлый снег.

Подняв голову, долго смотрит на самолет. Мыслей о себе в эту минуту нет. До боли жалко машину, первый в жизни разбитый самолет.

Около места аварии множество сбитых сучьев. Выбравшись из снега, Ширинкин утрамбовывает и застилает сучьями небольшую площадку.

Довольно долго пришлось повозиться со спуском на землю раненого пассажира. Оказавшись человеком мужественным, тот и сам, как мог, помогал летчику. Теперь раненый лежит в мешке на мягкой подстилке из веток, а летчик разжигает костер.

Взвившееся к небу пламя прибавило бодрости. Ленточками потянулись струйки ароматного смолистого дыма.

Только теперь Ширинкин по-настоящему рассмотрел своего пассажира. Он был не очень молод: из-под пыжиковой шапки-ушанки выглядывала седина. Глаза под широкими бровями смотрели спокойно, даже ободряюще. Он был егерем военно-охотничьего хозяйства. На охоте при встрече с медведицей подвело ружье. Пришлось побороться со зверем, особенно досталось ногам. Спасли товарищи.

— И тут люди выручат, знаю. Двигаться вот не могу, но ныть не буду, так что командуйте.

— Сегодня за нами не прилетят: поздно, — ответил Ширинкин. — Жилья близко тоже нет, стало быть, надо устраиваться.

— У меня в кабине вещевой мешок, туда мне медвежий окорок положили.

Действительно, пора было подумать о еде. Достав запасы, Ширинкин часть мяса предусмотрительно оставил в самолете. Снял алюминиевое пилотское кресло, поставил его на костер, и скоро в этой необыкновенной «сковороде» аппетитно зашипело мясо.

Ночь прошла за разговорами. Как только стало светать, Ширинкин пробрался по глубокому снегу к ближней открытой поляне и разложил там большой сигнальный костер. Рядом приготовил запас веток, чтоб дымило посильнее, и стал ждать самолета.

Часы тянулись медленно. Наконец чуткое ухо летчика уловило далекий рокот мотора. Петр яростно стал кидать в костер ветки. Поднялся густой столб дыма. Звуки ближе. Слышнее... Вот-вот покажется над ними самолет... Нет! Уходит! Не видит...

Так в течение дня несколько раз слышали они звук мотора, но, видимо, дым костра не мог выбиться из густой таежной чащобы.

Прошли сутки, вторые. Охотнику становилось хуже.

Два человека, заброшенные в таежную глухомань, отрезанные от всего мира, глядят в огонь и напряженно думают.

— Не видят нас, — после долгого молчания произносит Ширинкин. — Надо...

— Ну, ну, говори!

— По склону сопки должна проходить линия связи. Я где-то здесь просеку видел с воздуха.

— Не пойму, — разочарованно вздохнул охотник. — На что нам она? Дойти — не дойдем, а по проводу не поговоришь...

— Поговорим, поговорим! — уже радостно воскликнул Ширинкин. Он вскочил и стал подтаскивать к охотнику ветки. Поставил рядом с ним «сковороду» с остатками мяса.

— Вы не волнуйтесь, я, может быть, долго буду добираться до просеки — снег глубокий, да и не соображу точно, далеко ли.

— Да что там делать-то будешь?

— Давайте ремни, все, какие есть, — улыбнулся Ширинкин, отрывая лямки от вещевого мешка. — Слушайте...

...Ширинкин спешил. Несмотря на мороз, он весь взмок, пробираясь вниз по склону; за ним в снегу оставалась глубокая траншея.

Вот и линия связи. Невысоко, почти над самой землей, тянутся опушенные инеем провода. Ширинкин привязывает к концу ремней гаечный ключ.

— Ну, «аппарат», не подведи! — Летчик замахивается и швыряет ключ вверх, чтобы он зацепился за провода.

Попытка, другая... Еще одна... Готово! Ключ обмотался вокруг проводов.

Ширинкин резко дергает за ремни. С тоненьким, жалобным звоном провода рвутся и падают в снег.

— Теперь найдут, — шепчет Ширинкин и в изнеможении опускается на снег.

Район, где тянулись провода, входил в приграничную зону. Вместе со связистами на линию вышли пограничники. Могло случиться, что в тайгу проникли диверсанты.

Превозмогая невероятную усталость, Ширинкин отправился обратно по своим следам. Только к ночи добрался он до места аварии.

Охотник заметно ослаб и даже не притронулся к оставленной пище. Подбодрив его, заставив поесть, Петр подвинул раненого поближе к костру, сделал новый запас веток и снова отправился к линии.

Усевшись под свисающими проводами, Петр думал об одном: только бы не уснуть.

Людей он увидел неожиданно и, не помня себя от счастья, заорал что-то нечленораздельное...

— Стой! Руки вверх! — прозвучало в ответ.

— Братцы, свой! — кричал Ширинкин, но, увидев наведенные на него автоматы, поднял руки.

Перед пограничниками стоял обросший черноволосый человек в ободранном меховом комбинезоне и летном шлеме.

— Кто вы? Оружие есть?

— Самолет мой здесь. Я летчик Ширинкин. Сели на вынужденную. Там раненый. Скорее, человек может умереть...

МАЯКОВСКОМУ

Я его представлял по рассказам,
Портретам и книгам,
На посту революции
Вставшего в полный свой рост.
Он казался мне в детстве
Таким необычно великим,
Что увидеть его можно было
За несколько верст.

В сорок первом году
Восьмилетним мальчишкой московским
Я стихи написал
И решился ему отослать.
Думал я, что из взрослых
Лишь только один Маяковский
Их сумеет всерьез, как поэт,
Оценить и понять.

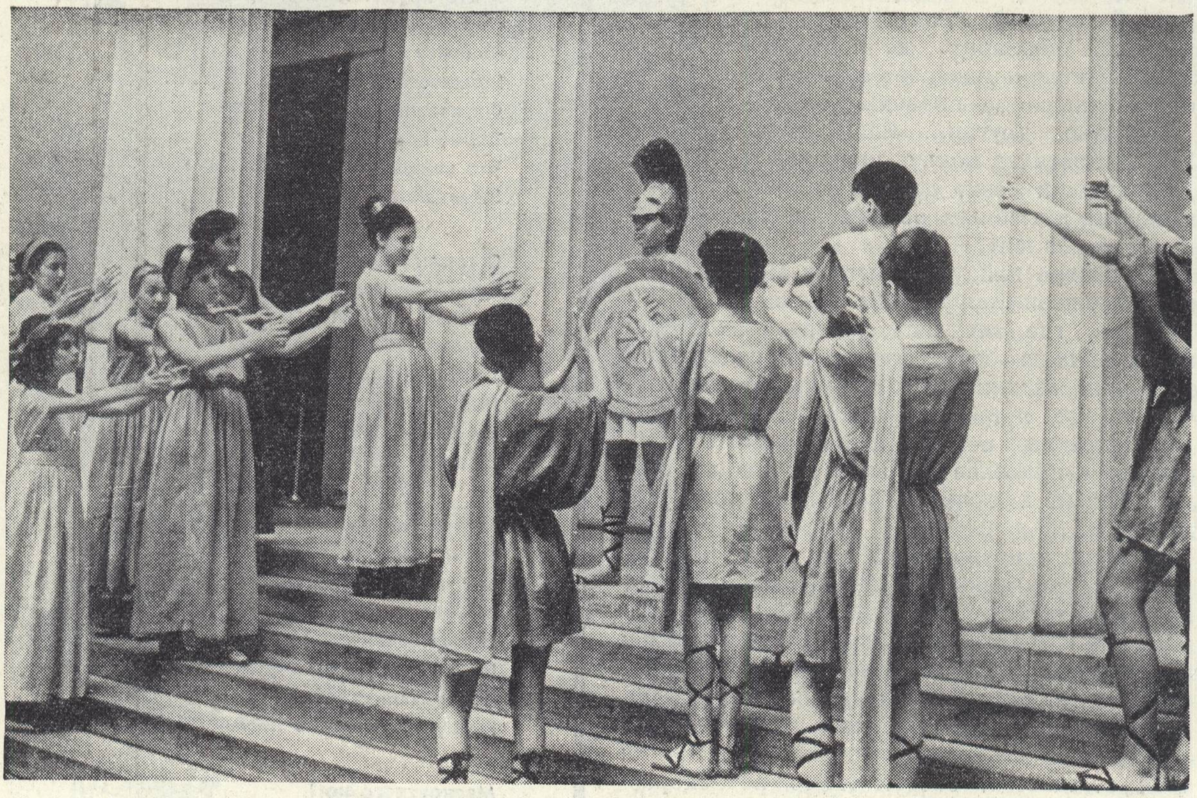
Много лет пронеслось,
Но и ныне все помню я свято:
Как ответа, волнуясь,
Я ждал, забывая о сне,
Нетерпеньем горел.
Но письмо не нашло адресата,
И корявые строчки
Вернулись обратно ко мне.

Маяковского нет!
Ни секунды не верил я в это.
И с передкего края
В письме сообщил мне отец,
Что на фронте он видел
Любимого мною поэта,
Что за Родину в бой
Вел танкистов великий боец.

Ничего не забыв,
Я иду по проспектам московским.
Над Москвой занимается
Солнечный мирный рассвет.
И хотя я узнал,
Что на фронте был танк «Маяковский»,
Как и прежде, в строю
Рядом с нами любимый поэт.

Борис СТАРОСЕЛЬСКИЙ

ОЖИВШАЯ ЭЛЛАДА

Тезей (Саша Гаазе) победил Минотавра и, держась за нить Ариадны (Оля Семенова), выбрался из лабиринта — и радостно, торжествующе зазвучал хор!

Все вы помните древнегреческие мифы, но довелось ли вам видеть своими глазами, как Тезей уходит в страшный лабиринт, держась за нить Ариадны?

Случалось ли вам встретиться лицом к лицу с темнокудрым Прометеем, легендарным смельчаком, дерзнувшим похитить огонь с неба?

Нет. Вряд ли вам удалось видеть собственными глазами ожившие фрески, слышать голоса древности, хотя это, оказывается, возможно. Оказывается, могут ожить и закружиться в ярком хороводе фигуры, изображенные на фресках. Могут зазвенеть тяжелые мечи, а в такт им — мужественные строфы, воспевающие героев Эллады. И это маленькое чудо совершили обыкновенные московские школьники.

В пятом классе они изучали греческие мифы, а в шестом поставили интересный спектакль, разучив отрывки из «Илиады» Гомера, из трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. Они сами, одетые в костюмы той далекой эпохи, превратились в героев и героинь мифов Древней Греции. Какой увлекательный, яркий и красочный получился спектакль! Светлый и радостный, такой, какими были представления в Древней Греции.

Трудновато было с костюмами. Но и тут нашли выход: хитоны для мальчиков, туники для девочек смастерили из старых простынь, выкрашенных в красный, зеленый, оранжевый цвета. Получилось очень нарядно! Шлемы и мечи сделали из картона, оклеив его блестящей серебряной бумагой. Щиты — из фанеры, копья — из дерева. Босоножки заменили девочкам старинные сандалии, мальчики смастерили самодельную обувь с тесьмой, обвивающей икры ног. Сколько пришлось для этого бегать в музей, приглядываться к статуям, рыться в книгах, альбомах, перерисовывать и изучать! Но ребята не жалели времени: все, все должно быть, «как в древней Элладе»...

Ни один спектакль в Древней Греции не обходился без хора. Хор пояснял зрителю то, чего нет на сцене, подчеркивал самые важные места. Греческий хор, как вы знаете, не пел. Он говорил торжественно и нараспев. Посмотрите на снимок: древние эллины в едином порыве закрыли руками лица. Эти мальчики и девочки как раз изображают греческий хор. Он оплакивает судьбу жителей Афин, которым угрожает страшный, прожорливый Минотавр. И еще неизвестно, кто спасет славных афинян.

Старательно и долго готовили ребята свой необычный спектакль. Пока готовили, успели перезнакомиться с сотрудниками Музея имени Пушкина — с историками и библиотекарями, художниками и архивариусами. Те немало помогли ребятам.

А когда приготовления закончились, когда спектакль был вполне готов, школьники отважились сыграть его не только у себя в школе, но и в большом зале музея. Аудитория была полна — яблоку упасть негде. Строгий пришел зритель — ученые, искусствоведы, члены исторических кружков, ребята из разных школ. Но наши артисты играли так увлеченно, что даже не успели оробеть. Особенно тронула всех игра Оли Вайсбейн.

И когда «медью бряцающей» зазвенели строфы Гомера, когда прозвучал мужественный голос Эврипида, воспевающий самозабвенную любовь к родному народу, и в такт музыке стиха задвигались фигурки в красных и зеленых хитонах, зал охватило единое чувство.

Мужество, самоотверженность и безграничная преданность своей родине героев древности напомнили всем о сегодняшних днях.

Спектакль воспел не только героев древней Эллады, но и наших современников, борцов за счастье греческого народа — Манолиса Глезоса и Никоса Белоянниса!

Вот в красной тунике с золоченым копьем в руке Гектор (Саша Пушкарев) в глубоком раздумье слушает свою жену Андромаху (Лена Клопова).

*

Хотите сами поставить такой спектакль?

Тогда напишите ученикам московской 128-й школы. Подружитесь с ними! Это славный, веселый и живой народ. Они охотно помогут вам советами. Ведь они теперь не шутя могут считать себя «специалистами по Элладе».

Р. И. Рубинштейн,
Р. Канделаки

Фото Лени Лешкова, ученика 10-го класса 128-й школы.

Хор оплакивает судьбу Афин, которым угрожает чудовище Минотавр, пожирающее юношей и девушек в глубине лабиринта.

Мастер УМЕЛЫЕ РУКИ и девушка СОРОК КОС

Татарская сказка

Записала Анна ГАРФ **Рисунки В. Федяевской.**

Жил-был мастер Умелые Руки. Взял он однажды сноп соломы, сплел соломенную куклу.

Глаза у куклы — ягоды черемухи, губы — лепестки красного мака, рисовые зерна — ее зубы. Волосы заплетены на сорок кос.

Перехватил мастер стан куклы пояском — венком из зеленой травы и сказал:

— Ах, до чего ты хороша! Ну-ка, потопай ногами, похлопай руками да взгляни на меня веселей!

Встряхнула кукла желтыми соломенными косами, сверкнула глазами-ягодами и засмеялась звонко-рассыпчато, зазвенела, как жаворонок, нежной песенкой.

И вот принялась она хозяйничать: полы подмела, напекла лепешек, молоко заквасила, собрала белье и понесла стирать на речку.

Встретился ей ханский сын, он ехал верхом на буланом коне.

— Ой, девушка Сорок Кос, я на тебе женюсь!

— Нет! Меня сделал мастер Умелые Руки, не покину его никогда.

— Схватить девушку Сорок Кос! — приказал ханский сын своим воинам.

Пока войско в поход собиралось, мастер тоже не зевал. Всю ночь носил он к себе в избу снопы соломы. Глядь, к утру появилось множество девушек Сорок Кос. Эти стирали белье на речке, те пекли лепешки, одни пели песни, другие плясали, мило улыбаясь...

Как же среди них найти ту, что понравилась ханскому сыну?

Узнал об этом Старый хан.

— Переловите всех! — приказал он.— Да прихватите заодно и мастера Умелые Руки.

Но когда воины вошли в деревню, увидали они множество соломенных мастеров. Кто рубил дрова, кто пилил. Эти лыко драли, те лапти плели. Ну точь-в-точь как настоящие. А того, кто смастерил их, не найти, не отличить.

Вернулся начальник войска в столицу, чтобы Старого хана повидать, совета у него спросить.

Вошел в тронный зал, а там одиннадцать Старых ханов наступают на двенадцатого, который на троне сидит и кричит:

— Вы ненастоящие, вас сплел из соломы мастер Умелые Руки!

— Нет, это ты соломенный, а мы настоящие!

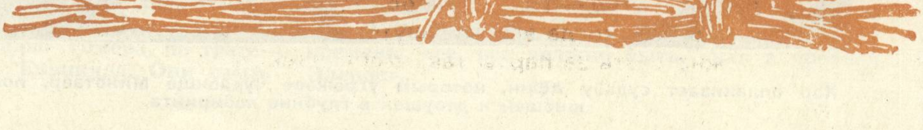
— Ложь! У меня есть царская отметина, на моем затылке цветет неувядаемый желтый тюльпан.

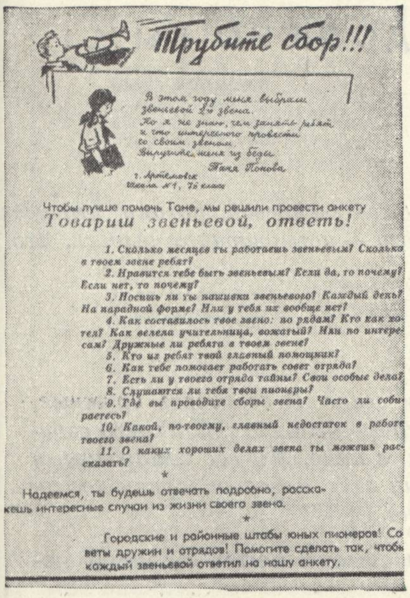
Сняли одиннадцать ханов свои короны — у каждого на затылке тюльпан. Двенадцатый свою корону снял, а на затылке нет ничего, пусто.

Кто же здесь настоящий хан?

Которая девушка понравилась ханскому сыну?

Спросить бы об этом у мастера Умелые Руки, да как узнаешь, где он?

Трубите сбор!!!

В этом году меня выбрали звеньевой 2-го звена.
Но я не знаю, чем занять ребят, и что интересного провести со своим звеном.
Выручите меня из беды.
Таня Попова.
г. Артемовск
Школа №1, 7б класс

Чтобы лучше помочь Тане, мы решили провести анкету

Товарищ звеньевой, ответь!

1. Сколько месяцев ты работаешь звеньевым? Сколько в твоем звене ребят?
2. Нравится тебе быть звеньевым? Если да, то почему? Если нет, то почему?
3. Носишь ли ты нашивки звеньевого? Каждый день? На парадной форме? Или у тебя их вообще нет?
4. Как составилось твое звено: по рядам? Кто как хотел? Как велела учительница, вожатый? Или по интересам? Дружные ли ребята в твоем звене?
5. Кто из ребят твой главный помощник?
6. Как тебе помогает работать совет отряда?
7. Есть ли у твоего отряда тайны? Свои особые дела?
8. Слушаются ли тебя твои пионеры?
9. Где вы проводите сборы звена? Часто ли собираетесь?
10. Какой, по-твоему, главный недостаток в работе твоего звена?
11. О каких хороших делах звена ты можешь рассказать?

*

Надеемся, ты будешь отвечать подробно, расскажешь интересные случаи из жизни своего звена.

*

Городские и районные штабы юных пионеров! Советы дружин и отрядов! Помогите сделать так, чтоб[ы] каждый звеньевой ответил на нашу анкету.

ЗВЕНЬЕВЫЕ СПЕШАТ НА ПОМОЩЬ

На эту анкету «Пионера» (№ 2 за 1963 г.) отозвались звеньевые всего Советского Союза.

В письмах звеньевых много всяких вопросов. Но ребят больше всего волнует, **как составить звено:**

ПО ДРУЖБЕ ИЛИ ПО РЯДАМ?

Звеньевая 2-го звена, отряда 6-а класса шк. № 12 г. Куйбышева.

Лена Балабанова:

Мое звено составилось ПО РЯДАМ. Так уж у нас принято.

Звено № 1, отряд 7-б класса, Кемеровская обл., пос. Комсомольск.

Тамара Денисова:

Знаете, как у нас разбились на звенья? ПО ЗОНАМ, ПО ДРУЖБЕ.

Могут сказать: подумаешь, какая разница! А вот результат:

Лена Балабанова:

В моем звене ребята недружные. Никто меня не слушается. Вот, например, один мальчик из нашего звена хорошо читает стихи. Я его просила, умоляла выступить на смотре, а он только показывал мне фиги. И таких отказов мне приходится выслушивать много.

Тамара Денисова:

Мы все живем на одной улице и все дружим. Нигде нет таких дружных ребят, как у нас!

Быть звеньевой мне нравится. Потому что звено у нас дружное, работа идет весело и все меня слушаются.

ЕСЛИ ЗВЕНО СОСТАВИЛОСЬ ПО РЯДАМ ИЛИ ПО СПИСКУ — И НЕ СПРАШИВАЙТЕ, КАК РАБОТАТЬ ДА КАК ПОБЕДИТЬ СКУКУ. ВСЕ РАВНО НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ.

Откуда в звене быть дружбе, если звенья по рядам составили?

Случается даже, звенья по списку составляют! Первые десять фамилий — одно звено, вторые десять — второе, и так до конца списка.

Это никуда не годится!

Если и у вас звенья так же составлены и дружбы нет, немедля создайте другие — ПО ДРУЖБЕ, кто с кем хочет!

А вот когда все запишутся в те звенья, в какие хотели, тогда уж можно сесть за парты так, чтобы звено в классе сидело рядышком.

СКОЛЬКО ДОЛЖНО БЫТЬ!

Юля Петрова:
Магаданская область,
пос. Новый Сеймчан.

Мне не нравится быть звеньевой, потому что ребят в звене слишком много — четырнадцать человек. Что я с ними буду делать?.

Рая Мухаметова:
г. Сибай.

Семь человек в нашем звене. И все очень дружные. Есть у нас и тайны, и особые дела есть. Мы часто собираемся, ходим в кружки, в кино. Мы все тимуровцы, у нас даже есть похвальный лист, которым горком комсомола наградил наше звено.

Возможно ли, чтобы семеро ребят одолели четырнадцать?

Если семеро дружные, а четырнадцать нет — возможно!

Казалось бы, чем больше ребят, тем лучше звено: какие дела можно делать! Да не тут-то было! У четырнадцати слишком уж разные интересы. Одни любят театр, а другие — цирк, одни собрались змея запускать, а другие — в военную игру играть. На всех не угодишь.

Звено на дружбе держится. А дружат обычно пять—семь человек.

ЗНАЧИТ, И В ЗВЕНЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕК СЕМЬ!

ЗВЕНЬЕВОЙ С БОРОДОЙ

Анкета спрашивала: сколько месяцев ты работаешь звеньевым?

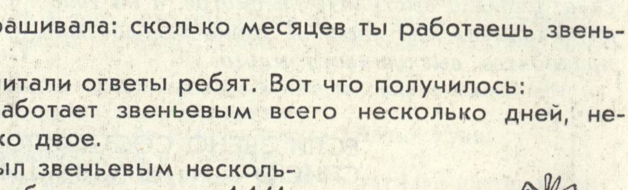
Мы подсчитали ответы ребят. Вот что получилось:

Тех, кто работает звеньевым всего несколько дней, немного — только двое.

Тех, кто был звеньевым несколько месяцев,— большинство — 1 141.

Но вот 322 человека работают звеньевыми третий, а некоторые даже четвертый год!

Хорошо это или плохо?

Плохо!

Надо стараться, чтобы в звеньевые все время попадали новые ребята, чтобы все в звене научились и руководить и подчиняться.

СОВЕТЫ ОТРЯДОВ, РАЗГОВОР О ВАС!

Люда Громова: звеньевая 2-го звена, отряда 7-б класса, шк. № 9, г. Даугавпилс.

У нас так: на совете отряда каждому звену дают определенные поручения на неделю, а потом мы рассказываем о проделанной работе. Если же понадобится, совет отряда помогает звену.

Толя Воеводин: г. Курган.

Наш совет отряда не интересуется, какая работа ведется в звеньях. Когда я со своим звеном составил план, то совет отряда не то чтобы помочь, а говорит: «Посмотрю, как вы его выполните».

Нужно ли здесь что-нибудь объяснять? Позор такому совету отряда, как у Толи Воеводина!

Товарищи из совета отряда, помните:

Принимаясь за любое отрядное дело, подумайте о звеньях. Дайте каждому звену особое задание. А потом пусть совет отряда решит, какое звено справилось с ним быстрее и лучше. И тогда у вас в отряде будет интересное соревнование.

В хорошем отряде звенья во всем соревнуются. И в том, кто лучше работает, и в том, кто больше песен знает, и у кого ребята смекалистее.

ЧЕГО ДОБИВАТЬСЯ НА ПЕРВЫХ ПОРАХ

Чтобы все сказали: «В звене интересно!» Когда это случится, можно праздновать первую победу. В звене все вместе. А это первый шаг к дружбе.

ЧТО ПОМОГАЕТ ДРУЖБЕ

Примеры из жизни

...Вдруг Витька в школу не пришел, а почему — никому не известно. Пошли и узнали: заболел Витька.

У товарища беда! Срочный сбор по цепочке. Двое — в аптеку, двое — к маме на работу, один—в детский сад за малышом, двое—дома с Витькой.

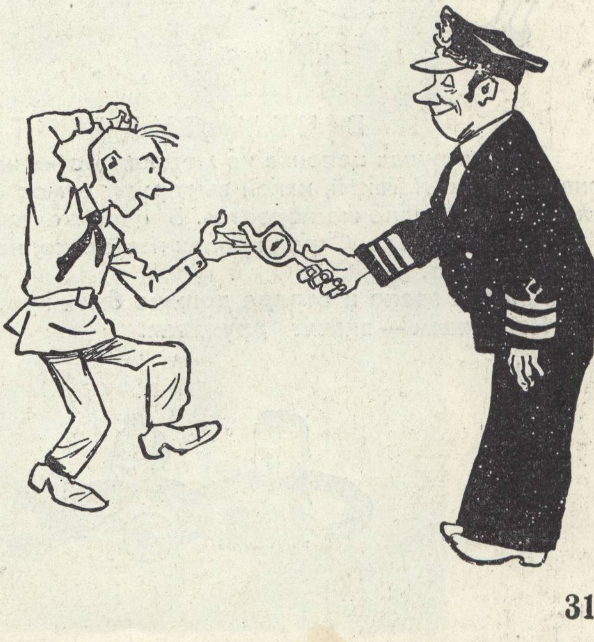
●

...Удивительную штуку принес звеньевой в класс — свисток с вправленным в него компасом. Легкая серебристая стрелка безошибочно отыскивала север, а под ней торопливо описывала круги другая стрелка — секундомер.

Эту необычную вещь подарил звеньевому его старший брат, моряк.

Весь день свисток ходил из рук в руки. А после уроков на сборе звеньевой сказал:

— Знаете, что я предлагаю: сделаем его общим, этот свисток. Сегодня Сашка вышел

победителем в четырехборье, пусть эту неделю свисток будет у него.

И стал свисток переходящим. Кого хотели наградить, тому его и отдавали.

●

...Звеньевой передал по цепочке странное извещение: «В половине шестого все собираемся в Орловском переулке у третьего фонаря».

Пришли ребята к назначенному месту и оказались перед воротами гаража.

Вдруг из ворот выходит отец Сережки Кружкина и говорит:

— Шагайте за мной.

Сережкин отец — шофер. Повел он ребят по гаражу, показал, где какие машины стоят, разрешил каждому посидеть за рулем, а потом еще покатал всех на новеньком автобусе «Малютка».

Сережка Кружкин удивился: «Когда это звеньевой с отцом столковался?»

А звеньевой уже новый сбор назначает — за кулисами театра, где отец Алеши Мурзина осветителем работает.

Так подружились ребята со всеми родителями.

СПОР О НАШИВКАХ — НОСИТЬ ИЛИ НЕ НОСИТЬ!

Он решается просто:

Нашивки звеньевого я сначала не носил, но прочитал анкету и теперь буду носить. Буду носить их каждый день на парадной и на рабочей форме.

Гена УЙСК,
г. Кохтла-Ярве.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Худо, если все заботы звеньевого только об успеваемости, о дисциплине и чистоте.

Беда, если все его обязанности — это записывать в тетрадку разных нарушителей и двоечников да стыдить их на сборах.

Так не завоевать ему авторитета.

Не добиться уважения.

Не дождаться, чтобы слушались.

В ЧЕМ СИЛА ОТРЯДА

У вас в руках цепочка из металлических колец—звеньев. Какой груз она выдержит? Такой, какой выдержит самое слабое колечко. Разорвется оно — вся цепочка порвется. В цепочке каждое колечко — главное.

Так и в отряде. Отряд крепок настолько, насколько крепко самое его слабое звено.

Каждое звено в отряде должно быть крепким, надежным.

Надежным — значит дружным.

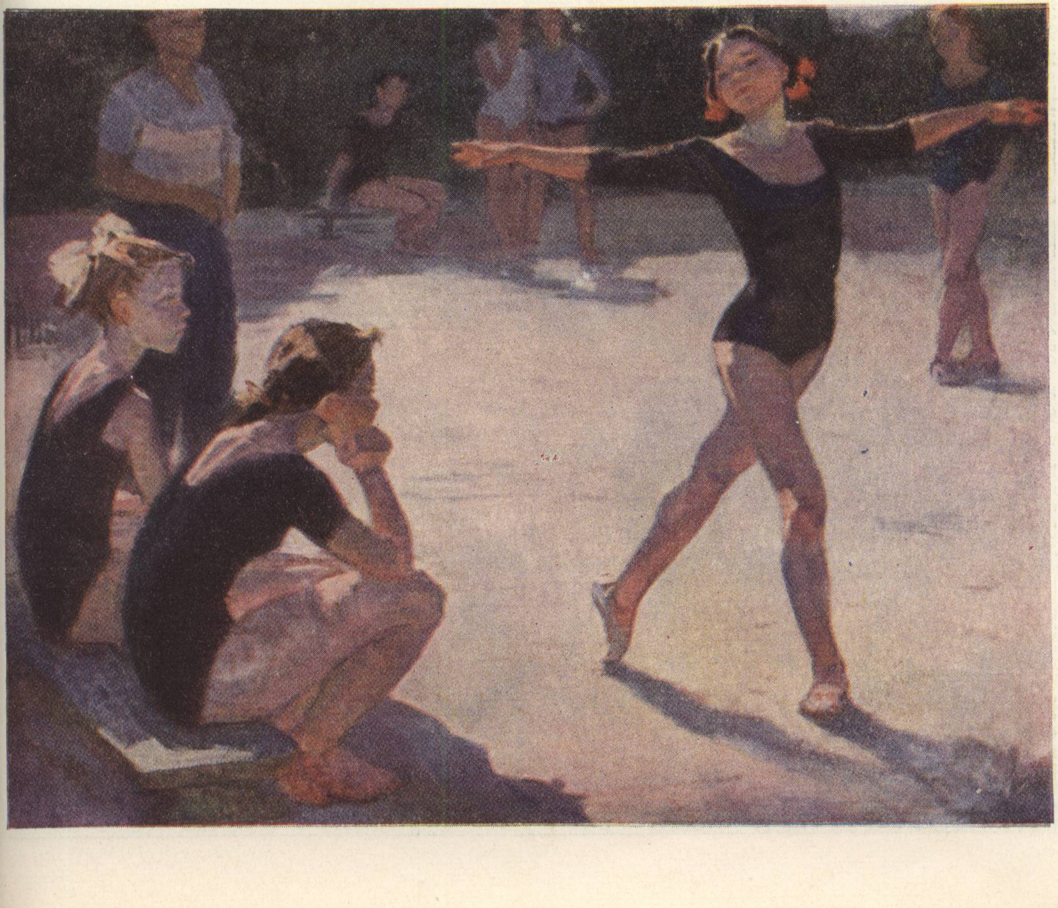

С ВЫСТАВКИ «ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»

Эта выставка была устроена в честь третьей Спартакиады народов СССР. Много картин на выставке было посвящено и юным спортсменам.

С двумя картинами вы можете познакомиться здесь, на этой странице. Верхняя — «На тренировке» — написана П. Богачевым. Нижняя, под названием «Художественная гимнастика», принадлежит кисти Н. Сергеевой.

Правда, хорошие картины? Глядя на них, и самому хочется на такой вот залитой солнцем площадке в красивых, слаженных движениях испытывать послушную силу своего тела. Или мчаться среди белоствольных берез, глотая сладкий воздух осеннего леса. Хочется? Так за чем же дело стало?

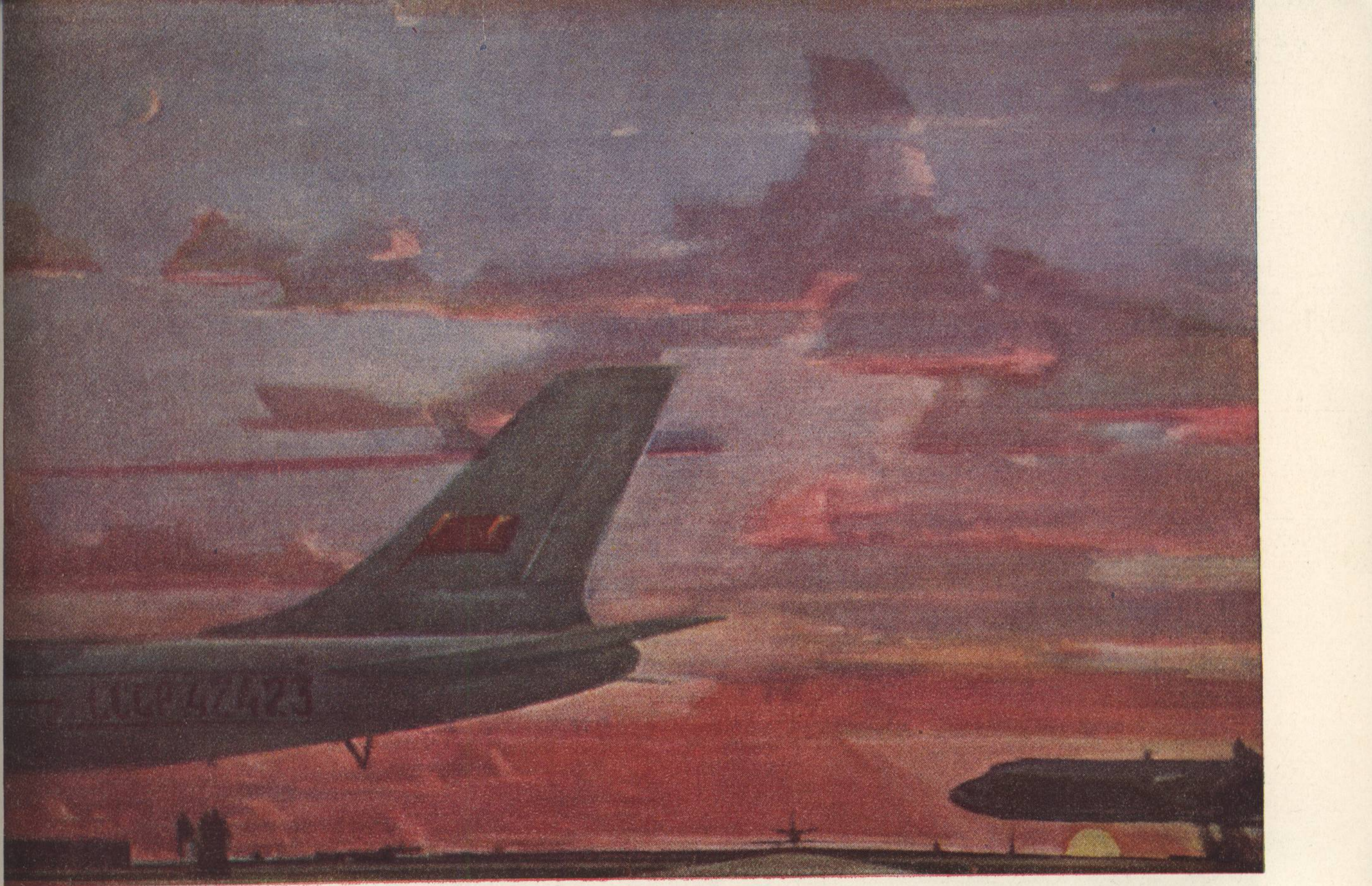

Когда идешь по выставочным залам и смотришь картины, словно совершаешь путешествие по всей стране из конца в конец и видишь ее жизнь во всей неохватной широте. Эти две страницы — наш крохотный выставочный зал. Всего четыре картины, но посмотри, как много они могут рассказать!

...Спокойная гладь реки («На просторах родины». О. Феоклистов). Ясные дали, ясное небо. И на фоне этой будто бы дремлющей природы ясные приметы времени, в котором ты живешь. Штабелем лежат на берегу стальные трубы для нефтепровода, белеет палатка строителей, движется по реке огромная самоходная баржа. Везет она грузы в своем вместительном трюме, и где-то так же, как здесь, на бе-

МОЯ СТРАНА

регу, ждут этих грузов советские люди, чтобы строить, добывать руду, плавить металл...

Следующая картина («В краю таежном». В. Петров-Маслаков) переносит тебя за тысячи километров, на Дальний Восток. Ты в дремучей тайге Приморья. Вот они, добытчики драгоценных мехов: смелые, сильные охотники, русские и нанайцы.

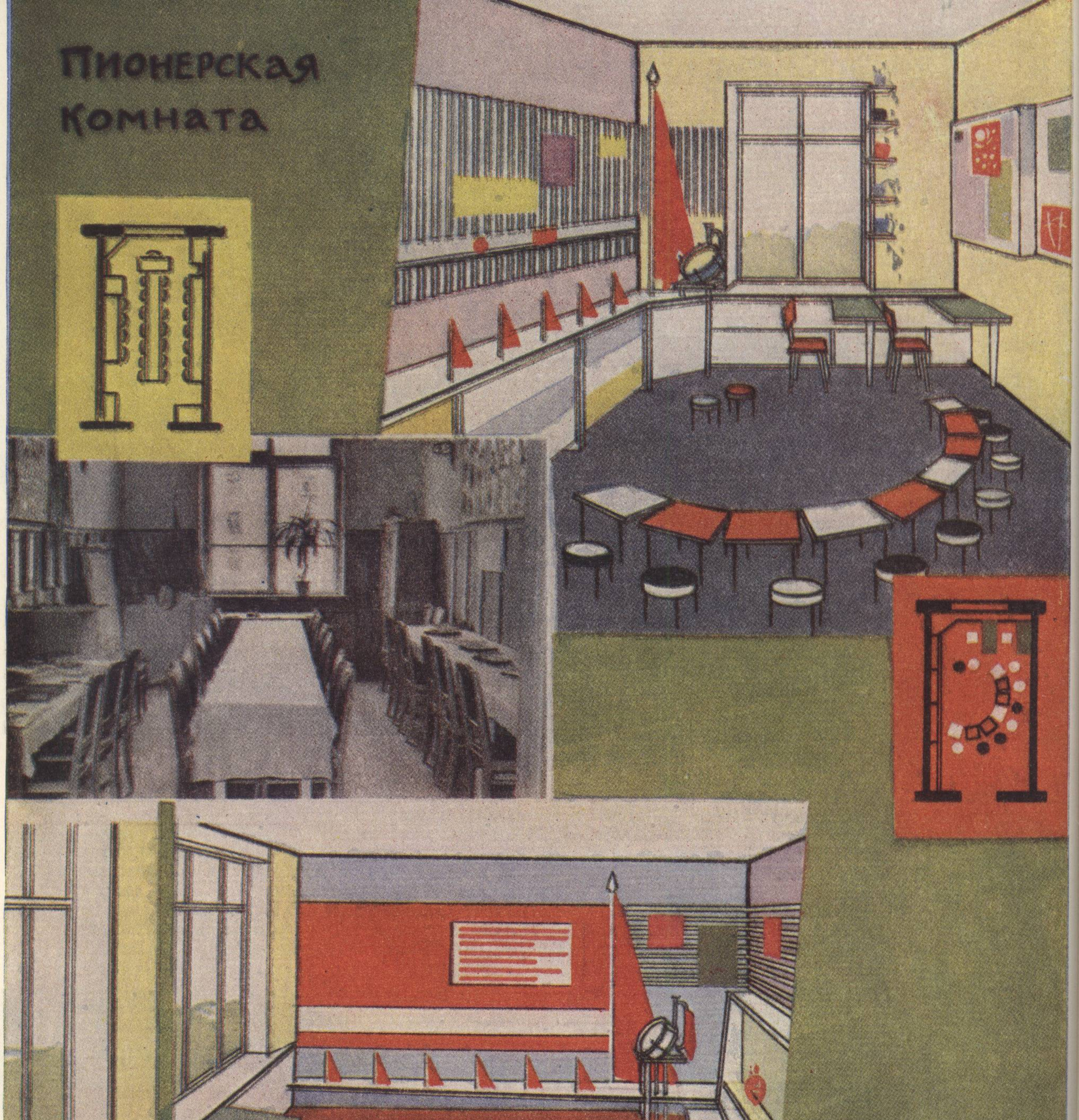
На третьей картине аэропорт («Аэропорт». Г. Нисский). Отсюда уходят в свои рейсы могучие воздушные корабли. Они сближают самые далекие друг от друга края. Меньше чем за полсуток могут они унести москвича к берегам Тихого океана или доставить таежных охотников в Москву.

А вот и она, Москва, на четвертой картине. Художник помог увидеть ее с необычной точки. Для этого он повел тебя вверх, по строительным лесам, к рабочим, ремонтирующим здание Большого театра («На лесах Большого театра». В. Попков).

Вот так, с высоты, видят строители во время работы родную Москву.

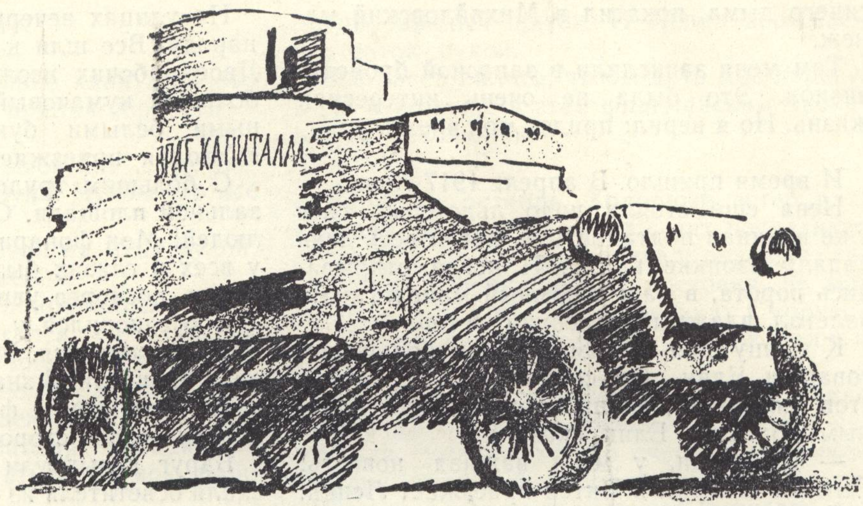

Пионерская комната

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки И. Гринштейна.

ЧАСОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Я броневик. Бортовой номер — «2». Вооружен двумя пулеметами системы «Максим». Снаружи четыре колеса и две фары. Остальное все скрыто под броней.

Я стою на берегу Невы, во дворе Мраморного дворца. А у другого берега, за Кировским мостом, на темной невской воде стоит крейсер «Аврора».

Молчат пушки «Авроры». Молчат мои пулеметы. Мы оба стоим на бессменной вахте — два старых часовых революции.

Конечно, теперь по сравнению с танками-ракетоносцами я выгляжу очень скромно. Но было время, когда и мое имя звучало, как гроза. Броневик! Враги революции до сих пор с ненавистью смотрят на меня.

Дует ветер с Балтики. По броне барабанят дробинки дождя. Тяжелые маслянистые волны Невы накатываются на опоры мостов. Гудят заводы Выборгской стороны, и под их суровые голоса я вспоминаю свою молодость. И порой мне кажется, что мотор ожил и жарко дышит в моей стальной груди, пулеметы, готовые к бою, зорко смотрят в броневые щели...

Давным-давно, перед первой мировой войной, я был не броневиком, а простым автомобилем. И с левой стороны у меня блестел медный рожок с большой резиновой грушей. Когда шофер нажимал на грушу, маленькая изогнутая труба хрипловатым голосом подавала сигнал:

— Поберегись! Поберегись!

Потом началась война, и меня забрали в армию. Послали на Ижорский завод получать военную форму. Металлисты выкроили мне броню. Когда ее надевали на меня, шел такой грохот, что казалось, будто я уже на войне и в меня стреляют десятки пушек.

Бом! Бом! Бом!

Это молоты били со всего размаху по раскаленным пуговицам-заклепкам.

В Петроград я приехал весь с головы до ног в стальных доспехах. И попал на комиссию. Она проверяла, как бьется мой мотор и держат ли тормоза.

Писарь записывал:

— Год рождения?

— 1913-й.

— Рост?

— Два метра пятьдесят восемь сантиметров.

— Длина?

— Четыре метра и семь десятых.

— Вооружение?

— Два пулемета системы «Максим».

Потом самый главный из членов комиссии скомандовал:

— В Михайловский манеж шагом... арш!

Я фыркнул, загремел и, пустив облачко

Рядом вы видите пионерские комнаты — на фотографии и на рисунках. Сравните — какая лучше! Архитектор В. Страшнов рассказывает, как сделать пионерскую комнату удобной и красивой (Страшнов «Штаб дружины», стр. 77).

синего дыма, покатил в Михайловский манеж.

Там меня зачислили в запасной бронедивизион. Это была не очень интересная жизнь. Но я верил: придет мое время.

И время пришло. В апреле 1917 года...

Нева еще стояла подо льдом, но снег уже начинал подтаивать. С крыш весь день падали звонкие капли. И когда открывались ворота, в наш огромный манеж-гараж залетал влажный весенний ветер.

К концу дня к нам пришел большевик товарищ Елин. Он собрал всех коммунистов дивизиона, и они окружили его плотным кольцом. Елин сказал:

— Товарищи, у меня важная новость! Сегодня вечером в Питер приезжает Ленин.

Я помню, какие были лица у солдат, когда они услышали об этом. А Елин понимающе улыбнулся и продолжал:

— Так вот, товарищ Подвойский распорядился вывести к вокзалу броневик. «Пусть посмотрит Владимир Ильич,— сказал он,— какой боевой силой обладает большевистская организация Питера!»

Тут Елин кивнул в мою сторону и спросил:

— Как у вас бортовой номер «2», в порядке?

Если бы я мог говорить, я бы тут же крикнул:

— Конечно, в порядке! Готов хоть сию минуту выехать из манежа!

Но я не мог говорить. Ответил мой водитель.

— Машина работает нормально,— сказал он.— Только горючего нет.

— Для такого дела найдем! — сказали водители других машин и стали сливать бензин из своих автомобилей.

Скоро мой бак был полон до краев. Давно я не испытывал такого приятного чувства!

В моей груди забились поршни. Ворота манежа широко распахнулись, и я выкатил на улицу.

Я спешил встречать Ленина.

Шины шуршат по мокрой мостовой. Рессоры тихо поскрипывают и слегка раскачивают мой стальной тяжелый кузов. Мимо меня проплывают дома, улицы, площади.

Скорей! Скорей! Не опоздать бы! Поршни в моем моторе выбивались из сил, а мне все казалось, что я еду медленно.

На улицах вечернего города было много народу. Все шли к Финляндскому вокзалу. Двое рабочих несли высоко над головами большой кумачовый плакат. На нем крупными белыми буквами было написано: «Сегодня приезжает Ленин».

С большим трудом я добрался до вокзальной площади. Сколько собралось здесь людей! Мои фонари освещали сотни лиц, и у всех в глазах было нетерпение. Всем хотелось поскорее увидеть Ленина.

Я остановился у главного подъезда вокзала и огляделся. Рядом со мной стоял еще один броневик. В знак приветствия мы помигали друг другу фарами и, как часовые, встали по обе стороны выхода на площадь.

Вдруг вспыхнули прожекторы. Это приехали осветители из Петропавловской крепости. В ярких лучах ожили, запламенели алые знамена.

А люди все прибывали и прибывали. Вот прошла колонна путиловцев. За ними моряки-балтийцы, их только что доставил из Кронштадта ледокол.

На площади было тихо. Все прислушивались: не идет ли поезд. И вдруг где-то вдалеке послышался хрипловатый гудок паровоза.

Я стоял на своем посту у подъезда вокзала. Ждал Владимира Ильича. И вот Ленин появился. Он был в пальто, а кепку держал в руке. Глаза его радостно блестели, и вид у него был немного растерянный. Он не думал, что встречать его придет столько народу. Все прожекторы направили на Ленина свои лучи. И Владимир Ильич прищурился, повернул голову в сторону.

А площадь гудела:

— Да здравствует Ленин!

— Да здравствует вождь революции!

— Долой войну!

— Да здравствует революция!

Ленин стоял совсем близко от меня, и я слышал, о чем он говорил с товарищами. Кто-то сказал:

— Холодно, Владимир Ильич, вы бы надели кепку.

Но Ленин ответил:

— Питерский пролетариат надо встречать с непокрытой головой!

Из-за лучей прожекторов Владимир Ильич не мог ничего разглядеть. Осветители поняли это и опустили лучи. Ленин посмотрел кругом. Заметил военный караул и спросил:

— Караул наш?

— Наш, Владимир Ильич! — ответил товарищ Подвойский.

— А броневики наши?

— Наши!

Владимир Ильич довольно кивнул. Я это заметил и почувствовал прилив гордости.

Потом кто-то сказал:

— Владимир Ильич выступит с речью. Но для него нужна трибуна. Чтобы его все видели.

Тогда один солдат указал на меня рукой.

— Вот трибуна. Броневик!

Владимиру Ильичу понравилось такое предложение. Он спустился со ступенек подъезда и зашагал ко мне. Все расступились. А Ленин подошел ко мне и сказал:

— Что ж, трибуна надежная!

Десятки рук подхватили Владимира Ильича и помогли подняться на мою башню.

Он стоял на башне и смотрел на море людей. Ему хотелось заглянуть в глаза каждому, поздороваться с каждым. Голова его по-прежнему была непокрытой. Фуражку он держал в руке.

Прожекторы снова осветили Ленина. И похоже было, что, несмотря на темноту, он стоит в лучах солнца. Ленин поднял руку и произнес первое слово:

— Товарищи!

Он говорил о том, что, хотя царя и прогнали с трона, власть еще не перешла к рабочим и крестьянам. И что страной еще управляют богатеи. А это значит, что последний и решительный бой впереди.

— Революция еще не победила,— сказал Ленин.— Но революция победит. Готовься к бою, пролетарский Питер!

Как только я услышал эти слова, мне захотелось немедленно двинуться в бой. И моим пулеметам захотелось ударить огненной строчкой по врагам революции.

В это время Владимир Ильич воскликнул:

— Да здравствует социалистическая революция!

И тысячи людей отозвались на его призыв могучим «ура».

— Ура! — кричали моряки-балтийцы.

— Ура! — откликались путиловцы.

— Ура! — подхватывали выборжцы.

Когда гул тысяч голосов утих, Владимир Ильич сошел с башни и встал на мою подножку. А мне водитель скомандовал:

— Вперед, к дворцу Кшесинской!

Заработал мотор. Я тронулся с места. Ехал я осторожно, чтобы Владимиру Ильичу легче было стоять на подножке. Развернул свою башню с пулеметом, подставил бронированный щиток. И Ленин держался за щиток рукой.

Все расступились, чтобы дать мне дорогу. Ведь в этот час я стал флагманским броневиком революции!

Наступил октябрь. Холодный ветер раскачивал деревья и срывал с них последнюю листву. А дождь расклеивал опавшие листья, как революционные листовки, на мостовых, на крышах, на ступеньках Смольного. Две маленькие листовки он приклеил и к моей броне.

Нас было трое броневиков. Мы охраняли Смольный от врагов революции. Когда наступали сумерки, мы по очереди зажигали фонари, чтобы было светлее.

Как-то вечером я услышал разговор революционных солдат.

— Какое у этого броневика имя? — спросил один из них, показывая на меня.

— У него нет имени,— отозвался другой.— Бортовой номер «2» — и все!

— Нехорошо это, — сказал первый, — у каждого броневика должно быть имя.

Солдаты приумолкли. Они обдумывали, как назвать меня.

— А знаете,— услышал я голос третьего,— с этого броневика выступал Владимир Ильич. Сам видел.

— Ну тогда,— оживились солдаты,— ему надо дать самое боевое имя. Такое, чтобы врагов в дрожь бросало.

— Какое?

— Назовем его «Враг капитала». Пусть все буржуи и помещики трепещут!

Все согласились. Мне тоже понравилось это имя.

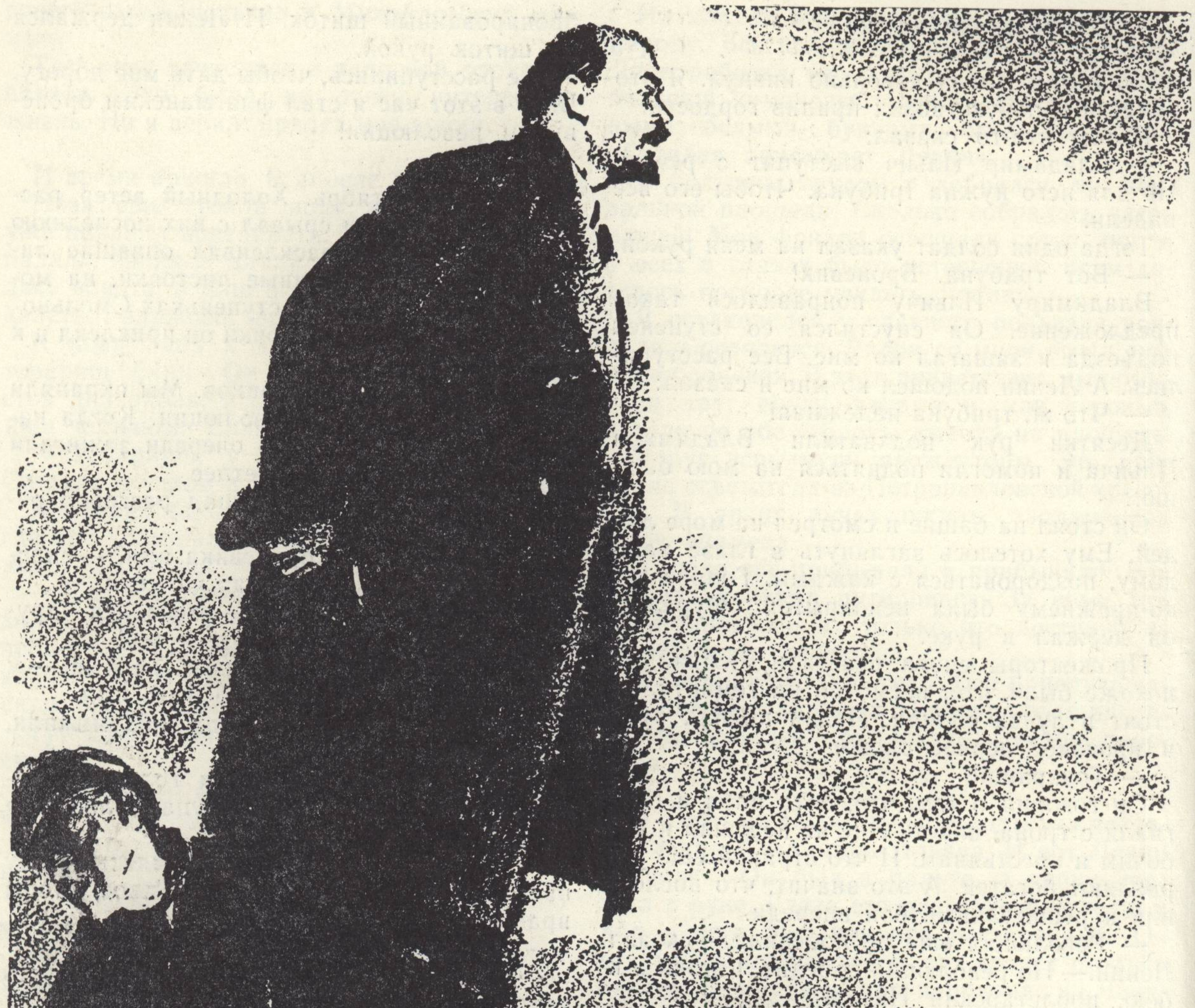
На другой день утром ко мне подошел водитель. В руках у него была баночка с красной краской и кисть. Он тщательно вытер правый бок моей пулеметной башни, макнул кисть в краску и стал писать. Он не был ни художником, ни маляром, поэтому даже вспотел от непривычной работы. Сперва он написал: «Враг». Потом отдохнул, покурил и принялся за другое слово.

Когда надпись была закончена, он отошел в сторону и вслух прочитал:

— ВРАГ КАПИТАЛА!

Так у меня появилось имя.

Однажды ночью я заметил человека невысокого роста в пальто с поднятым воротником и кепке, надвинутой на глаза. Я включил огни, осветил его. И сразу узнал. Это был Ленин.

Давно я не видел Владимира Ильича. Из солдатских разговоров знал, что он скрывается где-то от Временного правительства. Большевики очень ждали его возвращения, чтобы начать последний и решительный бой.

Поравнявшись со мной, Ленин замедлил шаг и кивнул мне как старому знакомому. Может быть, никто не заметил, как он кивнул мне. Но я-то это точно видел. Потом Владимир Ильич вдруг остановился и вслух прочитал мое имя:

— «Враг капитала»!

Он оглянулся на товарищей и, склонив голову немного набок, весело сказал:

— А враг у капитала довольно внушительный.

При этом он положил мне руку на плечо и сказал:

— Скоро броневичку придется крепко потрудиться. Он в полном порядке?

И мой командир отрапортовал:

— Так точно, товарищ Ленин! К бою готов!

А на утро моя команда — водитель и два пулеметчика — взялась за меня. Осмотрели, смазали, подтянули гайки, проверили пулеметные замки и подлили воду в кожухи «Максимов».

В этот день все кругом пришло в движение. К Смольному то и дело подкатывали грузовики с вооруженными рабочими, подходили отряды солдат, по ступенькам каменной лестницы лязгали колеса пулеметов. Никто не замечал ни дождя, ни ветра. Все спешили. Все были чем-то озабочены. И я, как солдат, почувствовал, что дело пахнет порохом, что очень близок последний и решительный бой.

В тот же вечер я получил приказ: выступать на Зимний. Это был приказ Ленина.

И вот я стою под аркой на Морской улице и жду. Мотор мой работает. Ему не терпится завертеть колеса. Но их крепко держат тормоза. Трудно тормозам. Они сжаты, как кулаки. Не пускают меня вперед. Еще не время. Еще нет сигнала.

Рядом с нами матросы. Они в черных коротких бушлатах. Ветер играет ленточками бескозырок. В руках у каждого винтовка. И матросам тоже не терпится.

— Скоро?

— Скоро!

Впереди в туманной мгле моросящего дождя Зимний дворец. Там заседает Временное правительство. Перед дворцом шта-

беля дров. За дровами скрываются защитники Зимнего — юнкера. У юнкеров тоже винтовки и пулеметы.

Я стою на месте, а мотор работает. Заглушить его нельзя — ведь с минуты на минуту должен прозвучать сигнал.

В темноте мерцают красные огоньки цигарок. Матросы курят. Волнуются. Вот к ним подошли путиловцы. На них ни шинелей, ни бушлатов, но в руках у каждого винтовка со штыком, а на рукаве красная повязка.

Вся Морская улица запружена людьми с винтовками. Держись, Зимний!

И вдруг в тишине раздался четкий раскатистый выстрел. Это был голос «Авроры» — сигнал революции.

И сразу, как эхо залпа, по площади покатилось боевое матросское «ура».

Тут мои тормоза разжались. Я помчался вперед на Зимний дворец. Я забыл, что на мне тяжелая броня, и летел, как легковая машина. Мои пулеметы, гремя над площадью, в два голоса кричали юнкерам:

— Посторонись! Посторонись!

За мной, пригнувшись, выставив вперед штыки, бежали рабочие, солдаты, матросы. Они на ходу стреляли по штабелям дров. И от больших березовых и осиновых поленьев отлетали щепки.

Юнкера тоже открыли огонь. Несколько рабочих и матросов упали. Тогда я разбежался и с ходу, словно ледокол в лед, врезался в дрова. Поленья покатились в стороны. Я дал задний ход, но двинуться не смог ни назад, ни вперед.

А юнкера это видят и ведут по мне беглую стрельбу. Пусть! Пули отскакивали от моей брони, как горох. Только одна попала в смотровую щель и ударилась в колесо руля. Там до сих пор есть отметина.

Ко мне на выручку подоспели наши. Они быстро растащили поленья и освободили меня. Я снова устремился вперед. Выбрал участок, где юнкера еще отстреливались из-за дров, и проложил красногвардейцам путь.

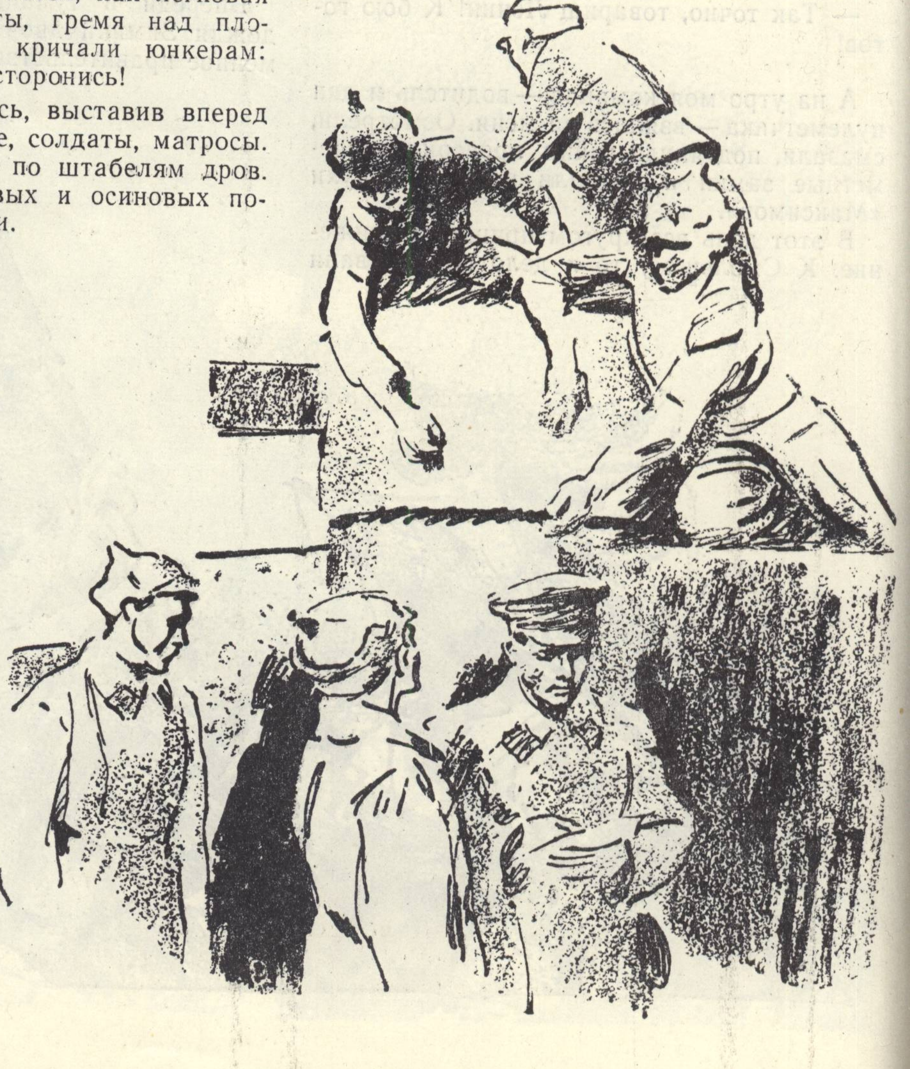
Моряки уже вплотную подошли к юнкерам. Те побросали винтовки и пустились наутек. Кое-кто стоял с поднятыми руками.

А над площадью скользили лучи прожекторов. Развевались красные знамена. Не смолкало гулкое «ура».

На рассвете я вернулся в Смольный и занял свое место у входа.

Дождик прошел. Только мостовые были мокрыми. Ветер гнал по небу обрывки дымчатых туч. С Невы тянул свежий упругий ветерок.

Около Смольного собралось много народу. Ночью никто не ложился спать.

Это было первое утро Советской власти. Первое утро после победы Октябрьской революции.

Когда на революционный Питер двинулись войска генерала Юденича, я был уже в рядах Красной Армии.

Запыленный, усталый от дальней дороги, прибыл я на Пулковские высоты, где шли жаркие бои. Солдаты Юденича наседали на наши окопы. И кое-где красноармейцам пришлось отступить.

Я сразу увидел цепи врагов. Они подходили все ближе и ближе. Казалось, что сейчас они так и пройдут, не дрогнув, через наши позиции. Очень у них был уверенный вид.

Когда белые подошли совсем близко, командир сказал мне:

— Действуй!

Тут я выехал из-за своего бугорка и полным ходом помчался навстречу вражеским цепям. Заговорили мои пулеметы.

Увидев меня, враги остановились. Вскинули винтовки. Кто-то попробовал стрелять. Но пули ничего не могли поделать с прочной броней. Из наших окопов ударили еще два пулемета. И под этот пулеметный оркестр белые повернулись и бросились наутек. Некоторые падали на землю и больше уже не поднимались. А я мчался вдогонку и строчил. Пусть знают, как иметь дело с железным солдатом революции!

Слух о том, что броневик нагоняет непреодолимый страх на белых, разнесся по всему фронту. Все требовали меня. Теперь мне то и дело приходилось колесить с одного участка на другой. Кончил атаку у Пулковских высот, а меня уже поджидают в Красном Селе. Поработал в Красном Селе, а меня требуют под Ямбург.

— Броневик приносит нам удачу,— шутили красноармейцы.

Говорят, что обо мне рассказали Ленину, и Владимир Ильич был очень рад, что его старый знакомый оказался таким хорошим бойцом.

Гражданская война кончилась. Красноармейцы сняли шинели и снова превратились в рабочих и крестьян. А я остался солдатом. Мне, боевому броневику, дали задание — обучать будущих воинов.

И вот я снова покидаю Питер. Качусь по мощеной дороге на станцию Сосновка. Пахнет ромашками. Раскланиваются на ветру корабельные сосны. Рябит вода в озерах. Высоко в небе проплывают белые облака. Они плывут, а я качусь по дороге. И мне приятно, что впереди меня ждет дело.

Не успел я остановиться в лагере, как молодые ребята в гимнастерках с желтыми ремнями забрались на мою башню, залезли внутрь, стали разбирать пулеметы. И я охотно раскрывал перед ними все двери. Только жаль было, что не мог рассказать им, как я встречал Ленина, как в октябрьскую ночь брал штурмом Зимний и как воевал с Юденичем.

Шли годы. Одни ребята в гимнастерках уходили. На смену им приходили другие, неумелые, необученные. И я изо всех сил помогал им научиться крутить руль и стрелять из пулеметов.

Потом я уже совсем состарился. Мой мотор ослаб и не мог, как раньше, тянуть тяжелую броню. Рессоры скрипели и грозили вот-вот лопнуть. А я все служил.

Когда в Сосновке появился первый танк, меня поставили в сторону. И больше никто ко мне не подходил. Только местные ребятишки иногда играли со мной. И я был рад, когда они возились на моей броне и тонкими голосами кричали «ура».

Я решил, что все обо мне забыли.

Но я ошибся. Солдаты революции часто рассказывали обо мне молодежи. И однажды молодые рабочие спросили моего бывшего командира:

— Где сейчас находится этот славный броневик?

Мой командир пожал плечами. Он не знал, где я нахожусь. Тогда молодые рабочие сказали:

— Надо во что бы то ни стало разыскать броневик, который был трибуной Ильичу, штурмовал Зимний и воевал с Юденичем.

И начались поиски. Вся страна искала меня. Отовсюду поступали сигналы:

— Нашли!

Разыскали много старых броневиков. А я все стоял в стороне, заваленный снегом, покосившийся, ржавый. Не мог подать сигнала: «Вот он, я».

Искали меня целых десять лет. Но вот однажды в Сосновку приехали красноармейцы. И направились прямо ко мне. Стряхнули с меня снег. Стали осматривать.

Тот или не тот?

Эх, если бы я умел говорить!

Красноармейцы держали в руках какую-то пожелтевшую бумажку. Они заглядывали в нее, смотрели на меня.

— Рост должен быть два метра пятьдесят восемь сантиметров,— сказал один красноармеец.

А другой взял метр и стал мерить.

— Рост подходит! — ответил он. — Два пятьдесят восемь.

— Длина должна быть четыре метра и семь десятых!

И снова меня стали обмерять. И снова подошло. Чего там мерить! Это же я!

— Вооружение — два пулемета системы «Максим».

— Пулеметы налицо.

— Цвет брони песочно-серый...

Красноармейцы пристально посмотрели на меня:

— Все подходит, а цвет не тот!

Они не знали, что в лагере меня перекрасили в серый, «шаровый» цвет.

Но тут один догадался:

— Надо поскоблить краску.

Он достал из кармана перочинный нож, подошел ко мне и начал тихонько отскабливать краску.

— Смотрите! — радостно крикнул он.— Краска песочно-серая.

Казалось бы, все в порядке. Но вдруг, кто-то, взглянув на бумажку, упавшим голосом сказал:

— Нет, ребята, похоже, опять не тот. У того справа на башне было написано: «Враг капитала».

Красноармеец, у которого был перочинный нож, не говоря ни слова, полез на башню и снова стал скоблить. Поскоблил. В одном месте — нет. В другом месте поскоблил — нет. В третьем — тоже нет. Но он, видно, был упрямым человеком. Потому что хотя и исцарапал ножом всю мою правую башню, а до красного цвета добрался.

— Он самый! — сказал он и спрыгнул на землю.

Потом меня на буксире повезли в Ленинград. Я попал в большую автомобильную мастерскую. Здесь пахло маслом, бензином, краской. Я грелся и с удовольствием вдыхал родные запахи. А заботливые механики оттирали с брони ржавчину, копались в моем старом моторе. И все подлаживали, подкрашивали. Я совсем помолодел. Хоть снова вставай в строй.

Но в строй меня не вернули. Меня поставили на постамент перед Мраморным дворцом, где находится Музей Ленина.

А потом началась Отечественная война. Я был уверен, что меня пошлют воевать. Недаром же меня привели в порядок. Я могу сам передвигаться, мои пулеметы готовы стрелять. Но меня почему-то на фронт не послали, а спрятали в глубокий подвал музея.

— Теперь воевать будут мощные танки и самолеты,— сказали мне. И я тихо стоял в подвале. Но ленинградцы не верили, что я в убежище. Они заметили, что меня нет на обычном месте, и решили: воюет.

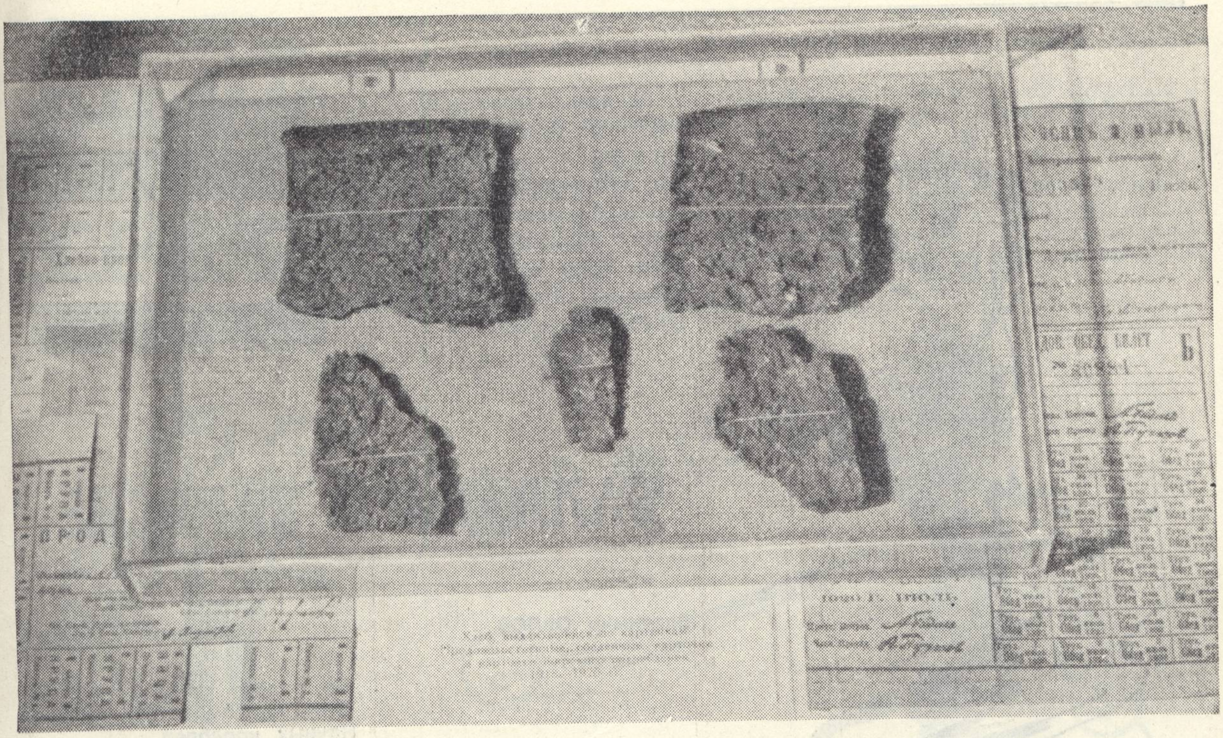
Обо мне стали рассказывать легенды. Одни говорили, что видели меня под Колпином, другие утверждали, что я сражаюсь на Волховском фронте. Третьи доказывали, что я одним из первых прорвал блокаду Ленинграда.

Видимо, люди были обо мне очень хорошего мнения.

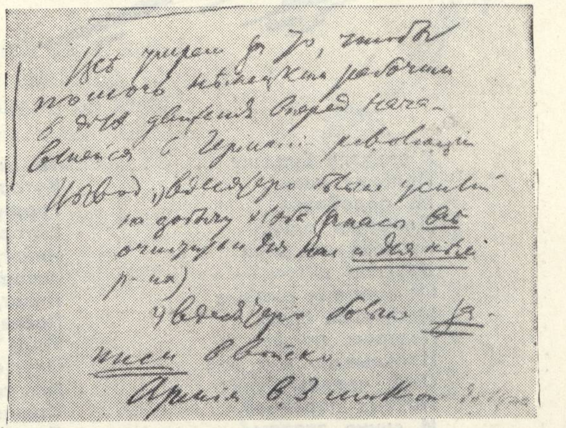
Я слышал грохот снарядов и вой бомб. Стены дома дрожали от взрывов. А я не дрожал. Я верил, что никакие бомбы и снаряды не сломят советский народ.

А теперь я снова стою на своем посту. Я не чувствую себя одиноким, потому что неподалеку от меня стоит крейсер «Аврора», мой старый боевой товарищ. Для него я не «легендарная личность», а просто броневик «Враг капитала», бортовой номер — «2», вооруженный двумя пулеметами системы «Максим». Мы не памятники, мы бессменные часовые. Мы зорко стережем власть Советов, дело Ленина, славу Октября.

★

ЧЕРНЫЕ СУХАРИ

На одном из стендов Музея революции лежат черные сухари. Они лежат под стеклом вместе с пожелтевшими хлебными карточками. А рядом — письмо Владимира Ильича Я. М. Свердлову. Как попали в музей эти сухари? Почему рядом с ними письмо Ленина? О чем оно?

То было очень трудное время — осень 1918 года. Свергнутые в Октябре хозяева царской России объединились с капиталистами четырнадцати стран и пошли войной против трудового народа. Молодая Советская республика была со всех сторон окружена врагами. Советская власть сохранилась только на четвертой части территории нашей страны. По призыву партии на фронт уходили отряды коммунистов, комсомольцев, рабочих и крестьян.

Отрезанные от хлебных районов, трудящиеся Москвы, Петрограда и других городов голодали. Хлеб отпускался по карточкам. Осьмушка хлеба на два дня. Осьмушка — это восьмая часть фунта, или 50 граммов. Такой была норма на человека.

Но ничто не могло сломить нашей революции, ее боевого духа. Под влиянием Октября поднимались на борьбу народы других стран. 10 ноября телеграф принес известие о начале революции в Германии.

В письме Я. М. Свердлову Ленин, еще не оправившийся от ранения, пишет о хлебе:

«Запасы *все* очистить и для нас и *для немецких* рабочих».

«Все умрем за то,— подчеркивает Владимир Ильич,— чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции».

И русские рабочие и крестьяне, измученные войной, разрухой, голодом, не задумываясь, решили разделить свой кусок хлеба с немецкими братьями.

По дорогам потянулись крестьянские обозы с мешками ржи и пшеницы. На красных знаменах, которые развевались над каждым обозом, было написано: «Зерно в фонд Ленина», «Зерно в фонд вождя немецких пролетариев Либкнехта», «Зерно в фонд мировой революции».

А в городах собирали сухари. Их приносили по два, по три в партийные и комсомольские комитеты, в комитеты профсоюзов. Сухари были бережно завернуты, их осторожно выкладывали на стол. Это были черные сухари, из осьмушек хлеба, полученного по карточкам. Были сухари и из белого хлеба, который отпускался только детям.

Собранный хлеб упаковывали и отправляли голодающим зарубежным рабочим.

Вот почему под стеклом музея рядом с ленинской рукописью лежат черные сухари осени 1918 года.

С. КАРАХАНЯН

22 июня этого года Галя Терентьева нашла у строящегося порта Мирный на западном берегу Крыма бутылку с запиской. Спустя двадцать лет донесла до нас эта бутылка предсмертные слова героев — защитников Севастополя — старшего сержанта Иванова, рядовых Герасимова, Хачапуренко, Криничкина и Джелева: «Мы умираем за Родину! Мы знаем, за что сражаемся! Мы победим! Смерть немецким оккупантам! Прощайте, друзья!»

БАЛЛАДА О ЗАПИСКЕ

Владимир ОРЛОВ

Рисунки А. Годова.

К причалу бутылку
Прибила волна.
Ее подобрала
Девчонка одна.
Бутылка надежно
Хранила листок —
От времени ржавые
Несколько строк.
Наверно, не раз
Проплывали над ней
Огни черноморских
Ночных кораблей,
И синие звезды,
Мерцая во мгле,
Дрожали ночами
На чистом стекле.
А может, по всем
Океанам земли
Соленые волны
Ее пронесли
И всем берегам
Повторяют сейчас
Рокочущим басом
Суровый рассказ.

Не занят врагами
Последний утес.
Кончает записку
Последний матрос.
Там кровью написаны
Те имена,
Которыми будет
Гордиться страна,
Которые нам
Никогда не забыть,
Которых врагам
Никогда не убить.
Последняя шлюпка
Ушла на восток.
Опущен в бутылку
Бумаги листок,
Стеклянный конверт
Запечатан смолой,
Бутылка доверена
Почте морской.

Плывет, уплывает
И тает вдали
Последняя весточка
С крымской земли,
Последнее слово,
Последний поклон...
В холодной винтовке
Последний патрон.
...Ни солнца,
Ни чаек,
Кругом тишина.
Бутылку качает
Морская волна.
Спокойно плывут
По дороге своей
Огни черноморских
Ночных кораблей.
Задумчиво звезды
Мерцают во мгле
И тихо трепещут
На чистом стекле.
Волна набегает
На мягкий песок,
В руках у девчонки
Бумаги листок.

В руках у девчонки
Горят имена,
Которыми нынче
Гордится страна,
Горят имена,
Освещая пути,
Которыми будет
Девчонка идти.

Сами о себе

Много книг выходит в нашей стране — каждый год, каждый месяц и даже каждый день. Но книжки, которые пишут сами ребята, пока еще большая редкость.

Одна из таких редких книг называется «Сами о себе». Ее выпустили в Перми. Составил и редактировал эту книгу писатель Алексей Михайлович Домнин.

В предисловии к ней сказано:

«О чем эта книга? Обо всем. О космосе, о школе, о друзьях-товарищах... Конечно, вся разнообразная и богатая жизнь уральской пионерии не уместилась на ее страницах... И мы вовсе не старались охватить все, нам просто хотелось рассказать, что наши школьники живут интересно и что народ они талантливый».

Прочитайте несколько страниц из этой книги.

Старая сказка на новый лад

Жил да был Колобок. Он учился в школе. Настал день, когда Колобок стал пионером. Первую четверть он окончил на тройки. Но потом стал часто получать двойки. Узнали об этом Мама с Папой. Хотели они с Колобком поговорить, а он быстренько укатился на улицу. Папа с Мамой отложили разговор на следующий раз.

Однажды Колобок укатился с урока. На перемене подошел к нему Староста класса. Стал ругать Колобка, а Колобок в ответ:

— Я от Папы ушел, я от Мамы ушел, а от тебя, Староста, и подавно уйду!

И покатился дальше. Староста только руками развел.

Катился, катился Колобок и докатился до того, что получил единицу. Погоревал немножко и дальше покатился. Но тут остановил его классный руководитель Алексей Петрович. Алексей Петрович говорит Колобку:

— Колобок, Колобок, я вызову твоих родителей в школу!

Но и тут Колобок свою песенку запел:

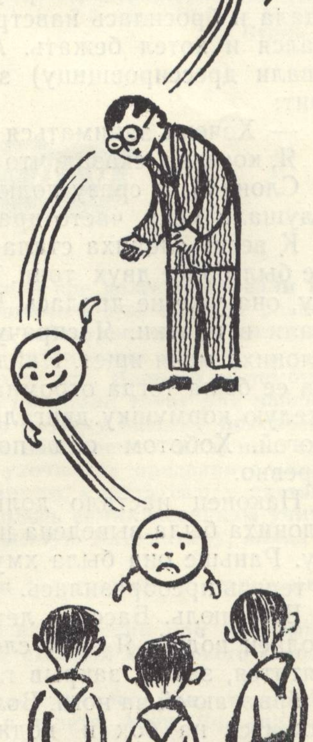
— Я от Папы ушел, я от Мамы ушел, я от Старосты ушел и от вас, Алексей Петрович, тоже уйду! — и бочком, бочком выкатился из учительской.

Так катился Колобок, нарушал дисциплину, получал двойки. И вызвали его на Совет дружины. Колобок опять запел свою песенку:

— Я от Папы ушел, я от Мамы ушел, я от Классного руководителя ушел... — и только хотел добавить: — и от вас уйду, — как поднялись все ребята и сказали:

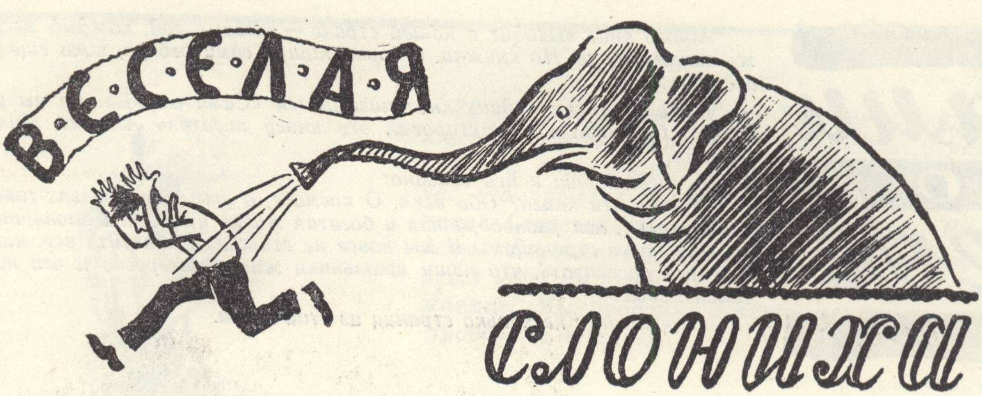
— Хватит! От нас ты никуда не уйдешь!

Тут и сказке конец.

Люда Бирюкова,
6-й класс, школа № 60,
г. Пермь.

Веселая слониха

Из дневника

Слониха Волна была привезена в наш зоосад из Индии, когда ей было шесть лет. Став юннатом, я начал вести за ней наблюдение. Занимался я с ней два года — с 1956 по 1958 год. Некоторые случаи из нашей дружбы я и описываю в своем дневнике.

Однажды дрессировщица и я зашли в слоновник. Слониха повернулась к нам, запищала и бросилась навстречу. Я очень испугался и хотел бежать. А тетя Люба (так звали дрессировщицу) засмеялась и говорит:

— Хочешь заниматься со слоном?

Я, конечно, сказал, что хочу.

Слониха не сразу полюбила меня. Она не слушала меня, часто дралась, но шутя.

К весне слониха стала выше ростом. Вес ее был более двух тонн. Чувствуя свою силу, она уже не дралась. Часто мы с ней играли в прятки. Я спрячусь куда-нибудь, а слониха меня ищет. Найдет — радуется. Сила ее была тогда огромна. Волна свою тяжелую кормушку двигала спокойно задней ногой. Хоботом она поднимала тяжелое бревно.

Наконец настало долгожданное лето, и слониха была выведена на летнюю площадку. Раньше она была хмурой, мало играла, а теперь преобразилась.

Был июль. Бассейн летней площадки наполнен водой. Я зову слониху к воде. Она пятится, затем, закрыв глаза, идет ко мне. Я брызгаю ей на ноги. Волна заходит в воду, ложится на бок и поджимает ноги. Она мстит мне за то, что я брызгал ей на ноги. Часто я уходил от нее совсем мокрый: она обливала меня водой из хобота.

Слониха любила фотографироваться, даже фотографа она знала.

Когда Волна была в хорошем настроении, она гонялась за мной, пищала, поднимала хоботом на спину. Если я давал ей что-нибудь сладкое — сахар, конфету, яблоко,— она тихонько повизгивала. Всего в день ей давали 120—130 килограммов кормов. Давали морковь, картофель, фрукты, капусту, хлеб, горох, овес, траву, сено, ветки, сахар, даже дрожжи, мел и вино...

Слониха забирала еду хоботом и направляла в рот. Пила она тоже по-особому: воду наберет в хобот, а потом вдует в рот.

Смешно было смотреть на Волнушку во время дождя. Если был сильный ливень, то она бежала под навес, а если теплый мелкий дождик, визжала от удовольствия, бежала в бассейн и купалась...

Кончились летние каникулы, и я снова сел за парту. Теперь часто бывать в зоосаде невозможно. Я очень скучаю по своей слонихе. В зоосад езжу каждое воскресенье. Волнушка меня тоже не забывает. Когда я прихожу, она протягивает хобот, заигрывает со мной. Еще бы! Ведь слониха все-таки ребенок. Ей еще только одиннадцать лет.

Меня она защищает. Если я притворно заплачу, она бежит ко мне и громко трубит, двигает ушами, машет хоботом в сторону посетителей — как бы отгоняет их. А вот если я зайду не один, а с тетей Любой, то слониха на меня даже внимания не обращает. Ведь тетя Люба — ее воспитательница. Тетя Люба занималась со слонихой, когда той было шесть лет. Если я потяну ее за руку, то Волна бежит выручать свою воспитательницу, которая меньше ее в несколько раз,— отталкивает меня хоботом, топорщит уши. Если она не может меня отогнать от тети Любы, то берет хоботом и сажает к себе на спину. Там я высоко, тетю Любу не утащу — и слониха успокаивается.

За то, что она меня сажает к себе на спину, даю Волнушке сахар. Кладу сахар прямо ей в рот. Ест она не только съестное. С огромным аппетитом она съела мои варежки. Когда я дал ей палку, она оставила только мелкие щепочки.

Вот уже прошел год. Снова приближается весна. Скоро каникулы, и я смогу чаще ездить в зоосад...

Волнушка почти взрослая, и скоро ей исполнится 13 лет.

Миша Смородинов,
12 лет.
г. Пермь.

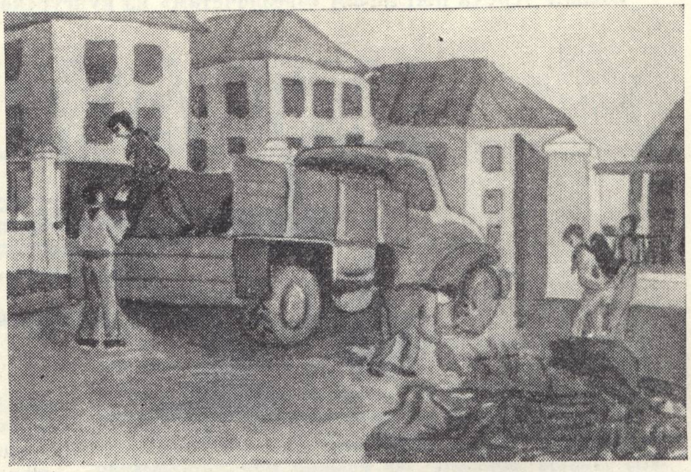
Подснежник

Возле двух высоких елей,
Около валежника,
Показался еле-еле
Нежный глаз подснежника.

Был он стройный, невысокий,
К солнцу голову поднял:
«Солнце, из-за гор далеких
Освети, согрей меня!»

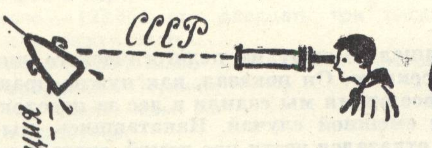
Солнце светит всем на свете,
Не обидит никого,
Светит взрослым, светит детям,
Светит всем до одного.

Светлана Королева,
7-й класс, школа № 22,
г. Пермь.

Грузим металлолом.

Рисунок Гены Бабцева,
7-й класс, школа № 79,
г. Пермь.

Станция № 069

Не знаю, от кого пошло это название, но в школе нас долго именовали не иначе, как «звездочетами». Мы не обижались. Астрономический кружок располагал лишь морским биноклем. Это и было все наше «оборудование», с которым мы приступили к наблюдениям за искусственными спутниками Земли.

Собирались, наблюдали, говорили, думали. И надумали. Попросили помощи у Пермского университета. Помощь пришла. Ученые прислали трубу для наблюдений за спутниками. И еще пришло сообщение, что кружку нашему присвоено звание филиала университетской станции визуальных наблюдений. Получили одновременно и первое научное задание: произвести уточнение предварительных траекторий движения спутника в районе нашей станции. Работа самая настоящая, «взрослая», нужны основательные знания. Пришлось семиклассникам учить астрономию за десятый класс, десятиклассникам — высшую математику, вникать в вузовский курс астрономии.

Наблюдали, обрабатывали результаты, отсылали телеграммы в астрономический совет, и наконец...

Родилась астрономическая станция визуальных наблюдений при Академии наук СССР — № 069. Среди восьмидесяти пяти таких станций Советского Союза появилась еще одна — школьная, наша.

Из Москвы пришли приборы. А 5 августа 1958 года случилось так, что только две станции на всей планете смогли засечь спутник в полете: Аден (Франция) и 069 (СССР). Наша!

И еще памятные дни и события. В начале августа 1960 года мне сказали:

— Собирайся в путь!

Вместе с одноклассницей Галей Петровой мне посчастливилось побывать на Всероссийском слете юных техников в Казани. Делегацию от нашей научной станции возглавлял преподаватель физики и астрономии Сергей Васильевич Исчёнов.

На слете Галя сделала доклад о работе станции. А я показывал оборудование для наблюдений, объяснял, как пользуемся приборами. Надо сказать, что отбою не было от любопытных. Впрочем, любопытные прямо заявляли:

— И мы хотим вести наблюдения! Так что давайте без секретов!

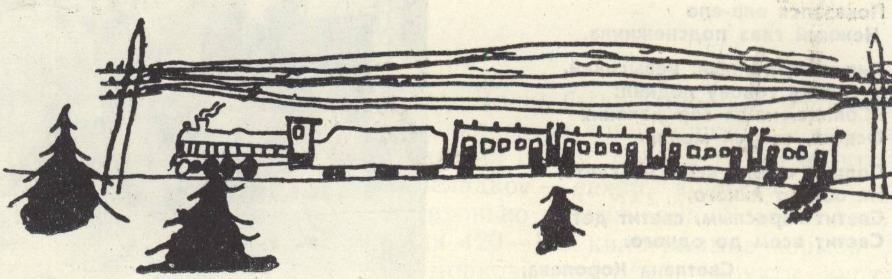
А потом нам объявили, что на слете станция № 069 награждена первой премией...

Недавно я узнал, что экспонаты, рассказывающие о работе наших юных кунгурских астрономов, были показаны на выставке в США.

Оканчиваю родную школу. Но знаю, что наша славная станция № 069 по-прежнему на орбите.

Желаю успеха пытливым «звездочетам» из кунгурской одиннадцатой!

Саша Вакорин,
10-й класс, школа № 11,
г. Кунгур.

Поезд.

Рисунок Аркаши Мотовилова,
6 лет, г. Пермь.

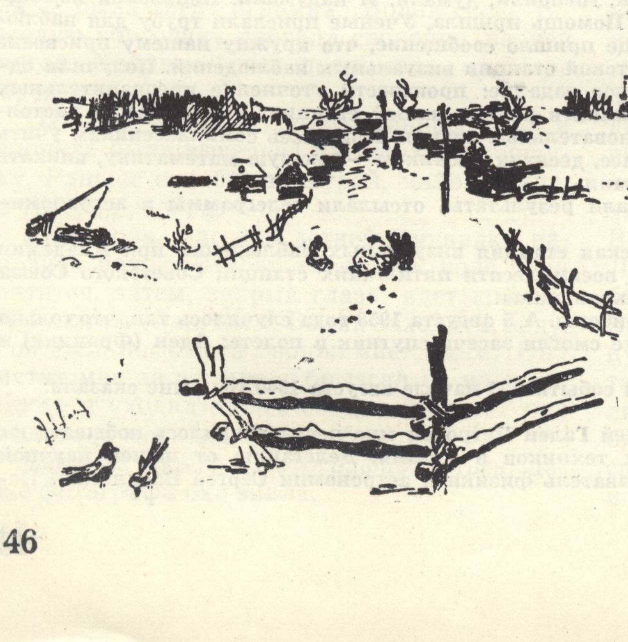
Лыжи в варежках

Однажды к нам в школу пришел студент из педагогического института и предложил записаться в лыжную секцию. Он показал, как нужно правильно бегать на лыжах. После этого почти все время мы ездили в лес за поселок Южный.

Как-то раз с нами произошел смешной случай. Накатавшись, мы подошли к автобусной остановке. Но шофер отказался везти нас домой, сказал, что мы лыжами можем поцарапать машину. Он велел надеть на лыжи варежки. Так и ехали: сами без варежек, а лыжи в варежках. И придумали сшить для лыж чехлы.

Володя Афанасьев,
6-й класс, школа № 82,
г. Пермь.

Зима.

Рисунок Володи Мавроммати,
10-й класс, школа № 3,
г. Соликамск.

Нам очень понравилась книга «Сами о себе».

Редакция журнала «Пионер»

В. ЛЁВШИН

Рисунки Б. Кыштымова.

3 дня в Карликании

Сказка да не сказка

(Окончание.)

3-ий день

НУЛИКИ СНОВА ШАЛЯТ

Рано утром к нам прибежала Четверка с бантиком и, еле переводя дух, стала извиняться, что не сможет нас сопровождать,— Нулики так расшалились, что с ними не сладишь. А сегодня ее дежурство на Числовой площади. Она сразу же умчалась. Мы поспешили за ней и вот что увидели.

По Числовой площади, обнявшись, прогуливались всевозможные числа. О чем-то шептались Двойка и Тройка, образовав число 23. Рядом шли шеренгой и пели песню шесть первых цифр — из них получилось большое число — 123 456, сто двадцать три тысячи четыреста пятьдесят шесть...

Между этими солидными, степенными числами шныряли озорники Нулики, сбежавшие от своих мам из Десятичного переулка.

Вот один из них, особенно бойкий, подбежал к числу 125 и стал слева от Единицы, вот так: 0125. Никто не обратил на него особого внимания, потому что число 125 от этого ни капельки не изменилось. Тогда Нулик перебежал на другой конец числа и стал рядом с Пятеркой. Число мгновенно выросло, как на дрожжах, стало в 10 раз больше — не 125, а 1 250!

Цифры рассердились. Неприятно ведь, когда над тобой проделывают всякие фокусы. Они прогнали Нулика прочь. Тогда Нулик придумал новую шалость: снова забежал слева от Единицы и отделил себя от числа 125 запятой! И вот это число превратилось в десятичную дробь — 0,125. Оно стало в тысячу раз меньше — таким маленьким, что на него можно было случайно наступить и даже не заметить.

— Как ты смел сделать из нас такое маленькое число! — запищали цифры.— Не хотим мы ни с того ни с сего уменьшаться!

А Нулику это так понравилось, что он позвал еще двух своих приятелей и втиснул их между Единицей и запятой.

Ой-ой! Теперь число 125 уменьшилось в сто тысяч раз — 0,00125!

Между тем Нулик вошел во вкус этой забавной игры. Он просто упивался своей силой!

— Подумайте только,— кричал он радостно,— оказывается, чем больше нас, Нуликов, встанет сразу после запятой, тем меньше сделается число! Ведь каждый из нас уменьшает его в десять раз! Вот мы какие молодцы!

Только он это сказал, как сразу еще пять Нуликов оттеснили Единицу и встали между ней и своими собратьями.

— Теперь вы уже не 125,— закричали Нулики,— а сто двадцать пять десятимиллиардных! Вот — 0,0000000125!! Захотим — еще уменьшим!

Но число уже стало таким маленьким, что без микроскопа и не разглядеть. Нулики разочарованно покинули свои места, и... число 125 снова как ни в чем не бывало разгуливало на площади.

— Ну, погодите,— воинственно сказала Четверка с бантиком,— сейчас я вас проучу! Напрасно вы так кичитесь своим могуществом,— заявила она Нуликам.— Видите, гуляет число 9,1? Встаньте-ка между запятой и Единицей. Намного ли уменьшится от этого число?

— Ого-го-го! — ответил вызывающе Нулик.— Конечно, намного!

Три Нулика мигом встали так, как было предложено, и что же? Число 9,1 превратилось всего-навсего в 9,0001.

Нулики даже захныкали:

— Это обман! Число должно было уменьшиться в 1000 раз!

— Вы не учли, что перед запятой стоит цифра 9, а не 0! В этих случаях ваша сила невелика. Ставьте после запятой хоть сто Нулей, число все равно будет больше девяти! Так что хвастаться нечего.

Но Нуликов было трудно утихомирить. Долго еще досаждали они числам своими проказами и наконец так им надоели, что терпение у всех лопнуло.

Пришлось позвать Заведующего Главным Складом. Он пришел, дожевывая свой девятьсот восемьдесят первый бутерброд с ветчиной, быстро и деловито собрал всех Нуликов и поставил между ними по знаку Плюс! Все Нулики тотчас превратились в один общий Нуль! Сколько нули ни складывай, они все равно больше нуля не станут!

Общий Нуль покатился по Площади, закатился в свой Десятичный переулок, ударился о столб и снова распался на множество маленьких Нуликов. Тут их поймали мамаши и развели по домам.

ЗЕРКАЛЬНАЯ УЛИЦА

Когда на площади все утихло, к нам подошла Четверка с бантиком.

— А у меня для вас сюрприз,— сказала она, таинственно улыбаясь.

— Какой? Какой? — приставали к ней ребята.

— Что ж это за сюрприз, если о нем проболтаться раньше времени! — рассмеялась Четверка.— Сначала я вас чуточку повожу за нос.

— А долго вы нас будете водить? — спросил нетерпеливый Сева.

— Я же сказала — чуточку. Вот пройдем эту улицу, свернем в переулок, потом выйдем на следующую улицу, еще раз свернем в переулок...

— У-у-у! — разочарованно протянула Таня.— Так далеко!

— Ну,ну, я пошутила. Идти никуда не придется. Поглядите-ка сюда.

Мы обернулись и... остолбенели. Перед нами стоял новенький, с иголочки, автобус, блестя на солнце красными глянцевыми боками.

— Автобус в Карликании?! Неужели это для нас?— воскликнул Сева.

— Конечно,— сияя от радости, ответила Четверка.— Это туристский автобус дальнего следования. На нем мы совершим поездку по одной замечательной улице.

Таня разочарованно вздохнула:

— Стоило подавать автобус дальнего следования, чтобы проехать одну улицу.

— Что вы! — возразила Четверка.— Мы и на автобусе не сможем проехать эту улицу до конца.

— Это почему же?

— Да потому, что у этой улицы нет конца!

— Понимаю,— сказал Олег.— Это та самая дорога, которая ведет к Великанам.

— Не только к Великанам, но и к Карликам,— добавила Четверка и жестом опытного гида пригласила нас в автобус.

Ребята с удовольствием уселись на мягкие сиденья. Четверка повернула какой-то рычажок. Автобус двинулся.

— А где же водитель? — удивились ребята.

— Водитель далеко — на Автоматической улице. Он управляет автобусом на расстоянии.

— Это, вероятно, кибернетическая машина? — предположил Олег.

— Конечно,— с гордостью сказала Четверка,— в Арабелле все по последнему слову техники! А теперь внимание! Подъезжаем к цели нашего путешествия.

Автобус выехал на широкую улицу. Теперь он двигался очень медленно.

— Посмотрите налево,— сказала Четверка.

Мы повернули головы и увидели бесконечно длинную кирпичную стену, на которой выстроились десятичные дроби: 0,1 0,01 0,001 0,0001 0,00001 0,000001... Чем дальше, тем больше нулей стояло после запятой и, следовательно, тем меньше становилась дробь.

Мы ехали все вперед и вперед, а числа делались все меньше и меньше. Автобус постепенно прибавлял ходу. Нули проносились мимо нас быстрее и быстрее. Их становилось больше и больше. Появились уже такие малые числа, что прочитать их не было никакой возможности. А конца улицы не было видно.

— Вот уж действительно дорога Карликов! — воскликнул Олег.— Никогда я еще не видел его таким оживленным.

— Карликов я вижу,— подтвердил Сева.— Но где обещанные Великаны?

— Будут и Великаны,— успокоила Четверка.— Держитесь крепче! Даю космическую скорость!

Автобус помчался обратно да так стремительно, что мы, не успев, как говорится, глазом моргнуть, очутились на прежнем месте. Автобус остановился.

— А теперь посмотрите направо! — скомандовала Четверка.

Мы повернули головы и увидели кирпичную стену, а у стены — автобус, точь-в-точь такой же, как наш.

— Глядите-ка, еще одна экскурсия! — закричал Сева и помахал рукой.

Из автобуса тоже помахали. Сева снова помахал. Из автобуса снова ответили. И — странное дело — тот, кто махал, как две капли воды, походил на нашего Севу.

— Слушайте! — в страшном волнении закричал Олег.— Это же не стена! Это — зеркало!

Действительно, это было бесконечно длинное зеркало. В нем-то и отражалась кирпичная стена.

По-прежнему уходили в бесконечную даль числа. Но только теперь это были не десятичные дроби, а их зеркальные отражения — целые числа! 1,0 10,0 100,0 1 000,0 10 000,0 100 000,0 и так далее.

Автобус тронулся, и вновь замелькали перед глазами нули, нули, нули... Теперь числа не уменьшались, а росли с неимоверной быстротой.

— Вот вам и дорога Великанов! — сказала Четверка.

И началась забавная игра. Ребята поворачивались налево — перед ними были Карлики, поворачивались направо — перед ними были Великаны!

— Совсем как в волшебной сказке! — восхищалась Таня.

Под конец у всех разболелись шеи. Это было сигналом к возвращению.

— Подумать только,— сказал Олег на обратном пути,— из одних и тех же цифр можно сделать и Карликов и Великанов!

— Поэтому-то наша страна и называется КАРЛИКАНИЕЙ. Это название составлено из двух слов — КАРЛИКИ и ВЕЛИКАНЫ,— с гордостью объяснила Четверка.

ПОДЗЕМНАЯ ДРОБИЛКА

Мы расстались с нашим симпатичным гидом и, отдохнув после сильных впечатлений, снова пошли бродить по городу.

Вскоре послышался отдаленный грохот.

— Неужели гроза? — забеспокоилась Таня.

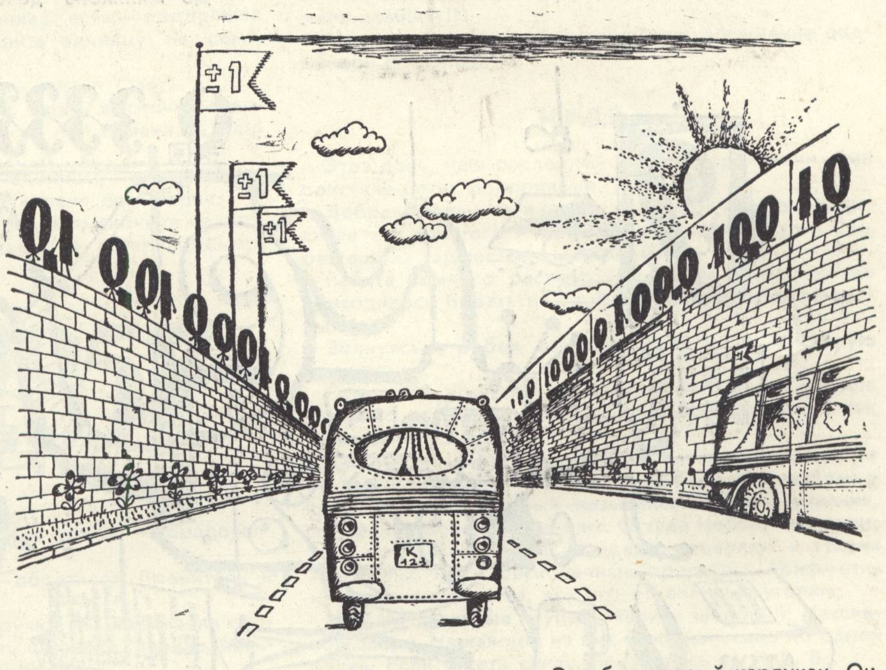
— Нет,— сказал Олег.— Это что-то другое.

— Пойдем посмотрим,— предложил Сева, и мы пошли на шум.

Он становился все сильнее и наконец привел нас в какой-то пустынный переулок.

Вдруг грохот оборвался, и сразу наступила такая тишина, что все даже испугались.

И тогда мы услышали чей-то скрипучий, ворчливый голос. Из круглого отверстия в мостовой по-

явилась седая голова. Это был старый карликан. Он тяжело дышал и, выкарабкавшись наверх, тотчас присел отдохнуть.

— Откуда вы? — спросила Таня.

— Оттуда,— показал он вниз.

— Из-под земли?

— Конечно. Я там работаю. Адская у меня работа.

— Там что, карликанский ад? — спросил Сева.

— При чем тут ад?! — рассердился старик.— У нас даже дети знают, что никакого ада нет. Я там кручу машину. Больше у меня уж сил нет. Кручу, кручу, и все зря. Пусть Старейшие Карликане сами попробуют. А мне пора на покой!

— А какую машину вы крутите, дедушка? — спросила Таня.

— И не спрашивайте. Машина самая бесполезная. Называется она дробилка. Да что толку в этой дробилке, если я ничего не могу раздробить до конца?!

— Что же вы дробите? — спросил Сева.

— Что же еще, кроме чисел?

— Числа ведь не камни, разве так трудно их дробить? — удивилась Таня.

— Попробуйте сами разок, тогда не будете задавать такие вопросы. Ведь дроблю-то я числа, которые друг на друга не делятся. Те, что делятся,— их и дробить незачем! А вы вот попробуйте разделить такое число, которое не желает делиться на другое!

— Так надо эти числа оставить в виде обыкновенной дроби,— посоветовала Таня.

— Ишь какая прыткая! — рассердился старик.— В виде обыкновенной дроби! Здесь квартал ДЕСЯТИЧНЫХ дробей! Обыкновенным здесь жить не разрешается.

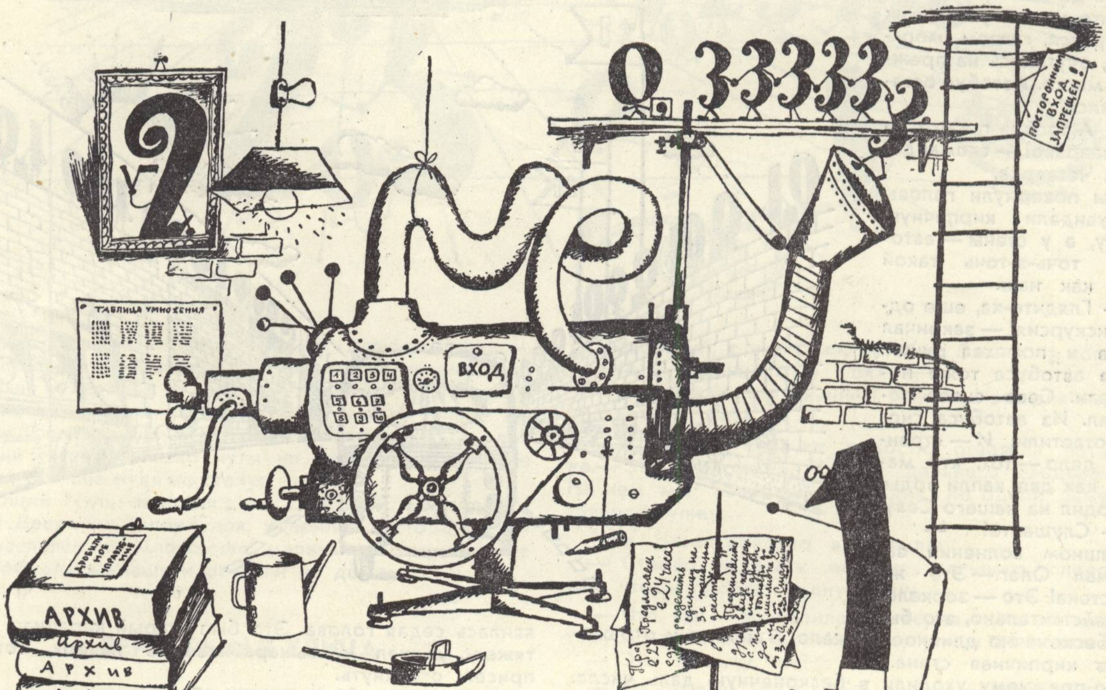
— Значит, вы их превращаете в десятичные? — не унималась Таня.

— Вот именно — в десятичные! — махнул рукой старик.— А они сопротивляются! Понятно?

— Что же это за дроби такие?

— Странный вопрос! ПЕРИОДИЧЕСКИЕ, конечно,— ответил карликан.

— Но какой в них толк, если до конца ни одну раздробить не удается? — спросил Сева.

— Толк-то в них, конечно, есть,— почесал старик за ухом.— Периодическая дробь, в общем-то, очень близко подходит к обыкновенной. Чем больше дроблю, тем точнее получается ответ. Только успевай крутить! А я уж стар, тяжело мне.

— Можно нам посмотреть вашу дробилку? — спросил Сева.

— Отчего же нельзя? У нас все можно. Можете и подробить на ней, если охота.

— С удовольствием! — заявили все хором.

Через круглый люк, из которого вышел старый карликан, мы спустились в подземелье. На столе лежала бумажка с печатью — приказ Совета Старейших:

«Предлагаем в 24 часа разделить единицу на три с помощью десятичных дробей. Представить в виде периодической дроби с точностью до миллиона знаков. Старейшие».

Внизу стояло девять подписей.

— Видите,— сказал старик,— «с точностью до миллиона знаков». Попробовали бы они сами это проделать!

— Дайте-ка мне попробовать,— сказал Сева и стал крутить рукоятку огромной дробилки. Из дробилки одна за другой начали выскакивать цифры и выстраиваться в ряд.

Сперва выскочил нуль, за ним запятая. А потом пошли тройки, тройки... одна за другой. Сева уже устал, а тройки все шли и шли.

На полке уже образовалась длиннющая очередь:
0,333333333333333333333333333333

А тройки все продолжали выскакивать из дробилки.

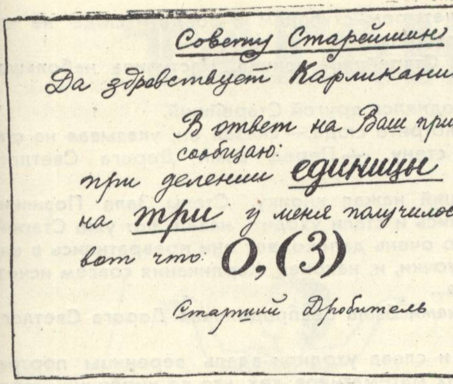
— Пожалуй, довольно? — спросил Сева, вытирая пот с лица.— Еще нет миллиона знаков?

— До миллиона далеко! — усмехнулся старик.— Да здесь это ни к чему. Тут Старейшие малость ошиблись. Они уже проверяли это дробление. Им прекрасно известно, что, кроме тройки, из дробилки больше ничего не выскочит. Я уж им не раз посылал ответ.

— И что же, вы так миллионы цифр и отправляли? — удивилась Таня.

— Зачем миллионы! — замахал руками старик.— Я придумал посылать сокращенный ответ. Вот прочитайте. Это уже самый последний ответ, я как раз собирался его отправить.

Сева взял бумажку и прочитал:

— А что это за скобки тут?— спросил Сева.

— А это мы так условились записывать, что, мол, кроме троек, ничего больше и не ждите. То, что в скобках, назвали ПЕРИОДОМ. Поэтому и дробь называется ПЕРИОДИЧЕСКОЙ.

— Вот тут еще один приказ есть,— продолжал Старший Дробитель,— разделить единицу на семь. Это придется сделать.

— Теперь дробить буду я,— заявил Олег.

Снова заработала дробилка. Опять выскочил сперва нуль, за ним — запятая. А за ней появилась единица.

— Ну, теперь пойдут одни единицы,— сказал Сева.

— Не забегай вперед,— остановил его старик.

И он оказался прав: за единицей выскочила четверка, за ней двойка, потом восьмерка, пятерка, семерка...

— Это уже не периодическая дробь!— обрадовался Сева.

— А ты его не слушай,— обратился Дробитель к Олегу.— Работай себе знай.

Олег продолжал вертеть ручку, и... выскочила снова единица! А за ней — опять четверка, двойка, восьмерка, пятерка и, наконец, семерка!

Они выстроились в ряд:

0,142857142857

— Значит, дальше все опять начнется сначала,— решил Олег. — Очевидно, эти шесть цифр и будут теперь называться периодом? Ишь какой большой период!

— А я знаю, как надо записывать этот результат!— обрадовался Сева.— Вот так: 0,(142857). Правильно я поставил период в скобки?

— Лучше нельзя,— подтвердил старик.

— А вдруг дальше что-нибудь другое получится?— не верила Таня. — Ну-ка, я еще покручу.

Но, сколько она ни крутила, все время выскакивали только эти цифры и всегда в одном и том же порядке.

Когда мы поднимались обратно, на улицу, на полочке снова выстроилась длинная очередь:

142857142857142857142857142857142857142857142857...

Мы вылезли из люка и заглянули вниз. Старший Дробитель уже делил новую дробь. Мы увидели только его запись:

$$\frac{4}{11} = 0,(36).$$

— Надо обязательно все это проверить дома,— сказал Олег.

Тут Севу словно осенило.

— Дедушка!— крикнул он в люк. — Дедушка! А почему бы вам на пенсию не выйти? Пусть лучше вашу работу делает какая-нибудь счетная машина. А вы отдыхайте на здоровье!

— Это меня-то на пенсию?— рассвирепел старый карликан. — Целый век дроблю, а теперь не нужен стал?

Ребята смущенно переглянулись.

— Но вы ведь сами говорили...— робко напомнила Таня.

— Мало ли что я говорил! Меня уж, почитай, двадцать лет уговаривают на покой уйти, да не на такого напали! Мне без этой работы и дня не прожить. На пенсию! Да вот я вас!.. Убирайтесь отсюда, а то превращу всех в периодические дроби! Будете меня помнить!!

Так неожиданно закончилось наше посещение подземной дробилки.

Н.Р.В.В.

Этот день, наш последний день в Карликании, был поистине богат сюрпризами.

Добрая фея — Четверка с бантиком — снова разыскала нас для того, чтобы вручить приглашение Старейших на торжественный прием.

Ребята немного растерялись: им ведь никогда не приходилось бывать на приемах да еще торжественных.

Волнуясь и робея, они направились на Числовую площадь.

Огромное круглое десятиэтажное здание сплошь состояло из стекла и просматривалось насквозь, как гигантский фонарь.

Каждый из девяти правителей Карликании занимал по этажу. Верхний этаж, десятый, был общим. Там, в круглом зале, который назывался Залом Познания, собирался Совет Старейших. Оттуда можно было увидеть не только улицы, площади, переулки и тупики Арабеллы, но и бесконечные просторы Арифметического государства, все его отдаленные уголки.

Четыре истертые ступени вели к широкой, массивной двери. На каждой из них было написано по одной букве. Если читать снизу, получалось Н. Р. В. В.

Сева уже поднял ногу, чтобы стать на первую ступеньку, но Четверка с бантиком успела остановить его.

— Нет, нет!— в ужасе воскликнула она. — Вам еще нельзя подниматься по этим ступеням! Для гостей вашего возраста имеется отдельный вход.

— А что означают эти буквы? — спросил Сева, когда мы поднимались по винтовой лесенке.

— Это начальные буквы четырех слов нашего Главного Девиза. Это самые важные, самые необходимые, самые любимые, самые великие слова во всем Арифметическом государстве.

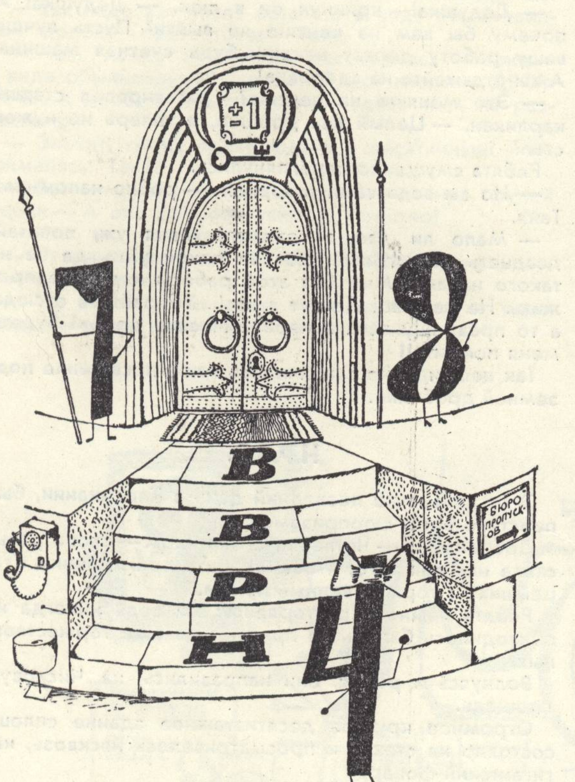
— Что же это за слова?— настаивал Сева.

Четверка не успела ответить. Широкая дверь бесшумно отворилась, и мы вошли в зал.

При нашем появлении Девять Старейших встали, поздоровались и сели снова только тогда, когда мы заняли отведенные нам места.

В этом зале не тратили попусту слов и времени. Каждая секунда ценилась на вес мудрости, а ведь это дороже золота!

— Дорогие гости,— сказал Первый Старейший,— мы пригласили вас в Зал Познания, чтобы расширить ваш кругозор. Сквозь стеклянные стены вы можете видеть необъятные дали. У этих далей нет границ. В этом и заключается сущность Познания.

Четыре ступени — Н. Р. В. В.— ведут в этот Зал: Наблюдение, Размышление, Вычисление, Выводы!

За сотни веков многие поднимались по этим ступенькам, входили в Зал Познания, чтобы затем рассказать другим людям об увиденном и приобщить их к науке.

Многие спотыкались на этих ступенях и не поднимались выше первой или второй.

Были и такие, что пытались проникнуть в Зал Познания обходными путями. Но это ни к чему не приводило. Для таких людей стены нашего Зала делаются непрозрачными.

К счастью, таких невежд гораздо меньше, чем пытливых людей. Недаром так истерты четыре ступени, ведущие к вершинам НАУКИ.

Сегодня мы приветствуем вас, как своих дорогих гостей. Но мы верим: будет время, вы подниметесь по этим четырем ступеням и войдете сюда не как гости, а как хозяева.

Первый Старейший кончил. Наступила небольшая пауза.

Тогда поднялся другой Старейший.

— Посмотрите сюда,— сказал он, указывая на стеклянную стену. — Перед вами Дорога Светлого Разума...

Старейший нажал кнопку. Стены Зала Познания раздвинулись и стали уходить назад. Вот уже Старейшие где-то очень далеко, вот они превратились в еле видимые точки, и, наконец, Карликания совсем исчезла из вида...

Перед нами была беспредельная Дорога Светлого Разума.

Справа и слева уходили вдаль вереницы портретов великих математиков, тех, кто по кирпичику строили величественное Арифметическое государство.

Но что это? Портреты ожили! Вот уже улыбается Архимед, за ним идут нам навстречу Пифагор, Ломоносов, Ньютон, Лобачевский, Ковалевская, Чебышев...

Чем дальше мы шли, тем больше ученых — и старых и молодых — встречалось на пути. Нас окружала плотная толпа. Врачи и физики, археологи и языковеды, биологи и химики — все двигались по идущей из Карликании Дороге Светлого Разума. Ведь теперь без математики не обходится ни одна наука!

Вдруг послышался нарастающий рев самолетов, стрекот кибернетических машин, гул атомных реакторов...

И среди этого шума мы услышали короткий писк радиопередатчика — «бип-бип» — космического корабля. Его нельзя было не узнать. Позывные Советской страны!

Мгновение — и в небо взвилась длинная, сверкающая стрела, оставляя за собой огненный хвост.

И тут же мы услышали голос диктора:

— В Советском Союзе запущен новый космический корабль...

Мощное «Ура!» заглушило конец фразы, и мы не смогли разобрать имя нового, еще неведомого миру космонавта.

Мы протиснулись вперед, стараясь лучше рассмотреть, что происходит, но это нам так и не удалось, потому что... потому что...

Мы по-прежнему сидели в школьном саду, за дощатым столом.

— Какую интересную сказку вы нам рассказали!— тихо промолвил Олег.

— Неужели ничего этого не было?— вздохнул Сева. — Ни Четверки с бантиком...

— ...ни балета на льду?— подхватила Таня.

— ...ни Зеркальной улицы? — в тон продолжал Олег.

— Может быть, не было,— сказал я. — А может быть, было? Посмотрите, вот листок! Мне передал его для вас один из тех, кого вы только что видели.

— Не может быть!— заволновались ребята. — Покажите!

Я положил на стол страничку из обыкновенной тетради в клетку, и ребята прочитали слова великого русского математика Николая Ивановича Лобачевского:

«Кажется, нельзя сомневаться... в истине того, что все в мире может быть представлено числами».

ТАГАНОК

(Окончание.)

Мустай КАРИМ

Рисунки Г. Алимова.

Перевела с башкирского В. Осеева

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь лил и лил целый день, но к вечеру наконец перестал. Тучи, которые, казалось бы, заволокли небо навсегда, за какой-то коротенький миг рассеялись; голубым небом, только что омытым дождем, снова завладело солнце. И только самые маленькие капельки дождя, словно заблудившиеся где-то наверху, изредка капали на землю.

— Ага, попалась на удочку — в мою ручку! — кричит Гульнур, глядя на упавшую ей на ладонь капельку.— А почему ты такая тепленькая? Наверное, там, поближе к солнцу, тебе было очень тепло!

Гульнур примостилась на бревне возле забора и не обращает никакого внимания на Габдуллу и Айдара, которые молча и сосредоточенно что-то обдумывают, сидя на другом конце бревна. Вид у мальчиков понурый. Что им до того, что малыши со смехом и визгом шлепают по теплым дождевым лужам и ручейкам, что Гульнур без умолку щебечет, собирая в ладонь капельки! У них свои заботы.

— От этого Примерного никакого толку нет...— сказал Айдар.— Когда не надо, он всегда тут вертится, а когда надо, так и глаз не кажет. Мямля!

Габдулла только плюнул сквозь зубы. Это означало крайнюю степень раздражения.

Но Айдар, помолчав немного, начал снова:

— Наверное, он испугался. А лодка старика самая лучшая. Не пропускает ни капельки воды...

Вдруг Габдулла спросил:

— Ты считаешь меня вожаком?

— Конечно, считаю! — подтвердил Айдар.

— Если считаешь, то иди и вызови сюда Примерного!

— Я пойду, но если его мать увидит меня, то сразу поднимет шум и не отпустит Якупа!

Айдар оглянулся на сестренку: Гульнур уже уговаривала прибитую дождем траву выпрямиться и взглянуть на солнышко.

— Сестренка, умница моя Гульнур, — ласково сказал Айдар.— Ты ведь знаешь, что я поймаю тебе двух птенцов жаворонка.

Гульнур живо подбежала к брату.

— Знаю, но ведь ты их не ловишь.

— Поймаю. Вот увидишь. И принесу, когда будет готово твое красивое красное платье. Ладно?

— Ладно.

Кивнув головой, Гульнур хотела снова усесться на свое место, но брат удержал ее, сказав:

— Я еще сделаю тебе клетку для этих птичек и сам покрашу ее голубой краской.

— А я насыплю им зерна!

— Конечно, насыплешь. Только слушайся меня... Иди, сестричка, и быстренько позови Якупа,— сказал Айдар.— Да гляди, чтоб его мама не слышала.

Гульнур, разбрызгивая босыми ногами лужицы, побежала к дому Якупа. Добежав до ворот, она остановилась и, приникнув к щели в заборе, окинула взглядом весь двор. Якуп, сидя на сваленных в кучу дровах, что-то стругал. Гульнур не посмела окликнуть его, опасаясь, что может услышать мать Якупа. Подумав немного, она подняла камень чуть побольше своего кулачка и, поднявшись на цыпочки, бросила его через забор. Камень шлепнулся в лужу неподалеку от мальчика. Якуп вздрогнул и оглянулся. Ему показалось, что из щели забора высунулся розовый палец. Но, может, ему это только показалось? Он подошел поближе. Тогда палец в щел-

ке вдруг задергался и стал усиленно царапать ногтем доску.

— Кто там? — шепотом спросил Якуп.

— Это я,— запищала Гульнур.— Мой брат Айдар и Габдулла зовут тебя. Сказали, чтобы ты быстренько пришел. Если быстро не придешь, они рассердятся и опять будут говорить, что от этого Примерного нет никакого толку... Они сидят около нашего дома на бревнах.

— Ладно. Не болтай долго. Иди своей дорогой. Беги!

— Ну и побегу!

Однако Гульнур побежала теперь в другую сторону. Ей вдруг вспомнилось то красивое платье, которое шьет ей портниха Ямлиха́. Гульнур побежала узнать, как оно там, ее платье.

* * *

Габдулла и Айдар уже два дня не видели Якупа. За это время он немножко осунулся, лоб его был все еще украшен пожелтевшими синяками, а сам он будто повзрослел, вырос и даже выпрямился.

Вожак встретил Якупа удивленным вопросом:

— Кто это тебя так разукрасил?

— Сам!

— Уж не ври!

— Клянусь хлебом и солью! Из меня уже вся примерность вышла. Я научился прыгать со скалы. Ты же сам велел. Вот только не умею плавать.

— Проглотишь пару ведер воды в озере, так научишься!

— Научусь, конечно...— нехотя сказал Якуп, его все еще мутило от выпитой утром озерной воды.

— Когда вернется твой дед? — спросил Айдар.

— Дед-то, наверное, не скоро вернется. А что?

— Где ключи от его лодки?

— Не знаю...

— Ты брось это «не знаю»... Понятно? — резко сказал вожак.— Завтра с рассветом надо выходить на озеро. Соберемся еще затемно за баней бабушки Умлегуль. Чтобы лодка твоя была с вечера готова.

Якуп безмерно обрадовался, что товарищи обратились к нему с таким делом. Бледное лицо его зарумянилось, глаза засияли. Хорошо, оказывается, чувствовать себя равным среди сверстников.

— Лодка готова! — радостно сказал он.— Хоть сейчас садись и плыви!

— Да, готова! На ней же замок висит с большую варежку!

— Ну и что ж! Замок хоть и большой, да как собака, которая не лает и не кусает! Дедушка вешает на лодку замок только для вида!

Пока три опоры «Таганка» вели такой серьезный разговор, по другой стороне улицы прошел Вазир. Вид у него был независимый, руки засунуты в карманы штанов. Он шел и даже что-то насвистывал, как будто он совершенно безразлично относится ко всем трем мальчишкам, все дела его сделаны, свет ему мил, и на улицу он вышел будто просто так.

Вазир медленно прошел по улице в одну сторону, потом в другую, но никто не обернулся и даже не взглянул на него. Вернее, взглянули, конечно, но не подали виду, как будто по улице прохаживался не их прежний друг и товарищ, а просто ягненок, который не находит своих ворот... И даже хуже, потому что заблудившемуся ягненку каждый открыл бы ворота.

Тогда Вазир перешел на ту сторону, где сидели мальчики. Он вынул руки из карманов, перестал свистеть и постарался показаться жалким. Вазиру было очень тяжело унижаться перед товарищами. Но он уже не видел другой возможности помириться с ними, поэтому собрал все свои силы и остановился перед вожаком.

— Габдулла,— сказал он тихим, дрожащим и печальным голосом.— Тот ножик я сразу же отнес... Если не веришь, спроси у самого Шарифуллы. И пусть отсохнут мои руки, если я теперь трону чужое!

Этими словами Вазир надеялся прежде всего расположить к себе Габдуллу, Айдар-то уже не стал бы перечить вожаку.

Габдулла, собираясь грубо и решительно оборвать Вазира, поднял голову и... не смог произнести ни одного резкого слова. Глаза Вазира часто-часто моргали, верхняя губа дергалась, на руках выступила «гусиная кожа», по голой груди тянулась глубокая свежая царапина. Эта метка была получена утром, когда Вазир спасал лодку Якупа.

Габдулла молча смотрел на товарища. Жалкий вид Вазира рассеял его гнев, а сердце больно сжалось: перед глазами Габдуллы вдруг встал другой Вазир, его прежний веселый друг, с которым они вместе росли...

Габдулла вспомнил, как они с Вазиром ходили вместе на рыбалку. Габдулла был не очень удачлив на рыбной ловле. Когда у Вазира было уже несколько пойманных рыб, у Габдуллы еще даже не клевало. Но всегда всю добычу — и крупную и мелочь — Вазир делил пополам.

А в прошлом году был и такой случай. Какой-то злодей бросил в глубокий колодец котенка. Котенок не утонул, он забрался на мокрый выступ бревна и до полудня жалобно мяукал. Пробовали на вожжах спускать ведро, но у котенка не хватило ума перелезть в ведро. И дети и взрослые пытались спасти его, но ничего не могли сделать. И вот с длинной веревкой в руках появился Вазир. Он привязал конец веревки к столбу и по ней бесстрашно спустился в темный, глубокий колодец. С каким страхом смотрел тогда Габдулла, как, повиснув на одной руке, Вазир сначала снял с выступа котенка, посадил его в ведро и только после этого поднялся сам...

Все эти воспоминания мгновенно пронеслись в памяти Габдуллы. Неужели это тот же Вазир, смелый друг, стоит теперь с повинной головой перед своими товарищами и молча просит у них прощения?! И Габдулла и Айдар были готовы простить его, но как вожак Габдулла считал, что он не имеет права быть таким сердобольным и уступчивым по отношению к человеку, который запятнал честь «Таганка». «В таких случаях надо быть твердым»,— подумал Габдулла и поэтому, напустив на себя строгость, спросил холодным, безразличным тоном:

— Чего тебе надо?

— Ничего,— робко ответил Вазир.

— А коли ничего, так зачем тут вертишься?

— Вы мне нужны,— пролепетал Вазир дрогнувшим голосом, и глаза его замигали еще чаще...

Якуп очень жалел Вазира и никак не мог понять, что наделал человек, который всегда отличался смекалкой и решительностью. Почему Вазир, который держал в своих руках всю улицу, очутился теперь в таком жалком положении? Почему друзья отворачиваются от него?

Якуп нащупал в кармане рогатку с красной рукояткой, из этой рогатки Вазир бил без промаха в любую цель... Якуп с болью и уважением смотрел на своего друга.

— Хотите — ругайте, хотите — колотите,— сказал Вазир.— Только послушайте меня!

— Ладно, выкладывай быстрее! У нас нет времени! — хмуро согласился Габдулла.

— У меня в сарае есть одна интересная штука. Ну, не слишком уж интересная, конечно, но... Пойдем посмотрим...

Все три подпорки «Таганка» переглянулись, но решающее слово, конечно, принадлежало вожаку, и он сказал:

— Смотри, если ты хочешь подстроить какуюнибудь хитрость, потом пеняй на себя! — И он показал Вазиру свой крепкий кулак.

— Да нет! Говорю же, хоть режьте, хоть жгите... А тебе, Якуп, не обязательно ходить!

Якуп умоляюще посмотрел на Габдуллу, и вожак сам ответил за него.

— Пусть идет! Он наша третья подпорка!

Сердце Вазира екнуло, но он не подал и вида.

— Ладно, пусть идет, мне не жалко! — И тут же быстро рассчитал: если Габдулле и Айдару дать по три пряника, ему самому и Якупу достанется по одному прянику, а если делить поровну, то каждому будет по два...

ВТОРОЕ КРУШЕНИЕ ВАЗИРА

Как только вошли в сарай, Вазир сразу почувствовал себя увереннее. И даже голос его стал бодрее: ведь что ни говори, а сегодня он будет хозяином.

— Ребята,— сказал он торжественным голосом.— У меня есть для вас угощение! Хоть и небольшое, примите, как большое! — Эти слова Вазир часто слышал от отца, когда тот угощал гостей.

Глаза мальчиков заблестели.

— Угощение не ахти какое,— торопился Вазир вне себя от радости.— Ну-ка, Якуп, дай-ка фуражку!

На голове Якупа была старая отцовская фуражка. Взяв эту фуражку, Вазир отправился в темный угол сарая и, просунув руку в щель между прутьями плетеной стены, начал там шарить. Три пары глаз следили за каждым его движением.

— Ага, попались, сладенькие! — перекладывая в фуражку пряник за пряником, приговаривал Вазир.— Попались! Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Габдулле с Айдаром по три пряника, остальным по одному, и никому не обидно!

Угощение оказалось солиднее, чем ожидали мальчики. А к тому же так нежданно-негаданно полакомиться пряниками не всегда удается! Якуп проглотил слюну, а у Габдуллы и Айдара защекотало в горле.

Вазир схватил фуражку с драгоценным лакомством. Он не счел удобным угощать гостей в сарае: они же не телята, чтоб стоять и жевать в коровнике.

— Пошли за сарай! — пригласил он гостей.

Когда вся компания зашла за сарай, Вазир широким жестом вытряхнул на большой плоский камень пряники, а фуражку небрежно кинул Якупу. Но что это вдруг случилось с гостями? Губы, только что расплывавшиеся в улыбках, на-

дулись, брови удивленно поднялись, глаза, блестевшие от приятного ожидания, потускнели... Что случилось с гостями? Да и Вазир словно окаменел на месте... В чем же дело?

А дело в том, что ни одного целого пряника не осталось, все пряники надкусаны и надгрызены мышами: одни с края, другие со всех сторон, а два пряника продырявлены насквозь.

— Можешь слопать сам, что не успели догрызть мыши! — сказал вожак.

Вазира словно молния ударила. На голову человека могут сваливаться всякие беды, но столько бед на одного человека — это уж слишком!

— Я их только вчера принес...— растерянно пробормотал он.— Если не верите...

Якуп попробовал исправить положение:

— Говорят, если съешь то, что останется от мышей, зубы становятся крепкими,— проговорил он.

Айдар резко перебил его:

— Наши зубы и так крепкие.

Злость душила мальчишек.

— Спасибо за угощение! — бросил Габдулла и тут же приказал «Таганку»: — Пошли!

Обиженные гости удалились. Вазир долго глядел на пряники, разложенные на камне. Затем он начал швырять их один за другим в огород с остервенением, повторяя при каждом взмахе руки:

— Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Кому были адресованы эти слова: мышам ли, ребятам ли, или самому себе,— было неизвестно. Выбросив последний пряник, он громко всхлипнул и упал на камень.

ПОПАЛАСЬ, РЫБКА, НА УДОЧКУ!

Видели ли вы наше озеро Кылыс, когда рождается день?

Сначала первые лучи нового дня ударяются о крутую скалу за Кылысом, потом, сверкая, рассыпаются по сторонам. В эту пору озеро еще спит, покрывшись мягким покрывалом из молочно-белого тумана. Даже свету зари не под силу разбудить озеро, наоборот, оно еще плотнее закутывается покрывалом. Укрывается оно потому, что у нас в горах летнее утро обычно бывает прохладным. Только тогда, когда появляется солнце, наше озеро Меч начинает блестеть, как клинок, вынутый из ножен.

На рассвете, когда в ауле началась разноголосая перекличка петухов, «Таганок» уже сидел в лодке.

В эту ночь Габдулла и Айдар спали вместе на сеновале. Никто и не заметил, как они поднялись и ушли. Но Якуп не сумел выбраться из дому незаметно. Он проснулся, когда только-только забрезжила заря, и долго лежал без движения, прислушиваясь к дыханию матери. Потом начал потихоньку одеваться. Но едва он натянул одну штанину, как мать подняла голову.

— Почему рано проснулся, сынок? Или плохой сон приснился?

— Сна я не видел. Просто сегодня мы с ребятами идем на рыбалку.

— На рыбалку? На озеро? — Гульемешь-енга даже подскочила на кровати.

— Рыба-то бывает в озере, мама,— спокойно заявил Якуп.

— И рта не раскрывай! Еще этого не хватало!

— Я ребятам дал обещание, мама.

— Мне нет дела до этого. У меня сын один! — возмущенно ответила Гульемешь-енга.

Якуп вспомнил свою прежнюю угрозу.

— Если ты меня не отпустишь с ребятами, я сейчас же сяду в дедушкину лодку и один уплыву далеко-далеко в озеро! Так и знай! Ты все мне запрещаешь, а я уже большой!

У Гульемешь-енги даже в глазах потемнело. Какая нечистая сила сглазила сына? Мальчик, который был смирным, как курица, за какие-нибудь два-три дня совсем отбился от рук. «Если его не отпустить, все равно сделает по-своему, еще и правда уплывет на лодке», — подумала мать и, помолчав, спросила:

— Кто же твои товарищи? Тот же Вазир, наверно...

— Габдулла и Айдар,— с гордостью ответил Якуп.

...И вот теперь Якуп с веслом встал на корму лодки, Габдулла уселся посередине, а Айдар устроился на носу. Гребец начал грести довольно бойко. Лодка спокойно пошла вдоль берега и скоро совсем исчезла в тумане. Добравшись до дальнего берега Кылыса, мальчики остановились в камышах, где был спрятан их садок, и закинули удочки. К этому времени уже взошло солнце и озеро очистилось от тумана.

Вначале рыба клевала хорошо. Айдар успел наловить восемь сорожек, пару довольно крупных окуней и одну красноперку. А Габдулла, хоть и мелких, но все же наловил шесть-семь рыбок. Только у Якупа вся рыба срывалась, потому что он резко дергал удочку, как только она начинала трогать приманку.

Каждая выловленная рыбка попадала в сетчатый мешок, опущенный с лодки в воду.

В наших краях, когда забрасываешь удочку в воду, принято говорить волшебные заклинания.

— На крючок я поплевал и сорожку вынимал,— каждый раз заговаривал свою удочку Габдулла.

Когда Айдар вытаскивал красноперку, он сначала плевал на нее, а потом начинал бормотать:

— Красноперка милая, пригласи свою мамочку, не забывай папочку, прихвати братца, позови сестрицу. Зови, не ленись! Красноперка, ловись! Ловись!

— Ловись-ловись на удочку, попадись на удочку. Не попадешь на удочку — превратишься в дурочку! — говорил Якуп.

Однако каждая рыба предпочитала превращаться в дурочку, лишь бы не попадаться.

Чем выше поднималось солнце, тем хуже и хуже клевала рыба. Ребята несколько раз меняли место, но рыбы, словно сговорившись, не подплывали к удочкам. Сидеть дальше было бесполезно. Всю рыбу, что удалось наловить, надо скорее, пока она жива, выпустить в морду.

Вот и она! Лежит на том же месте, где и положили ее в прошлый раз... Но постой! Мальчишки так и замерли на месте... В морде плескались крупные сорожки, красноперки, окуни. Их не меньше пятнадцати, а то и двадцати штук! Как они сюда попали? Вот так загадка! Крышка плетенки так же закрыта, как они ее закрывали. Рыба сама никак не могла проскользнуть через нее, значит, это сделано человеческой рукой!

Иногда бывает так, что из чужой плетенки утащат рыбу.

Но чтобы кто-нибудь бросал свою рыбу в чужой садок... Слыхом не слыхано о таких чуде-

рах! Во всем ауле Беркутном не найдется человека, который поверил бы этому.

— Ну что ж, ладно! Запас кармана не дерет! — сказал Габдулла.

— Может, кто-нибудь принял наш садок за свой,— проговорил Айдар.

— Ну да, держи карман шире!

— А если не по ошибке, то здесь какая-то хитрость,— снова высказал свое сомнение Айдар.

Мальчишки были в полном недоумении. Даже сам вожак не смог разгадать тайны появления чужой рыбы в их морде.

На другой день промысел наших рыбаков был удачнее: наловили почти полведра рыбы. Но зато и встревожены они были больше, чем вчера, так

— Ясно, не для того,— облизнувшись, подтвердил Айдар.

— А раз так, пусть плавают у нас, потом видно будет, что с ними делать.

Как бы там ни было, но эта таинственная находка лишила мальчишек покоя.

На третий день они то плавали посреди озера, то нарочно заходили в камыши, для виду удили рыбу, оставляя морду в сторонке... Наконец они вышли на берег, втащили лодку в камыши и сами спрятались в высокой густой осоке, неподалеку от того места, где лежала морда... Эту хитрость они придумали еще вчера. Во что бы то ни стало надо было раскрыть тайну.

Долго лежали мальчишки, не сводя глаз со

как в морде снова прибавилось рыбы, да еще среди этих рыб оказались три золотистых карася. Мальчишки просто онемели от удивления. Другое дело, если бы стало меньше рыбы... Тогда сказали бы просто: «Какой-то хапун повадился». И подозрение, конечно, прежде всего пало бы на Вазира.

— Давайте думать хорошее,— сказал Якуп.— Может, просто к нам пришла удача. Мы же не крали чужое.

— Мы знаем, какие рыбы наши, давайте выпустим чужих, и дело с концом! — решительно предложил Айдар.

Но перейти от этого решительного предложения к делу не хватало решимости. Как это — взять да выпустить собственными руками столько рыбы?!

— Подумайте своими головами: для чего мы ловили? Не для того же, чтоб пожарить рыбу на сковородке и съесть,— сказал вожак.

своего садка. Однако нигде ничего даже не шелохнулось. Вот пробежал ветерок по листьям кустов, но весной листья бывают нежные и не ссорятся, а ласково приветствуют друг друга. Промчался ветер, и снова все вокруг притихло.

Прошло два, а может, и три часа. В детском возрасте время определяют по желудку. Если проголодался,— значит, это час завтрака, обеда или ужина. Часы, которые находились в желудках рыбаков, уже давно показывали, что время завтрака прошло. В таких случаях терпение имеет свои границы.

— Лежи тут попусту,— тоскливо вздохнул Якуп, но Айдар закрыл ему рот тюбетейкой и погрозил кулаком.

Неожиданно совсем неподалеку послышался легкий скрип. Этот скрип знаком каждому рыбаку, так скрипят уключины весел... Гребец, очевидно, занимался недобрым делом, он чего-то

опасался и действовал очень осторожно. Мальчишки поглубже зарылись в камыши. На плоской, как корыто, лодке показался Вазир. Он опасливо озирался по сторонам и, видимо, убедившись, что вокруг нет ни одной живой души, подвел свою лодку ближе к берегу. К корме лодки был привязан мешок, который волочился по воде. В мешке плескалась рыба. Вазир выпрыгнул из лодки и, отвязав мешок, потащил его к садку.

Ага! Так вот в чем тут дело! Вазиру мало того, что он наловил. Он еще хочет утащить чужую рыбу! Подумать только, кто-то тайно помогает им, а Вазир хочет обокрасть! Нужно только выждать, чтобы поймать вора с поличным.

Вазир осторожно открыл крышку плетенки. Он стоял спиной к ребятам, и они при всем желании не могли разглядеть, что он делает, зато до них донесся плеск... Ага! Не перекладывает ли он в свой мешок по одной их рыбу? Мальчишки вопросительно посмотрели на Габдуллу, но тот сделал знак подождать...

Благополучно завершив свое дело, Вазир плотно закрыл крышку и уже хотел было скрыться, как с берега донесся грозный окрик Габдуллы:

— Попался!

Вазир вздрогнул и оглянулся. Увидев прямо перед собой весь «Таганок», он часто-часто заморгал глазами и растерянно улыбнулся. Эта улыбка только усилила злобу мальчишек. Габдулла, расплескивая воду, рывком бросился на него и изо всей силы ударил по щеке, Айдар тоже добавил от себя, но Вазир стоял неподвижно, как пень, и не думал обороняться.

— Ага! Хотел рыбкой полакомиться? — яростно обрушился на него вожак.— Тогда на тебе еще одного леща! — И он снова замахнулся на Вазира.

Но в этот момент Вазир нагнулся и вытащил из воды пустой мешок. С мешка быстрыми струйками стекала вода, внутри него ничто не шевелилось.

— Куда ты дел рыбу? Назло нам выпустил в озеро? — снова подступил к нему Габдулла.

— Я не выпускал. Если не веришь, то посмотри садок.

Габдулла с Айдаром бросились к садку. С трудом приподняв его, они в замешательстве взглянули друг на друга: в плетенке было полным-полно рыбы, гораздо больше, чем они оставили...

— Где ты взял?

— А у меня есть своя морда, она лежит в рыбном месте,— ответил Вазир.

Якуп, который стоял на берегу, всплеснул руками и даже присвистнул от радости. Между тем отяжелевший садок вырвался из рук мальчиков и медленно погрузился в воду... Внутри него, весело поблескивая чешуей, заплескалась, заплавала рыба...

Габдулла с Айдаром, словно онемев, глядели на Вазира. На щеке его красным пятном отпечатался след руки вожака, и в глазах стоял грустный укор. «Эх, вы...» — как бы говорил Вазир, но, увидев растерянность на лицах товарищей, он вдруг неудержимо расхохотался. Он смеялся так, что голый живот его вздрагивал и по воде разбегались мелкие круги... Увидев эти круги, Айдар тоже затрясся от смеха, за ним последовал и Габдулла.

Стоя по пояс в воде, мальчики долго хохотали, подпрыгивая и толкая друг дружку. В эту минуту всякий посторонний наблюдатель непременно принял бы их за трех чудаков. Но больше всех радовался и торжествовал Якуп. Ведь до сих пор он чувствовал себя между двух огней.

— Ура! — кричал он.— Ура!

— И вчера ты положил? — успокоившись, спросил Габдулла.

— Да,— кивнул Вазир.

— И третьего дня?

— Да.

— А зачем?

— Так просто... Чтобы садок скорей наполнился.

Вазир потрогал свою щеку.

— Крепкая у тебя рука, Габдулла! — беззлобно сказал он.

— Ну, ладно уж...— смущенно ответил Габдулла, признавая свою вину.— Пусть все это останется здесь, ладно?..

— А везет же Вазиру на рыбалке! — поспешно вмешался Якуп, поворачивая разговор в другую сторону.— Вон каких крупных рыб наловил!

Между тем в голове вожака возникла блестящая мысль.

— Сколько бывает опор в «Таганке»?

Догадливый Айдар тут же понял, о чем думает Габдулла.

— Сколько поставишь. Все зависит от того, кто ставит. Ставь хоть десять!

На этот раз вожак не объявил приказ, а решил скромно посоветоваться с товарищами. Габдулле было неприятно, что он так незаслуженно ударил Вазира, и он считал сейчас себя недостойным приказывать. Вожаку нужно быть более терпеливым и сдержанным.

— Было бы хорошо,— сказал он,— если бы мы снова приняли Вазира в «Таганок». Кто за это, пусть поднимет руку.

Ребята дружно подняли руки. Тронутый великодушием товарищей, даже сам Вазир поднял руку. Все были очень довольны, но каждый считал неуместным показывать свою радость. Таким образом, перенесший много невзгод «Таганок» снова встал на крепкие ноги.

По дороге домой мальчишки размечтались. Уже недалек тот день, когда они оживят озеро Кирамет! Это должно произойти послезавтра.

СХВАТКА С БЫКОМ

На окраине аула показалось стадо. Впереди всех чинно шествует однорогая пестрая коза бабушки Ямлегуль. Она вожак в стаде аула Беркутного. Когда стадо входит в аул, пестрая коза, отойдя немного в сторону, уступает дорогу другим. Овцы только и ждут этого, они с блеянием бегут вперед.

— Стадо идет! Стадо идет! — раздается в этот час звонкий клич мальчишек.

Клич этот прокатывается по всей улице от двора к двору, и из каждого дома выходит кто-нибудь к воротам встречать. Если те, у кого нет ребят, не успели еще вернуться с работы, то скотину их встречают дети соседа. Так уже испокон веков заведено у нас в Беркутном.

Габдулла тоже сегодня вышел встречать стадо. Бабушки не было дома. Перед этим к Габдулле заходил Якуп и показал, как он научился стрелять. Вожак счел возможным даже похвалить его.

Завернув во двор Габдуллы корову и двух овец, мальчишки не ушли домой. В Беркутном, встретив свою скотину, каждый остается у ворот, что-

бы проводить и остальное стадо, а может, и помочь кому-нибудь из соседей, если понадобится загнать заупрямившуюся корову или овцу. Это короткое шумное время с призывным мычанием и блеянием напоминает какой-то маленький праздник. За стадом, как бы сопровождая его и отставая шагов на сто даже от самых ленивых коров, идет бледно-бурый, с красными, налитыми кровью глазами бык. Про этого быка говорят, что он очень бодливый, и, хотя на вид он не такой уж большой и страшный, но, завидев его, ребята мгновенно разбегаются. Кто прячется за калитку, а кто забирается на забор. Вот и сейчас, едва бык показался, Габдулла с Якупом не столько из боязни, а скорей по привычке уселись верхом на изгороди. На всякий случай Якуп вынул из кармана рогатку и зарядил ее гладким камушком: ведь чем черт не шутит, может и пригодиться.

И тут случилось неожиданное...

Когда бык проходил мимо ворот Габдуллы, из соседского палисадника выбежала Гульнур. Она как раз возвращалась от портнихи в своем новеньком красном платьице. Она поворачивалась то налево, то направо, разглаживала пышные оборки, любовалась красивыми пуговками и, ничего не замечая вокруг, нежно щебетала:

— Ах, Гульнур, какое красивое у тебя платье!.. Пусть оно никогда не износится и всегда будет таким красивым...

Бык словно остолбенел от удивления, и выпученные глаза его еще больше налились кровью. Красное платье кружилось и дразнило, раздувая, как огонь, свои пышные оборки. Бык низко нагнул свою тяжелую рогатую голову и стал медленно приближаться к Гульнур.

— Гульнур, беги! — крикнул Габдулла.

Девочка вздрогнула и подняла голову, но на всем белом свете для нее ничего не существовало, кроме ее красивого платья, и она не сразу увидела опасность. А между тем бык уже перепрыгнул через неглубокую канаву и, еще ниже наклонив голову, с ревом бросился на Гульнур... Раздался отчаянный крик, красное платье заметалось из стороны в сторону, вот-вот острые, словно выточенные из железа, рога взметнут девочку наверх и с силой бросят на землю, под тяжелые копыта...

— Мама! Мамочка!

Габдулла камнем слетел со своего места и, схватив Гульнур перед самой мордой быка, перебросил ее через ограду на грядки. В то же мгновение разъяренный бык бросился на Габдуллу. Тот не успел увернуться, и, зажатый между рогами, взлетел наверх, и тяжело шлепнулся на большой острый камень... Бык отступил назад, и, роя копытами, землю, с еще большей яростью бросился на Габдуллу, но в этот момент выпущенный из рогатки Якупа камень больно ударил его в глаз. От бешенства и боли бык замотал головой и закружился на одном месте, а потом пустился по улице.

Все это случилось в какое-то короткое мгновение. Отовсюду сбежались люди.

Габдулла лежал, свернувшись клубком, бледное лицо его казалось неживым; стараясь не стонать, он крепко прикусил зубами рубашку. Кто-то хотел его поднять, но он вскрикнул от боли.

— Рука!.. Рука...— С края его губ, оставляя тоненький след, на подбородок бежала кровь.

Увидев это, Гульнур испуганно взвизгнула.

— Не визжи,— строго остановил ее подошедший Айдар.

Собравшиеся обсуждали событие, каждый старался высказать свое сочувствие, дать совет.

— Молодец, Габдулла, вот это джигит, спас девочку!

— Да что зря языком молоть, надо что-то делать!

— Тут только один выход — поскорей в больницу отправить!

— А на чем отправить, когда сейчас ни одной машины в ауле нет?

— Иди, Яумбаев, запряги скорее лошадь!

Якуп и Айдар молча смотрели на своего вожака. По лицу Якупа текли слезы. Айдар крепился. Вазир, беспечно пробегавший по улице, сунул свой нос в толпу и, увидев распростертого на земле Габдуллу, закричал:

— Что же вы стоите все? Его в больницу надо! — Растолкав толпу, он выбежал на улицу.— Лошадь надо! Машину надо! Я сейчас все найду!

Но Шарифулла уже опередил его и, остановив проезжающую по улице телегу, подвел к толпе пожилого возницу.

— Вот мальчика искалечил бык...

— Бык... бык забодал...

— В больницу бы надо,— наперебой заговорили вокруг.

Но проезжий не стал слушать.

— Отнесите мальчика в телегу,— распорядился он.

Толпа раздвинулась, засуетилась. Чьи-то заботливые руки застелили дно телеги мягким сеном. Шарифулла бережно поднял Габдуллу на руки и уложил его. Габдулла изо всех сил сдерживался, чтоб не стонать; схватив подол рубашки, он засунул его в рот, но черные тени под глазами и бескровное лицо яснее стонов говорили о его страданиях...

— Кто поедет с мальчиком? — спросил возница.

— Мы... Мы поедем! Это наш товарищ! — запросились мальчики.

Но Шарифулла уже сел на телегу рядом с возницей.

— Бабушки его нет дома... А без меня, пожалуй, толку не будет! Поехали! — сказал он.

Телега тихонько двинулась вдоль села. Ехать было далеко, за двадцать пять километров, в аул Култабан. Осторожно объехав дальний берег озера, телега скрылась из глаз. Народ начал расходиться... И только трое товарищей все еще стояли и смотрели на дальнюю дорогу, ведущую через горы к аулу Култабан...

ПИСЬМО

Весть о несчастном случае с Габдуллой дошла до летнего пастбища, где работала его мать. На другой же день она примчалась в аул и тут же, не распрягая коня, поскакала в Култабан. В ауле ее даже никто не видел, кроме старой бабушки, которая уже выплакала глаза от горя. В больнице, увидев, что сын жив, мать немного успокоилась. У Габдуллы были сломаны два ребра и левая рука.

— Молодые кости быстро срастаются,— сказал доктор и тут же похвалил Габдуллу: — Терпеливый, выносливый мальчик. Ваш сын вырастет — будет настоящим джигитом.

Мать вытерла слезы и с гордостью подумала:

«Вылитый отец! Смелый, отважный... Ведь вот бросился на быка и спас девочку». Мужество сына передалось матери: прощаясь с Габдуллой, она уже не плакала, а, рассказывая о нем на пастбище своим товарищам, гордо добавляла:

— В отца пошел мой мальчик...

В ауле имя Габдуллы в эти дни повторялось и взрослыми и детьми. Мать Гульнур, переходя из дома в дом, со слезами говорила:

— На веки веков мы должники перед этим ребенком, не быть бы живой моей дочке, если б не Габдулла.

Она мечтала угостить мальчика, как только он вернется, самыми лакомыми гостинцами.

Бабушка Нагима, привыкшая все трудности и невзгоды переносить молча, крепилась и не показывала свое горе на людях, но, оставаясь одна, горько плакала и терзалась: «Увезли Габдуллу. Как он там мучается, бедняжка! Не лишиться бы мне единственного внука, единственной радости моей».

Но как бы ни плакала бабушка Нагима, она все-таки не позабыла, как обычно, в четверг почистить медаль своего сына Мухаммеда.

Спустя десять дней бабушке пришло письмо от Габдуллы, и хотя сама она не умела читать, но все же не утерпела, осторожно вскрыла конверт и, вынув письмо, долго разглядывала неровный почерк внука. Только после этого пригласила для чтения письма трех друзей Габдуллы. Среди них лучшим чтецом считался Якуп. Слушатели чинно и тихо уселись на нарах. Якуп решил прочесть письмо стоя и, кашлянув для важности, начал торжественным голосом:

— «Шлю привет, вышли ответ.

Дорогая и многоуважаемая бабушка! Ты спросишь, отчего я до сих пор не написал тебе? Отвечаю. Оказалось, что у меня сломаны два ребра и левая рука. Вдобавок к этому три дня я лежал и харкал кровью: наверное, все мои печенки и селезенки сдвинулись с места и подскочили к горлу. Теперь они уже обратно встали на свои места. Меня положили на кровать и не давали подниматься, при нужде под меня подставляли какую-то посуду. От стыда я не знал, куда деваться. На мою левую руку наложили белую глину, которая сразу застыла. Пробовал поднять руку, она очень тяжелая. Сейчас рука уже не болит, но очень сильно зудит под глиной. А когда дышу, то колет под левым ребром. Хоть и колет, но мне не так трудно, как было раньше. Я стараюсь дышать осторожно.

Рубашку и брюки с меня сняли, а дали большие белые штаны и белую рубашку. Тетя-сестра подвязала мне эти штаны длинной, узкой марлей, которой перевязывают раны. Здесь, в больнице, очень жарко, окна завешены марлей, чтоб не влетали мухи, но мухи все равно влетают. После еды здесь дают сладкую воду с разными ягодами — называется компот. Оказывается, компот этот очень вкусный. Доктора здесь, бабушка, очень хорошие. Самый главный доктор, входя в палату, всегда улыбается, разговаривает со мной ласково и весело спрашивает меня:

— Ну как дела, батыр?

Волосы мои подстригли машинкой. От этой машинки ни капельки не было больно, а вот когда брил мою голову Аллабирде, то у меня из глаз искры всегда сыпались.

В одной комнате нас трое. У дяди, который лежит у окна, кишки прилипли к кишкам потому, что он по ошибке вместо вина выпил жидкий клей, которым бумагу клеят. Но сейчас ему все уже отмыли. А другого дядю, который лежит рядом с радиоприемником, придавило деревом в лесу, он откусил себе язык и теперь не может говорить.

Мне здесь уже очень надоело. Я боюсь, что без своей деревни заскучаю и заболею. Если б мне выдали мою рубашку и брюки, то я сегодня же убежал бы домой.

Бабушка! Это письмо тебе, наверное, прочтет Айдар или Якуп. Кто бы ни читал мое письмо, ты скажи, чтобы почаще навещали наших рыб и пусть носят им прикорм, а то они с голоду подохнут. Я позабыл спросить у мамы, как Гульнур. Целы ли ее руки и ноги?

Бабушка! Я припас для тебя небольшой гостинец: одиннадцать штук печенья, восемь конфет и десять кусков сахару. Не подумай, пожалуйста, что я оторвал от себя, это то, что осталось лишнее.

В конце моего письма прошу: передай родственникам и друзьям от меня привет. Привет тебе самой и маме, а еще Вазиру, Айдару и Якупу особые приветы. Теперь уже за меня, бабушка, не беспокойся. Доктор сказал: «Батыр не бывает без ран».

На том свое письмо кончаю. Получатель — бабушка, отправитель — Габдулла; 9 июля 1950 года».

Бабушка Нагима, слушая письмо, вспоминала всю двенадцатилетнюю жизнь внука... Еще, кажется, совсем недавно она думала о том, как он будет стоять на ногах, как сделает свои первые шаги, потом ждала, когда же он начнет говорить, потом — когда пойдет в школу... И вот теперь из такой дали, из аула Култабан, внук написал ей такое складное письмо.

Это было первое письмо, написанное самим Габдуллой.

ОТВЕТ

С ответом решили не мешкать. Первым делом бабушка Нагима вручила Айдару деньги и отправила его к почтальону за конвертом и маркой. Из незаконченной тетради Габдуллы вырвали чистую страницу, но в доме не нашлось ни ручки, ни чернил. Вожак был не из бережливых людей. Якупу пришлось сбегать домой за карандашом.

Самый красивый почерк считался у Вазира, поэтому письмо писал он. Конечно, Вазир не сочинял это письмо сам, а писал то, что в строгом порядке диктовала бабушка Нагима.

— Достопочтенный, дорогой мой внук Габдулла... Написал? — спросила бабушка.

Вазир почесал затылок.

— Написать-то написал, только как быть со словом «достопочтенный»? Два «н» писать или достаточно одного?

— Пиши столько, сколько надо. Пусть лучше будет лишнее, чем нехватка. Пиши два!

— А что означает слово «достопочтенный»?

— Я и сама точно не знаю, сынок, но письмо без этого слова начинать нельзя, нескладно получится. Да ты не очень-то допытывайся, пиши то, что говорят...

— Достопочтенный, дорогой мой внук Габдулла!

Прежде чем сказать тебе свои заветные слова, шлет тебе поклон и нежные приветы твоя бабушка, которая, не сводя глаз со стороны Култабан, где ты лежишь в больнице, с нетерпением ждет твоего скорейшего возвращения. Еще привет от матери твоей, которая сейчас работает дояркой на летнем пастбище на берегу Урала, и ее днем и ночью беспокоят мысли только о тебе. Да еще привет-поклон от бабушки Ямлегуль, которая была повивальной бабкой твоего отца, а

также твоей матери и которая и поныне пользуется почетом и уважением у себя дома и во всем ауле. Привет тебе от всей семьи, дедушки Аллаберды, товарища твоего дедушки по охоте. Привет-поклон от самого Шарифуллы, который, не жалея своего золотого времени, не посчитал за труд хлопоты о тебе и, своей сединой оказывая почет, отвез тебя в больницу и из рук в руки передал доктору. Привет и поклон тебе от самого лучшего друга твоего отца, хромого Сахипгарея, который в настоящее время в правлении колхоза считает на счетах. Привет также от всех соседей наших, от которых зависит мир и благополучие нашей семьи. На этом все приветы-поклоны заканчиваю.

— А от нас? — спросил Якуп.

Бабушка Нагима, поняв свою оплошность, поспешила тут же исправить ее.

— Припиши там, до слова «заканчиваю»,— сказала она,— большой привет-поклон от твоих ровесников Вазира, Якупа, Айдара, с которыми ты вместе рос, играя и радуясь. На этом конец приветам.

Внучек мой Габдулла! Твое письмо, которое дороже золота и краше шелка, дошло до нас в полдень двенадцатого июля в 1950 году и было прочитано несколько раз от первой до последней строчки. Читали мы его вместе с твоими товарищами Айдаром, Якупом и Вазиром. Оказывается, недаром болело сердце мое, чувствуя, как болят твои драгоценные косточки. Ну, что ж делать, пусть только кончится все благополучно.

Сколько людей избавил ты от тяжелого горя, спасая жизнь одного безвинного ребенка! Если проклятый бык на твоих глазах убил бы ребенка, всю жизнь сердце твое не знало бы покоя, ты обвинил бы себя в трусости и недостатке мужества, и душа твоя изнывала бы от горя. А страдания души гораздо страшнее страданий тела, ибо болезнь тела проходит, а угрызения совести и боль души остаются навсегда. А теперь ты спокойно лежи и слушайся своих докторов. А как выздоровеешь, так сразу сообщи нам по телефонному проводу. Сам председатель колхоза сказал, что пошлет за тобой такого резвого коня, на каких раньше ездил только губернатор.

Пишешь ты, что рука чешется; может быть, надо попарить ее березовым веником. Скажи своему доктору, пусть прикажет натопить баню, чтобы только пар не был слишком жарким. Спасибо за припасенные гостинцы, слова твои были для меня дороже всяких гостинцев. А когда тебе станет очень скучно, ты скушай эти гостинцы сам, считая, что тебе прислала их бабушка. Хотела послать тебе горшочек со сливками и десяток яиц, но председатель Даулет отговорил, сказал, что в больнице еды дают вдоволь.

Пусть станет тебе известно, что хозяйство наше, скотина и птица в целости и сохранности. Куры несут яйца, а та пестрая курица вывела двенадцать цыплят. Корова тоже прибавила молока. На днях мы с бабушкой Ямлегуль решили немного развеяться и пройтись по полям: на полях растет густой, хороший хлеб. Все мирно и благополучно, только вот сгорела баня Амирхана с нижней улицы. Ждем тебя, возвращайся скорей живым и здоровым. Все думала и решила я, что когда ты вернешься, дам тебе отцовскую медаль на целый день, будешь носить ее на груди. Ведь ты, внучек, совершил такое дело, что с полным правом можешь носить не только один день отцовскую медаль.

Ты спрашиваешь о Гульнур. Она жива и здорова. Окончив свое короткое, с птичий язык письмо, желаю тебе светлых дорог в жизни и с приветом остаюсь твоя бабушка.

Тут бабушка Нагима, облегченно вздохнув, кивнула Вазиру.

— Складывай письмо.

— Как? А о рыбах? — всполошились мальчики.

— А что же это за рыбы? Я еще давеча хотела спросить, да забыла.

Мальчики переглянулись.

— А это тайна, бабушка.

— А раз тайна, так уж вы сами от своего ума и добавляйте! Ведь вашим тайнам да секретам конца не будет!

Мальчики подмигнули Вазиру, и тот сделал коротькую приписку:

«Габдулла, не беспокойся о рыбе. Она в целости и сохранности. Возвращайся скорей.

Диктовала это письмо твоя бабушка, а писал Вазир».

На конверте Вазир красивыми печатными буквами надписал адрес и даже подчеркнул слова: «Получить Габдулле Юлманову».

— Дайте, бабушка, я быстренько сбегаю и опущу письмо в почтовый ящик,— предложил Якуп.

— Спасибо, дети мои, я и сама по дороге опущу. Мне все равно нужно сходить в ту сторону,— сказала бабушка Нагима, и, взяв из корзинки, которая стояла за печкой, шесть яиц, она дала каждому по два яйца.

Мальчики не хотели брать, но пришлось, так как нельзя ставить себя выше угощения: в Беркутном нарушение этого обычая считают проявлением неуместного высокомерия.

— Ты бы, Якуп, зашел немного погодя и прочитал бы для меня еще раз письмо Габдуллы,— сказала бабушка Нагима, провожая мальчиков.

Когда же все ушли, она вынула из сундука свое длинное пестрое платье и зеленый бархатный камзол. Облачившись в этот праздничный наряд, она и голову покрыла новым кашемировым платком. Бабушке Нагиме некуда было идти. Ей хотелось отправить письмо внуку своими руками, для такого важного, радостного дела она и нарядилась.

Дойдя до клуба, бабушка Нагима увидела налево от дверей почтовый ящик. Но какие же нерадивые эти люди с почты! Ящик был покрыт густой пылью. Сначала бабушка попробовала сдуть эту пыль, но, увидев, что это не получается, вынула из кармана камзола носовой платок и не спеша тщательно обтерла весь ящик. Только после этого, открыв узенькую щель, она опустила в нее свое драгоценное письмо.

Дело было сделано, но уходить бабушке Нагиме не хотелось. Постояла она еще, глядя на ящик, погладила его теплыми старческими руками, а потом тихо шепнула:

— Пусть крылья птиц будут спутниками моему письму.

ДОРОГА

Однажды вечером, когда мальчишки пасли своих коров, им вдруг пришла в голову блестящая мысль — не ждать, пока Габдулла выпишется из больницы, а завтра же отправиться к нему самим! А то что это получается? Вожак «Таганка» лежит в больнице, а они как ни в чем не бы-

вало разгуливают тут! Конечно, они должны немедленно пойти к Габдулле! Вернувшись домой, все трое заявили своим матерям, что завтра с рассветом они отправятся в дорогу.

Услышав имя Габдуллы, никто из матерей возражать не стал. Тетя Гульемешь согласилась отпустить сына без особых раздумий, а мать Айдара даже обрадовалась.

— Давно бы надо, а то ходите тут без толку,— сказала она и из скудных запасов своей семьи отложила для Габдуллы яиц и масла.

Мать Якупа положила баночку меда и несколько лепешек. Курбинке достала большой кусок пастилы, приготовленной из черной смородины.

— Пусть пьет с чаем, смородина смягчает боль в костях,— сказала она.

Айдар, принявший на себя обязанности вожака, уже с вечера дал своим товарищам разные приказания. Якупу, который был наиболее обеспеченным, он велел надеть двое штанов и две рубашки.

— Жарко будет,— попробовал возразить тот.

— Ладно, жар костей не ломит.

— Да зачем мне двое штанов и две рубашки? — допытывался Якуп.

— Пригодится,— кратко ответил Айдар.

На сей раз и Вазиру пришлось надеть свою новую желтую рубашку. Неприлично же идти так далеко, в чужой аул, без рубашки. В каждом деле надо соблюдать меру.

Когда первые лучи солнца пробились из-за горизонта, ребята с узелками в руках были уже в пути. Вначале они шагали довольно бодро, а вниз по склонам гор даже бежали наперегонки. Но чем выше поднималось солнце, тем медленнее становились шаги наших путников. Наконец возле студеного горного ручья они остановились, попили воды. Но вода не подкрепила их силы, так как они очень проголодались.

— Давайте, ребята, подкрепимся,— предложил Вазир.

Никто не стал возражать против этого своевременного предложения.

Мальчишки уселись на берегу ручья и начали с аппетитом «подкрепляться». Никто и не заметил, как в один присест был уничтожен весь дневной запас пропитания.

— Ничего,— сказал Айдар.— Пусть дневной запас пищи теперь хранится в наших желудках!

Напившись еще раз воды, ребята снова тронулись в путь. Дорога была пустынной, ни машины, ни лошади не обгоняли наших путешественников: пройдя через горы и лес, они вышли на шоссе, пролегающее в степи... Вазир, который в прошлом году дважды ездил с отцом на Култабанский базар, хорошо помнил дорогу. Когда ребята прошли уже половину пути, их нагнала первая грузовая машина с прицепом, на котором лежали длинные бревна, крепко стянутые цепями.

Все трое сразу подняли руки. Машина остановилась. Шофер, молодой парень, распахнул дверцу кабины.

— Куда держите путь, джигиты?

— На Култабан,— хором ответили мальчики.

— А чего вам нужно в Култабане?

— Наш товарищ лежит там в больнице. Бык его забодал. Идем навестить. Подвезите нас, агай!

— Груз очень тяжелый,— пошутил шофер.— Хорошо, если машина потянет!

— Да потянет. Дорога ровная, а мы совсем легонькие,— уверил его Якуп.

— Что ж делать, если уж вы такие легонькие, то садитесь! Только в кабину можно взять двоих, а одному придется лезть наверх!

— Мы все сядем наверх, агай!

Мальчишки в один миг забрались в кузов машины. Усталые, пыльные лица их порозовели, настроение сразу поднялось. Степная дорога была ровной и мягкой; машина, словно баюкая, тихо покачивалась на ходу.

Айдар запел свою любимую песню:

— Если ноги, устав, не послушаются меня,
Хоть ползком, но вернусь я в родные края...

Песня заставляет Айдара забывать обо всем на свете, вот и теперь Айдар забыл, что в руках у него узелок. А если размахивать этим узелком в такт песне, то недолго и стукнуть его обо что-нибудь твердое в кузове машины. Через белую тряпицу давно уже просачиваются яичные желтки... Видно, яйца, предназначенные для угощения Габдуллы, оказались очень хрупкими. Но ни Айдар, ни его товарищи даже не заметили этого, а солнце и ветер быстро высушили желтые пятна, оставив это маленькое происшествие в полной тайне.

Неподалеку от Култабана шофер остановил машину.

— Я еду прямо, не заезжая в аул. Не обессудьте, ребята, чуть-чуть не довез! — сказал он, высунувшись из кабины, и, улыбнувшись, добавил: — Спасибо за песню. Я даже не заметил, как доехали. Кто же это из вас так хорошо поет?

— Вот он,— с гордостью ответил Якуп, ткнув пальцем в Айдара.

До больницы было недалеко. Дойдя до середины аула, мальчики остановились у ручья, стряхнули с одежды пыль, хорошенько умылись.

Больница помещалась в деревянном доме. На широком крыльце сидела пожилая женщина в белом халате и, держа на коленях клубок шерстяных ниток, вязала шаль. Во дворе на веревке, протянутой от столба к столбу, висело выстиранное белье. Женщина, не отрываясь от своего вязания, изредка бросала взгляд на белье. Видимо, сторожила его от коз, которые паслись рядом. Козы очень любят пожевать белье.

— Апай,— вежливо обратился Вазир к пожилой женщине,— мы пришли навестить нашего товарища. Его зовут Габдулла Юлманов.

— Юлманов пошел на поправку. Он лежит один в четвертой палате. Только сейчас туда нельзя: у больных в это время тихий час. После отдыха сам выйдет к вам. У нас такой порядок.

Этот порядок не очень-то обрадовал ребят. Разве для того они проделали такую дорогу, чтобы еще сидеть здесь и ждать, пока у больных кончится тихий час?..

— Дорогая апай, пустите нас,— начал упрашивать Якуп,— мы тихо-тихо пройдем в палату, на цыпочках!

— И на цыпочках нельзя и на пятках нельзя! Ступайте, ступайте! Потом придете,— решительно сказала женщина.

— Мы же издалека приехали, апай... Мы из аула Беркутного!

— А какая разница, из Беркутного вы или из Вороньего? Раз нельзя, так нельзя!

Мальчишки вышли со двора и улеглись в тени большой березы.

— Да, неважные дела! Даром день пропадет,— сказал Айдар.

— Если лежать да охать, так ни в чем удачи не будет. Надо что-нибудь придумать,— отозвался Вазир.

Ребята придвинулись поближе друг к другу, о чем-то договорились и снова пошли на больничный двор. Женщина по-прежнему сидела на крыльце и торопливо вязала шаль.

— Очень медленно тянется время,— потягиваясь, сказал Вазир.— Не привыкли мы сидеть без дела... Не найдется ли у вас тут, апай, какой работенки? Чем зевать, мы бы лучше что-нибудь сделали.

— Тому, кто работы не боится, ее всегда вдоволь,— не поднимая глаз от вязанья, ответила женщина.

— А вы только скажите, что делать, уж мы как возьмемся втроем, так мигом...

— Ну что ж...— неожиданно смягчилась женщина.— Вон белье совсем пересыхает, а я со своим вязаньем тороплюсь. Если б вы белье сняли да занесли в сарай, сказала бы вам спасибо...— Женщина улыбнулась.— Знаете поговорку? Одно спасибо от тысячи бед спасает! Вот и поработайте, коль в охотку... Только не уроните белье, не испачкайте!

— Мы, апай, осторожненько...

Они тут же взялись за дело. Желая угодить строгой тете, белье снимали с веревки очень осторожно и аккуратно и переносили его в сарай.

«Бывают же хорошие дети,— глядя на них, думала женщина.— Мой-то сын не делает и того, что ему полагается, упрямится, а эти сами к работе рвутся».

— Вот спасибо вам! Вот какие вы старательные! — громко похвалила она их, когда веревка опустела.— Вот спасибо, ребята!

— Ваше спасибо мы уже слышали, апай... только пусть оно нас еще от одной беды спасет! Нам все же надо пройти к товарищу! — сказал Айдар.

— Хитрецы! А мне и невдомек! — засмеялась тетя.— Ну, что с вами делать? Если увидит врач, попадет нам всем!

— Попадет — не попадет, а мы, апай, этого не боимся!

— Нет, нельзя. Всех троих я никак не могу пустить...

— Да вы пустите только двоих. Вот этот,— Айдар потянул за рукав Вазира,— постоит и во дворе.

— Ну, ладно. Только смотрите, чтоб вас не слышно было...— Женщина оглянулась и шепотом добавила: — Четвертая палата, как войдете, направо вторая дверь...

Айдар с Якупом на цыпочках прошли в дверь и осторожно прикрыли ее за собой.

НЕОЖИДАННЫЕ ГОСТИ

Когда Якуп и Айдар вошли в палату, Габдулла лежал на своей кровати и от нечего делать считал на потолке мух... Увидев товарищей, он вздрогнул и протер глаза... Те тоже немного растерялись и, как вошли, так и застыли у дверей точно вкопанные.

— Пришли, что ли? — спросил Габдулла, не найдя других слов.

— Пришли. А ты уже выздоровел?

— Выздоровел.

— И рука не болит?

— Уже нет.

Мальчики по очереди поздоровались с больным.

— А почему Вазир не пришел? — пожимая им руки, спросил Габдулла.

— Пришел, но его не впустили. Остался во дворе.

— Мы тебе привезли гостинцы. Пастила от Вазира,— передавая Габдулле узелок, сказал Айдар.

— За гостинцы спасибо, да никак еда не идет в горло. Хочется домой. Здорова ли моя бабушка? А как рыбы? Живы?

— Еще как живы! Когда тебя отпустят?

— Говорят, еще через десять дней. Через неделю снимут глину.

— Ого-го!..

— Если были бы штаны, давно удрал бы через окно. Только вот штанов не дают,— с сожалением сказал Габдулла и подошел к окну. Окно, завешенное марлей, выходило в сторону леса.— Снять эту марлю — и поминай как звали!

— Одежды-то у нас хватит,— живо сказал Айдар.— На Якупе все двойное.

Попусту тратить слова не стали: сняли с Габдуллы больничное белье и помогли натянуть штаны. Рубашка Якупа оказалась узковатой, рука в гипсе никак не влезала в рукав, но Якуп разорвал рукав от плеча до манжета.

— Когда придем домой, мать зашьет,— сказал он.

Лакомства Габдуллы, собранные им для бабушки, затолкали в узелок с гостинцами. Айдар осторожно снял с окна марлю. Когда уже совсем приготовились выпрыгнуть, Габдулла остановил своих товарищей.

— Уйти, не попрощавшись, нехорошо.

Вынув из ящика тумбочки карандаш и бумагу, он написал маленькую записочку:

«Дорогой дядя доктор! Большое-большое вам спасибо. Я уже совсем выздоровел. Теперь ухожу домой, в свой аул. Товарищи принесли мне одежду. Через неделю, когда нужно будет снимать глину, приеду сам. Не обессудьте, пожалуйста.

Габдулла Юлманов».

Окно было невысоко над землей. Первым выпрыгнул Айдар. Потом осторожно спустился Габдулла. Айдар, обняв его обеими руками, помог стать на землю. Последним прыгнул Якуп.

Оглядевшись вокруг, мальчики побежали в лес. Затем они остановились, и Айдар, подражая пению птицы, протяжно свистнул. Для чутких ушей Вазира этот свист прозвучал, как самая красивая музыка. Но тем не менее он не сразу сорвался с места на сигнал товарищей.

— Схожу-ка я вон за тот кустик,— спокойно сказал он.

Но женщина, сидевшая рядом, как раз в это время с увлечением рассказывала ему о последнем спектакле, который они сами ставили в клубе.

— Подожди,— сказала она,— сейчас я доскажу.

— Да я уже видел этот спектакль. Его показывали и в нашем ауле,— нетерпеливо отозвался Вазир.

— А раз видел, так надо было сказать сразу... Я бы тебе о другом рассказала. Вот ты послушай про тот спектакль, где байский парень...

Из леса снова донесся крик птицы.

— До чего хороша эта летняя пора,— вздохнула женщина.— Просто сердце тает, когда поют птицы!

— Ох, ох, живот мой! — застонал вдруг Вазир.

— Ну, беги скорей! — всполошилась женщина.

Вазир, согнувшись и хватаясь за живот, побежал в сторону леса.

...На обратном пути ребят не обгоняли ни машины, ни лошади. Шли пешком, но за разговором время текло незаметно, и никто не чувствовал усталости.

Габдулла рассказывал, как он скучал в больнице...

— А уж как я был рад, когда получил письмо от бабушки! — припомнил он.

— Это я писал,— похвалился Вазир.

— Хороший почерк,— солидно кивнул Габдулла.

— В письме было написано, что бабушка Нагима даст тебе отцовскую медаль и ты будешь целый день носить ее на груди,— сказал Айдар.

— Так было написано,— подтвердил Габдулла.— Только я не надену эту медаль,— серьезно добавил он.

— Почему? Зачем тебе отказываться?

Габдулла покачал головой.

— Слава отца не переходит к сыну даже и на один день. Слава — это не шапка,— твердо сказал он.

Все замолкли, с уважением глядя на своего вожака.

— Может, и так,— подумав, сказал Айдар,— слава не переходит, но мужество отцов переходит к их сыновьям. Так сказал Шарифулла!

— Мужество переходит! — уверенно подтвердил Вазир.

— К Габдулле оно уже перешло,— проговорил Якуп.

Габдулла обнял за плечи своих товарищей.

— Смотрите, вон Кирамет!

Четыре путника остановились на холме. На самую вершину Кирамета огромным огненным шаром опустилось солнце. Освещенная этим солнцем, гора казалась вулканом, извергающим багровое, бушующее пламя. Мальчишки с восхищением смотрели на свой Кирамет. Айдар невольно запел:

— Издалека, сверкая, виднеются
Белоснежные камни Кирамета...

Ребята подхватили:

— Где только не побывают,
Чего только не повидают
Храбрый джигит и его верный конь!

Впереди Кирамет! Через несколько дней «Таганок», твердо стоящий на своих четырех подпорках, отправится в поход, чтобы вдохнуть жизнь в озеро!

Пройдут годы. Эти мальчики вырастут и станут джигитами. Они будут подниматься на новые вершины, более высокие, чем гора Кирамет, они оживят не одно озеро и украсят не только землю, но и небо!

Вы верите этому? Я верю!

СКАЗКА

Алексей ГЛЕБОВ Рисунки К. Калинычевой.

Когда мы с Толей, сделав уроки, выходим гулять на наш Суворовский бульвар, то часто встречаем там малыша в серой заячьей шапке. Гуляет он со своей няней и всегда просит ее рассказать сказку.

— Лягушка прыгала, прыгала, обычно начинает рассказывать няня,— и припрыгала к пруду...

— Ну, а дальше?

— А дальше...— равнодушно говорит няня и начинает сначала:— Лягушка, милый, прыгала, прыгала и припрыгала к огромному пруду.

— Ну, припрыгала, а дальше? — нетерпеливо, чуть не плача, спрашивает малыш.

— Перестань! Не знаю я... Иди с ребятишками поиграй... Держи лопатку.—

Мальчик берет лопатку и нехотя начинает ковырять снег.

Как-то я говорю Толе:

— Толь, а Толь... У меня есть идея...

— Какая?

— Давай,— говорю,— сочиним сказку про лягушку и отдадим ее няне этого карапуза, пусть ему рассказывает.

— Давай! — согласился Толя.

И мы в тот же день пошли ко мне домой сочинять сказку. Сочиняли мы сочиняли, так ничего и не придумали.

— Давай,— говорит Толя,— лучше пойдем в книжный магазин, купим «Муху-Цокотуху» и подарим ее няне: пусть малышу читает.

— Да что мы с тобой такая бестолочь? Свою сказку сочинить не сможем?!

— Конечно, не бестолочь,— говорит Толя,— конечно, сочиним.

И мы снова взялись за работу.

Через три дня наконец сочинили нашу сказку. Переписали ее начисто, чтобы понятней было, и отправились на бульвар.

— Ну что ж, почитаем,— сказала няня.— А сейчас, ребятки,— заторопилась она,— нам с Гришей домой пора...— И они ушли.

Прошло несколько дней... Идем мы с Толей по бульвару и видим: сидит на лавочке няня и разговаривает с какой-то старушкой. Недалеко от них гуляет малыш, копает снег лопаткой.

— Сейчас подойдем,— говорит Толя,— узнаем про нашу сказку.

Подошли мы, поздоровались.

— А-а! Здравствуйте, ребятки! — как старым знакомым сказала няня.— Садитесь.— Она подвинулась.— За сказку спасибо вам, выручили меня. Гриша! — позвала она малыша.— Иди сюда, милый, поздоровайся с ребятами.

— Щас! — важно отозвался Гриша.

Он подошел к нам и доверчиво подал красную от мороза руку сначала Толе, а потом мне.

— С бабушкой поздоровайся,—приказала няня.

Мальчик подошел к старушке и тоже подал ей руку.

— Умник,— похвалила его няня.— А теперь вот расскажи нам, какую ты сказку выучил.

— Жила-была лягушка,— охотно начал рассказывать Гриша.— И было у нее пять лягушат: четыре дисциплинированных и один недисциплинированный. Задумал недисциплинированный лягушонок убежать в чисто поле. И убежал! Вот... Собрала лягушка остальных лягушат и говорит: «Лягушата мои лупоглазые, прыгайте в разные стороны

— Ну, а что видел лягушонок на Севере? — спросила няня.

— Видел он белый снег, а по снегу прыгают страшные звери: шерсть у них серая, а на голове торчат по два больших уха... Это зайцы. Вот! — торжественно объявил он и продолжал: — Потом припрыгал лягушонок с Юга...

и ищите своего братца». И они попрыгали. Один попрыгал на Север, другой — на Юг, третий — на Запад, а четвертый — на Восток. Вот!

— Ну, а дальше?

— Первым вернулся домой лягушонок с Севера,— продолжал Гриша.—Припрыгал и говорит: «Все лапки я себе отморозил, ангиной заболел, и в ухо мне надуло». Измерила ему лягушка температуру — оказалось тридцать девять и три... Приехала «Скорая помощь» и забрала лягушонка во Вторую Градскую больницу... в детское отделение... Вот...

Когда Гриша рассказал всю сказку до конца, старушка спросила:

— Это кто ж тебя, внучек, такой сказочке выучил?

— Это мы с Мишей сочинили... Сами придумали,— не вытерпев, похвастался Толя.

— Будет болтать-то... Сами,— окинув нас недоверчивым взглядом, сказала старушка.— Нипочем вам не сложить такую сказку.

Мы с Толей посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Настроение у нас в этот день было очень хорошее.

Кинорассказ о великом подвиге

О. ТИХОМИРОВ

12 апреля 1961 года... «Вы слышали?! Человек в космосе! Выведен на орбиту космический корабль с человеком! И это сделали русские! Нет, тут какое-то чудо... Только чудо...»

Так удивлялся западный мир, когда голос первого космонавта зазвучал над Землей.

Чудо — сверхъестественное событие. То, чего не может быть. Чудес, как известно, не бывает.

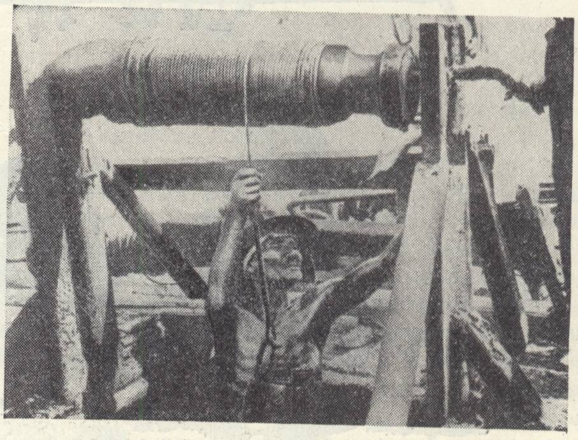
Чудес не бывает? Нет, они бывают, если целый народ направил свою многомиллионную волю, свою силу, свой талант на сотворение чуда! Но такое чудо свершается не за четырнадцать минут перед стартом космического корабля. Оно куется в героическом труде многих лет и десятилетий.

Аннели и Андре Торндайк, кинорежиссеры из Германской Демократической Республики, задумали доказать эту мысль, поведать людям всего мира правду о нашей стране. Они решили, что в их кинокартине «Русское чудо» не будет ничего выдуманного, правда и только правда. Чтобы сделать фильм, Торндайки разыскивали киноленты былых лет, фотографии и документы, говорящие о прошлом. Они много ездили по нашей стране и снимали то, что видели сейчас, в наше время.

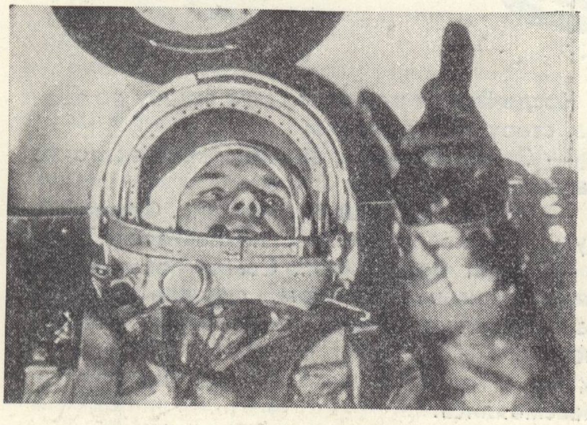
И вот «Русское чудо» вышло на экраны. Эту кинокартину нельзя смотреть без волнения. Она каждого задевает за живое. Люди постарше вспоминают революцию, гражданскую войну, свою комсомольскую молодость. Вы, ребята, видите многое такое, о чем знали только из книг. Фильм показывает жалкие деревни дореволюционной России, крестьян с допотопной сохой, батраков, гнущих спины на полях помещика. Но, может, рабочим жилось лучше? И тут

Соха... Орудие почти из каменного века.

Так работали на бакинских нефтепромыслах.

Юрий Гагарин в кабине космического корабля перед стартом.

мы видим шахтеров, задыхающихся в темном и тесном забое. Кайло да лопата — вот и все их орудия труда. Одиннадцать — четырнадцать часов — их рабочий день. Мы видим бакинского нефтяника, вручную поднимающего нефть, — бадья за бадьей, бадья за бадьей... Исхудалые руки, выступающие из-под кожи ребра. Все силы рабочего съедал нескончаемый каторжный труд.

Это было. А теперь?.. Вот работает доменщик — показывает нам кинокартина. Смотришь и думаешь: «Это же просто чудо!» Стоит человек у пульта и управляет плавкой чугуна, а домны он и не видит. Умные приборы сообщают ему о том, что происходит в кипящих недрах плавильной печи.

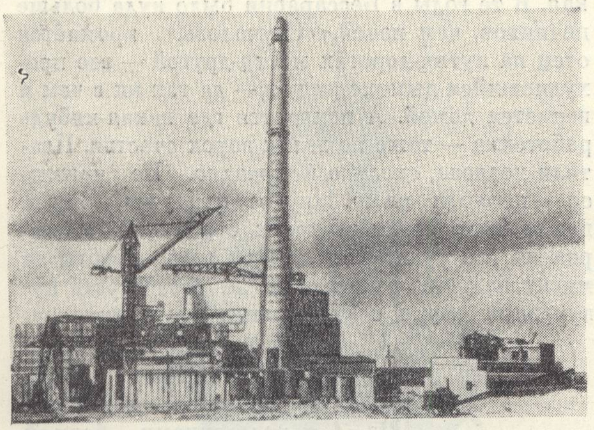
А это разве не чудо — один только металлургический комбинат в Магнитогорске выплавляет в два раза больше металла, чем вся царская Россия! А ведь он в стране не единственный! Атомная электростанция, строящаяся близ Воронежа, расходуя полтора центнера урана в год, даст столько же энергии, сколько дает тепловая электростанция, сжигая пятнадцать миллионов центнеров лучшего угля. Первые шаги в технику атомной эры сделаны, и они сделаны у нас.

Так как же оно произошло, «русское чудо»? Как же смогли коммунисты наладить жизнь в стране, где после гражданской войны все было разбито и сожжено?

Вот один из коммунистических субботников. Так рождалось новое отношение к труду.

Рассказ об этом фильм начинает с простой фотографии: слесарь И. Е. Бураков и три его товарища — партийная ячейка железнодорожной мастерской. Они решили каждую субботу бесплатно отрабатывать еще одну смену. Так 12 апреля 1919 года после

На строительстве атомной электростанции близ Воронежа. Шаг в технику будущего.

работы было отремонтировано три паровоза. Это было сделано не ради денег, не ради громкой славы, просто людям очень хотелось помочь своей стране. Кадры меняются, и мы видим, как через полгода уже десятки тысяч людей в разных городах вышли на субботник. Ленин назвал это «великим почином». Великим потому, что такого отношения к труду мир еще не знал.

На протяжении всего фильма Торндайки подчеркивают, что все изменения в Советской стране делаются ради одной цели — счастья человека. Чтобы показать, что дала Советская власть народу, нас знакомят с судьбами отдельных людей.

На экране проходит перед нами жизнь академика В. С. Емельянова. Детство в дореволюционной темной деревне. Бедная крестьянская семья. Отец и мать неграмотные. Тяжелый труд, чтобы добыть денег на учение. Революция. Гражданская война. Красноармеец Емельянов с оружием в руках защищает Советскую власть. А потом занятия в институте, работа на заводе. И вот он — крупный ученый, проникающий в тайны атомных сил.

Казахская женщина Хадиша Мурзалиева летит на вертолете к далекому аулу. Нужно сделать срочную операцию. Женщина — врач? Что же здесь удивительного? Удивительно, что это в Казахстане, где до революции из каждых ста казахов только два умели читать и писать, а женщина была совсем бесправной,— напоминает нам фильм.

В фильме мы встречаемся с Лениным. 1918 год. Площадь Революции. На открытии памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу выступает Ленин. Нам показывают лица в толпе: рабочие, крестьяне, солдаты, студенты... Все глаза обращены к Ленину. В каждой паре глаз напряженное внимание.

Большой и глубокой мыслью проникнут заключительный эпизод кинофильма. Красная площадь. Бесконечная очередь движется к Мавзолею. Идут старые и молодые. Идут зимой, летом... Фильм показывает эту же площадь снова и снова. Меняется время, меняется вид площади, только одно неизменно: люди идут, идут, идут к Мавзолею. Народ всегда с Лениным. Идеи Ленина поднимают все новые и новые поколения на борьбу за коммунизм. Вера в эти идеи и есть ключ к «русскому чуду».

*Ребята!
Вы уже видели фильм «Русское чудо»? Если нет,— обязательно посмотрите!*

Они слушают речь Ленина.

ЛЮЛЬКА

Правдивая история из жизни моего деда, рассказанная им самим.

Борис ЛЮБИМОВ

Рисунки О. Гоха.

Нынешние ребята, пожалуй, и не знают, что это за штука — люлька. Растили их все больше в колясках на резиновом ходу да в никелированных кроватках с серебряными шариками и кружевными занавесками. А я, когда родился, в люльке нашел свое первое пристанище. Висела она в нашей крытой камышом глиняной мазанке у самого потолка на сшитых из старых уздечек ремешках.

Фамильная была вещь, эта люлька. Вполне, можно сказать, историческая вещь. Досталась она нам в наследство еще от материной бабки, стало быть, от моей прабабушки. Сплетена была люлька из рисовой соломы. Но каждое поколение лепило на нее свои заплаты — либо из мешковины, либо из истлевших домотканых рубашек, либо из старой, облысевшей смушковой шапки — из чего придется.

Пожухла, состарилась наша люлька за давностью лет. На совесть поработала она за свою долгую-предолгую жизнь. Пустовала она редко. Что ни год-полтора — появлялся новый квартирант. Сколько народу там перебывало, мне теперь не сосчитать.

Жили мы тогда в Бессарабии, на Дунае. Много песен было сложено про него. Хороших, славных таких песен. И во всех песнях называли Дунай голубым. Может, конечно, из окон стоявшего в саду помещичьего особняка сероватые, мутные дунайские волны и выглядели голубыми, как безоблачное небо, кто его знает! Но сквозь крошечное оконце нашей хаты не видать было ни приволья, ни света, ни неба.

Свой клочок земли нечем было обрабатывать: ни плуга, ни лошаденки. Работали у людей. Летом отец батрачил у кулаков, а зимой уходил на заработки. Он был большим мастером класть из кирпича печи. Но вот беда-то какая. В те годы в Бессарабии было куда больше печников, чем печей. Случалось, промается отец на путях-дорогах месяц-другой — все прохудившийся дымоход ищет,— да так ни с чем и вернется домой. А попадется где какая-нибудь работенка — тоже не велик ворох счастья. Платили хозяева, сколько не жалко. Не нравится — проходи мимо, другие найдутся. Везде полно было странствующих бедняков — мастеров на все руки. Они ломали себе хребты за миску баланды с капустой, либо за горсть кукурузной муки с пятиалтынным впридачу.

Так вот и жили... В переднем углу вечно горела лампадка перед ликами божьей матери и святых угодников разных чинов и рангов. Но они, видно, не примечали или не хотели примечать всего нашего убожества. Крепко оберегали нас, как и дедов и прадедов наших, от мало-мальски подходящего куска хлеба.

Помню, как-то поздней осенью пожаловал в нашу хатенку представитель власти —

стражник. Гроза по тем временам! Здоровенный был такой мужчина, в черном сюртуке с красными тесемками через всю грудь. У пояса — револьвер и шашка. Усы длинные, до самых ушей, глаза навыкате — того и гляди съест со всеми потрохами. Ходил он, бывало, по селу важный такой и все плеткой размахивал — кум королю и сват волостному старшине, не меньше. Боялись его мужики до смерти. Для непослушных ребят не было страшнее слов: «Стражнику отдам». Уткнется малец в материнский подол, ревет, ногами топочет: «Больше не буду, мамка, не буду, не отдавай!»

Как увидел я, стражник идет, ну, решаю, конец. Прощайся, Гришутка, с белым светом!

Отца дома не было: на заработки ушел. Старший брат, Сидор, на рыбалку подался: наш дальний родственник имел сети. А мать в тот час взяла из люльки маленькую Иринку и пошла соседку проведать.

Залез я под лавку, закрыл глаза, весь дрожу, как ягненок на морозе. Что-то будет?..

Закрыть-то глаза закрыл, а только как услышал, что щеколда в двери звякнула, не стерпел и одним глазком зырк-зырк на непрошеного гостя. А он остановился у порога, перекрестился

на образа и сразу какую-то бумагу начал читать:

— Именем государя-императора...

Тут и вовсе, чую, душа с телом расстается. Шутка ли: именем самого государя-императора!

Стражник еще что-то пробормотал, потом оторвался от бумаги, увидел, что никто не слушает, и аж поперхнулся от злости.

— Есть кто в хате? — закричал он так, что стекло в оконце зазвенело.

— Н-нету,— отвечаю. А у самого зуб на зуб не попадает.

— Ты чего туда залез? А ну-ка, вылазь! — приказал стражник. И шашкой выгреб меня из-под лавки.— Где отец-мать?

Узнав, что отца нету, велел мать доставить.

— Да поживей! — скомандовал он, сел на лежанку, сложил руки на груди и засопел.

Побежал я, конечно, за матерью, а в голове полная сумятица. Какие, думаю, у государя-императора дела с отцом и матерью? Может, узнал государь про нашу нужду и козу прислал на бедность, либо материалу на портки? Не зря ведь его царем-батюшкой называют...

Но только ни к чему я размечтался о портках да о козе. Как пришла мать с Иринкой на руках, стражник шмыгнул носом, провел ладонью по усам и строго сказал:

— Бумага тут именем государя-императора. Подать будешь платить или как?

— За что подать, пан стражник? — Стоит мать перед ним ни жива, ни мертва.

— Как за что? За усадьбу.

— Да какая же у нас усадьба, пан стражник! — взмолилась мать.— Бог видит, один грех — не усадьба.

— Ты на бога не кивай, у него своих делов хватает.— Стражник рубанул рукой воздух.— Жить вы все мастера, а подать казне — нету вас, шаромыжники... Ну вот что, хозяйка. Не желаю я за тебя в дураках ходить. Или три с полтиной гони, или все как есть движимое имущество начисто свезу со двора.

— У меня ж и грошика нету, пан стражник,— уговаривает мать.— Погодили бы, пока мужик с заработков придет, может, что принесет... Три с полтиной... Этакие деньги... Креста на вас нету!..

Долго ли, коротко ли шла такая дискуссия, теперь уж и не вспомню. Стражник все грозился арестовать мать и сгноить ее в тюрьме за критику царских порядков. Но конец этой истории никогда не забуду.

Именем государя-императора стражник стал описывать за недоимки движимое имущество. Только не очень-то ему повезло. Кинулся к столу — что такое? Не двигается. Крышка из

досок прибита к столбу, врытому в землю. Лежанка — та и вовсе из глины, к стенке притерта. Всей движимости в хате — рогач, два казана, миска да несколько деревянных ложек — не разживешься!

Еще одним движимым предметом оказалась... люлька. Вскинул на нее стражник свои глазищи, вся шея вздулась синими жилками от злобы. Вытащил он из ножен шашку и обрубил ремешки. Плюхнулась люлька на землю, и от нее густым вихрем, как на току при молотьбе, полетели перья да солома.

— Побойтесь бога, пан стражник! — закричала мать.— Куда ж мне девчонку-то?..

— Бога отставить! — гаркнул представитель власти.

И тут он с такой силой ударил люльку сапогом, что та разлетелась на части.

Закончив расправу, стражник вытер обшлагом лоб, шваркнул шашку в ножны, плюнул, перекрестился, надел картуз и ушел.

Иринка разревелась. Мать взяла ее на руки, стала качать, песенку какую-то запела, а у самой вовсю слезы текут.

Вдруг вижу, заглянул в хату щенок. Худющий — спасения нету! Прибежал он к нам невесть откуда да так и прижился. Кормить-то его нечем, бегает по селу, сам себе что-то добывает. Потерся он бочком у двери, пошебуршил возле печки и начал легонько тщедушным таким голоском подвывать матери. Потом подошел к ней с опаской, постоял немного и уткнулся мордой в ее босые ноги.

— Видишь, песик, как нам достается...— всхлипнула мать и кивнула в сторону растерзанной люльки.

Щенок расправил уши и, деловито подбежав к люльке, принялся сгребать лапками все, что от нее осталось. Гребет, остановится, посмотрит, снова гребет, словно хочет каждую тряпчушку к месту приладить. А потом, устав, видно, от безнадежной затеи, нырнул в самую гущу лохмотьев и перьев да как завоет!.. Верите ли, этот заунывный вой до сих пор звенит у меня в ушах.

Так вот и кончила свою жизнь наша люлька.

А Иринке, помню, отгородили после этого куточек на общей лежанке.

ЧНЧ — Что нам читать?

МЫ ХОТИМ РАДОСТИ И МИРА

В этой небольшой книжке рассказывается о том, что существует сейчас. И о том, что должно быть. И о том, чего быть не должно, с чем трудно смириться, но что все-таки есть еще на земле... Один из разделов книги так и называется: «О том, чего не должно быть». Не должно быть на земном шаре голода, нищеты, и прежде всего войн, лучевой болезни, от которой умирают дети. «Пусть всегда будет солнце!» — этими словами, вросшими в наш быт, озаглавлен весь этот сборник, посвященный ребятам разных народов.

Из рассказов, очерков и других материалов книги вы узнаете, как живут ребята на всех широтах, о чем они думают, во что играют... Вы познакомитесь с песнями, танцами и шутками ваших далеких друзей. Их милые лица — беленькие, смуглые и совсем черные — посмотрят на вас со страниц... Вы можете не только вступить в переписку с вашими далекими сверстниками, но даже послать им подарок. О том, как его сделать, вы тоже прочитаете в этой книге.

Конечно, все эти ребята говорят на разных языках. И кудрявая девочка Фати, которая на досуге играет в «дару» — своеобразные африканские шашки, и белокурые маленькие исландцы, которым нравится изображать сказочных героев своей страны, и чешские пионеры, чья любимая игра «выбиенны» так похожа на наши «пятнашки»... И все же у всех у них — и у вас, ребята,— есть общий язык, все вы прекрасно поймете друг друга. Ведь все вы хотите радости и мира. Недаром одна индийская девочка написала в письме: «Вот бы взрослые поручили нам, ребятам, договориться о всеобщем мире... Мы бы это сделали отлично!»

Ю. НОВИКОВА

ВСТУПАЮЩЕМУ В КОМСОМОЛЬСКУЮ ЖИЗНЬ

Это было в новогодние каникулы, в этом году. В Москву на сбор юных коммунаров съехалось больше ста комсомольцев-старшеклассников из разных городов страны. Они приехали учиться работать по-настоящему, по-комсомольски. В первый же день ребята стали обсуждать, какую бы книгу прочитать всем вместе. Такую хотелось найти книгу, чтобы она зажгла, чтобы яснее стала цель в жизни, чтобы хотелось сражаться, трудиться, учиться, чтобы у всех стало боевое настроение.

Перебрали много книг — все не то.

А когда назвали одну, все сразу сказали: «Вот что надо перечитать!»

Эта книга — речь Владимира Ильича Ленина на III съезде комсомола.

Ее читал каждый, кто вступает в комсомол. И, наверно, не раз. Но бывают же такие удивительные книги: сто раз читаешь — сто раз интересно, и все время находишь новое и важное!

Недавно эта книга вышла вновь. И не одна. Она возглавляет целую библиотечку небольших, но важных книжек. Эту **библиотечку** издательство «Молодая гвардия» назвало так: **«Вступающему в комсомол»**. Вот какие книги в нее входят:

В. И. Ленин. Задачи Союзов молодежи (Речь на III съезде РКСМ).

Н. С. Хрущев. Служить делу коммунизма (Речи на XIII и XIV съездах ВЛКСМ).

Устав ВЛКСМ.

В. Дидусенко, А. Скрыпник. Закон комсомольской жизни.

В. Ганюшкин, Б. Панкин. Почему на знамени комсомола пять орденов.

Мы жизни выходим навстречу... (сборник песен).

И. Кернес. Что читать о комсомоле.

Каждый совет дружины должен сам позаботиться, чтобы хотя бы одна такая библиотечка была в пионерской комнате. И не на витрине под стеклом, а в таком месте, чтобы любой пионер мог взять эти книжечки, почитать их, подумать над ними.

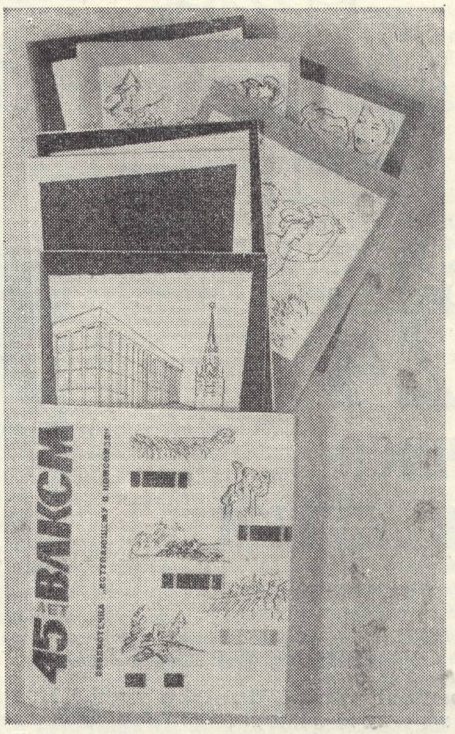
Совету дружины доверена высокая честь: давать рекомендацию для вступления в комсомол. Без такой рекомендации пионера в комсомол не примут. Но иногда бывает, что рекомендацию дают формально.

Двоек нет? Устав читал? Лом собирал? Мария Петровна, классный руководитель, не против? Кто «за», поднимите руки! Следующий!

Хотелось бы посоветовать и членам совета дружины: почаще сами заглядывайте в эти книжечки, думайте, кого же надо рекомендовать в комсомол.

Откроем наугад одну из них — «Закон комсомольской жизни». Читаем:

«Много лет назад, выступая перед учениками 635-й московской школы, исследователь Арктики, геофизик и математик Отто Юльевич Шмидт рассказывал о том, как в молодости он составлял свой жизненный план. При первом подсчете оказалось, что все задуманное потребует более двухсот лет. Шмидт пересмотрел план. Принял вариант, требующий восьмидесяти лет. «Теперь мне 53 года,— говорил тогда ученый.— Оглядываясь на то, что удалось сделать, я вижу, что план был верным. В оставшиеся годы я от него отступать не собираюсь».

Правда, интересно? И есть о чем подумать. Если человек собирается вступать в комсомол, у него тоже должен быть «план жизни». Ну, может быть, не такой подробный, как у Отто Юльевича, но определенный: стать в жизни хорошим человеком... А что для этого надо делать? Не будем отвечать на этот вопрос, иначе придется подробно пересказывать и речь В. И. Ленина, и речи Н. С. Хрущева, и Устав комсомола, и рассказ о боевом пути комсомольцев — словом, всю библиотечку.

Так что почитайте ее, пожалуйста, и вы найдете ответ на этот трудный вопрос...

Только в заключение прочитаем вместе одно из самых важных мест Ленинской речи. Над этими словами особенно крепко задумались те ребята, о которых рассказывалось вначале. Вот они:

«...Нужно, чтобы Коммунистический союз молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр. Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами. И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и трудиться».

Вожатый Сима СОЛОВЬЕВ

24 часа в сутки

УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ УМЫВАТЬСЯ

Странный вопрос! Чего там уметь? Плеснул в лицо горстку воды, и готово! Первоклашки во все глаза глядят на учителя физкультуры Георгия Александровича Черкасова...

Георгий Александрович пришел на урок не один. С ним Толик Иванов из второго класса «Б». Толик вроде ассистента: в одной руке у него таз, мыло и мочалка, в другой — кувшин с водой.

— Сейчас,— говорит Георгий Александрович,— Толик покажет, как надо умываться.

Толик намыливает руки, взбивает пену, и по всем правилам моет лицо, уши, шею.

— А можно мне?— раздались голоса.— И мне!

Каждому хочется показать, что и он умеет умываться не хуже Толика. «Однако при чем здесь физкультура?» — подумали ребята.

— Для того, чтобы стать здоровым, сильным, ловким, — объясняет Георгий Александрович, — каждый должен стать физкультурником. А физкультурник не может быть грязнулей.

Кто-то спросил:

— А мы часто будем заниматься физкультурой?

— Двадцать четыре часа в сутки,— ответил Георгий Александрович.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Школа-интернат № 2 находится на улице Гагарина. Вероятно, это самая зеленая улица Одессы. Школу не сразу и увидишь: вокруг сплошной сад. Хорошо учиться в такой школе!

Воспитанники начинают свой день так же, как и вы, дорогие читатели: с зарядки. Посмотрели бы вы, как утром, когда воздух чист и прозрачен, из всех подъездов гурьбой высыпают ребята. Звонкими голосами наполняется двор, сад, спортивная площадка.

Зарядку делают все: ведь это так интересно! Никто не отсиживается в стороне, не валяется в постели, досматривая последний сон. Ну, а как те, у кого слабое здоровье?

Взять, к примеру, Гаврика Павлюхина. Каждый год его в санаторий посылали: такой он слабый был. За обедом Гаврик получал дополнительно стакан сметаны. За это мальчишки прозвали его Главсметаной. Гаврику было запрещено спортом заниматься, и Георгий Александрович с трудом уговорил врача, чтобы Гаврику ходить на зарядку.

И произошло чудо. Гаврик день ото дня становился крепче, а вскоре он по-настоящему стал заниматься спортом. Кто бы узнал теперь прежнего хилого Гаврика в сильном, стройном юноше со значком первого разряда по гимнастике!

Спорт поставил на ноги и щупленького, болезненного Сашу Галаку. Сейчас у него первый разряд по баскетболу.

Зарядка! Каждый день, круглый год, в любую погоду! Проводят ее сами ребята по очереди.

После зарядки ребята принимаются за уборку постелей. Во время уборки оживленно обмениваются впечатлениями — кто как выполнил упражнения и как подавалась команда.

— А Валерка-то сегодня отличился,— хохочет круглолицый паренек с задорным хохолком,— подумать только, вместо «наклоны в сторону» скомандовал «нагибы вбок»!

...Начинаются уроки физики, математики, химии, английского языка... Для того, чтобы лучше запоминались правила грамматики и теоремы, одним словом, чтобы лучше работала голова, надо, чтобы поработали и мышцы.

В младших классах физкультурную пятиминутку между уроками проводит преподаватель, а начиная с пятого — сами ребята.

На большой перемене школьники высыпают во двор. Откуда только появились мячи, скакалки! Тут же проводятся молниеносные состязания. Кто дальше проскачет на одной ноге? У кого самые меткие броски в баскетбольное кольцо? Кто лучше всех прыгает со скакалкой?

Счастливчикам достался спортивный зал. Впрочем, счастливчиками будут все по очереди. В зале вспыхивают двадцатиминутные сражения по всем правилам баскетбола.

Однажды шестиклассникам задали вопрос: «Твой любимый предмет?» Одни ответили: математика, другие — физика, химия, литература. Но почти каждый добавил: «И физкультура». Почему? Прежде всего потому, что это интересно. Уроки физкультуры проходят в игре, в состязаниях. Кроме обычных упражнений, ребята сами придумали довольно сложные трюки. Вот один из них. В зале устанавливаются параллельно друг другу три гимнастических бревна. Одно невысокое, другое повыше, третье еще выше. Мальчики разбегаются, смело и точно прыгают с бревна на бревно. Своеобразный тройной прыжок!

А вот упражнение, требующее особенно точного расчета, бесстрашия, ловкости. Метра за два от свисающего с потолка каната установлен козел высотой 160 сантиметров. Школьник разбежался, оттолкнулся от подкидного мостика, перелетел через козла. В это мгновение товарищ качнул ему навстречу канат. Паренек на лету ухватился за канат и быстро вскарабкался по нему. Особенно хорошо это упражнение удается семикласснику Валерию Давидчуку. Впрочем, то, что умеет один, умеют и другие. Товарищи помогут, научат.

ЗДЕСЬ ВЫДУМКА В ПОЧЕТЕ

Прозвенел звонок. Уроки закончились. Ребята отправляются на прогулку. Вероятно, вы представляете себе это так: впереди шагает учитель, а за ним чинно, парами семенят ученики. В школе-интернате № 2 вы этого не увидите. Одни отправляются на стадион. Разве не интересно посмотреть на мастеров, или самим немного попрыгать в длину, в высоту, или совершить пробежку по гаревой дорожке?

Другие уходят за город. На привале начистят картошки, разожгут костер.

А к морю разве не интересно пойти? Там можно полазить по скалам, спуститься по веревке с отвесного утеса, перейти вброд лагуну или просто поплавать.

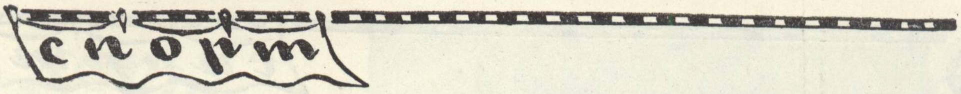
А потом снова за книги, за тетрадки! Ребята готовят уроки на завтра. Три часа отводится на самоподготовку. И здесь на помощь приходит физкультура, на этот раз производственная гимнастика. Она помогает прогнать усталость, освежить голову, заставит мысль работать быстро и четко.

Перед ужином снова прогулка, веселые конкурсы с награждением победителей.

Ребята неистощимы на выдумки. Однажды кто-то подбросил вверх камешек, привязанный к но-

На баскетбольной площадке. Тренируются «тройками».

совому платку. Камешек спустился, словно на парашюте. Тут же возникла идея провести конкурс: кто дальше метнет камешек с парашютом, чей парашютик лучше раскроется. Появились мастера этого увлекательного соревнования, чемпионы...

Победителей школьных соревнований и конкурсов чествуют по всем правилам. Чемпионы занимают места на пьедестале почета. Им вручают грамоты, награждают медалями. Не беда, что медали не серебряные и бронзовые, зато они вкусные — шоколадные.

В особенно торжественных случаях шеф-повар Александра Ивановна — тетя Саша — подносит команде-победительнице большой торт. Победители великодушно угощают побежденных и болельщиков.

Но вот школьный трудовой день подходит к концу. Можно и на покой. Позвольте, спросите вы, а как же «двадцать четыре часа в сутки»? Не торопитесь, физкультура на этом не заканчивается. Перед сном — расслабляющая гимнастика, умывание теплой водой.

Утреннюю зарядку сравнивают с движением поезда. Представьте себе, поезд отходит от станции. Он движется сначала медленно, затем все быстрее, мчится на всех парах. Вот так же и человек. Для того, чтобы, проснувшись, сбросить оцепенение сна, взять «разгон», организму нужна зарядка. Теперь представьте себе, что поезд подходит к станции. Он сразу не может остановиться, он постепенно замедляет ход. Вот так же и человек. Прежде чем перейти ко сну, следует успокоиться, снять напряжение трудового дня. Для этого и нужны успокаивающие упражнения, теплый душ, одним словом, разрядка.

А сон? Сон, оказывается, тоже... физкультура. Существует целая наука, как надо спать для того, чтобы сон был крепким, спокойным, освежающим, чтобы он восстанавливал силы.

Воспитанники интерната спят с открытыми окнами, ничто не тревожит их сон. Только изредка вдали прокричит ночная птица...

ТРИ ПУТЕВКИ

Каждый второй воспитанник школы — спортсмен-разрядник. Десять лет подряд школа держит звание чемпиона города по баскетболу, второй год — по спортивной и художественной гимнастике, акробатике. Восемьдесят грамот и кубков, завоеванных в упорной спортивной борьбе, бережно хранятся за стеклом.

Старшие ребята помогают младшим, тот, кто умеет, учит того, кто не умеет. В школе почти три десятка общественных инструкторов по различным видам спорта.

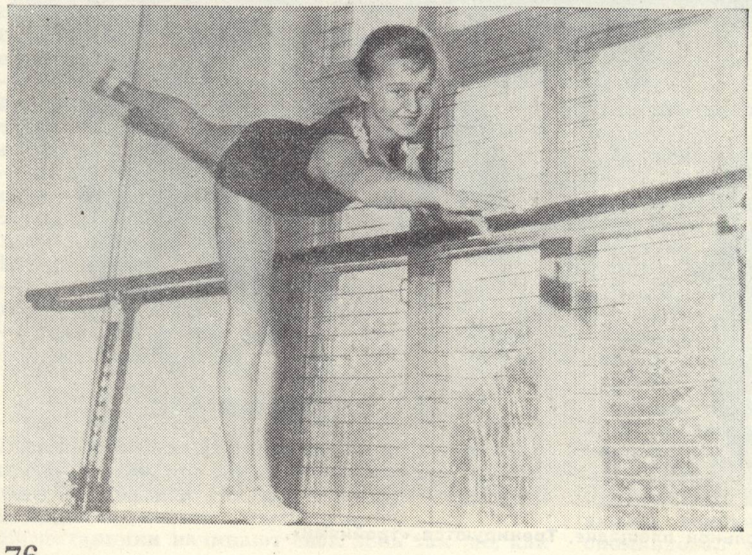
Добрая спортивная слава идет по Украине о школе-интернате. И вот что интересно: лучшие ученики школы обязательно спортсмены. Какой же ты физкультурник, если у тебя двойка? Первая двойка, и снимают с соревнований. А это — самое большое наказание.

Воспитанникам школы на выпускном вечере торжественно вручают по меньшей мере три важных документа. Это аттестат об окончании школы, свидетельство о присвоении рабочего разряда и удостоверение общественного инструктора или судьи по спорту. Три документа, три путевки в жизнь.

Хороших людей воспитывает школа: трудолюбивых, смелых, мужественных. Многие старшеклассники помогают взрослым следить за порядком. И не только в школе, но и на улице.

Когда с красными повязками дружинников на рукаве они неторопливо шагают по тротуару, малыши глядят им вслед и с гордостью говорят:
— Это ребята из нашей школы.

А. СВЕТОВ

Уже второй год школа — чемпион города по гимнастике. Ради этого стоит потрудиться на снарядах!

К цветной вкладке

ШТАБ ДРУЖИНЫ

...Для начала рассмотрим фотографию на вклейке. Узнаете? Не ваша ли это пионерская комната? Посмотрите: три длинных стола... Только графина не хватает! Стены загромождены стенгазетами, монтажами. Зачем все это? Ведь в пионерской комнате должно быть только то, что определяет лицо дружины и необходимо для работы советов отрядов, звеньевых, вожатых. И, конечно, в пионерском штабе должно быть интересно, а то бывает и так: пионерская комната никак не украшена. Кроме свернутого знамени и нескольких флажков, разбросанных вокруг дряхлого барабана, ничего в ней нет.

Какой же должна быть пионерская комната?

Посмотрите на верхний рисунок. Комната та же самая, что и на фотографии. Но как в ней стало просторно! Вместо громоздких длинных столов маленькие квадратные и невысокие столики. Вместо неуклюжих стульев не совсем обычные табуреточки. Они могут быть высотой от 30 до 35 см. Высота столов — от 50 до 55 см. Квадратные столы могут быть со стороной в 45 см.

Самое светлое место — у окна — занимают два откидных столика. Размеры и конструкция такого столика показаны на первом рисунке. Столы прикреплены к доске оконными петлями, так что крышку можно опускать и поднимать.

Слева от окна расположены знамя, отрядные флажки, эмблемы пионерских звеньев, грамоты. Рассмотрите на втором рисунке подставку для горна и барабана. Торцы стойки красят в темный цвет. Внизу, на основании, засыпанном камнями и галькой, можно поставить цветы.

Крепление и конструкция стойки для отрядных флажков показаны на третьем рисунке. В горизонтальной доске сделаны круглые отверстия для флагштока. Доску не надо делать яркой. Покрасьте ее в спокойный светло-серый цвет. На этом же рисунке дан вариант крепления полки для книг, которыми часто пользуются и которые должны быть на виду.

Сравните, как по-разному выглядят стены пионерских комнат на фотографии и на рисунках. Чертежи стендов и щитов для выставок работ, коллекций, грамот даны на четвертом и пятом рисунках. Стенд из вертикальных реек дает возможность разместить на нем и скульптуру и рисунок. Такое расположение экспонатов интересно по композиции и позволяет менять выставку без ущерба для общего вида комнаты. Рейки укреплены на горизонтальных брусьях. Количество брусьев зависит от высоты стенда.

На пятом рисунке — оригинальный выставочный стенд в виде книги. Большая плоскость обращена к свету. Угол ее наклона — 8—10°. Это для того, чтобы солнечные блики не мешали рассматривать рисунки. Стенды сделаны из фанеры и обтянуты суровым холстом. Можно чередовать цвета выставочных страниц: серая — если на ней рисунки в красках, поярче — если на странице помещена графика.

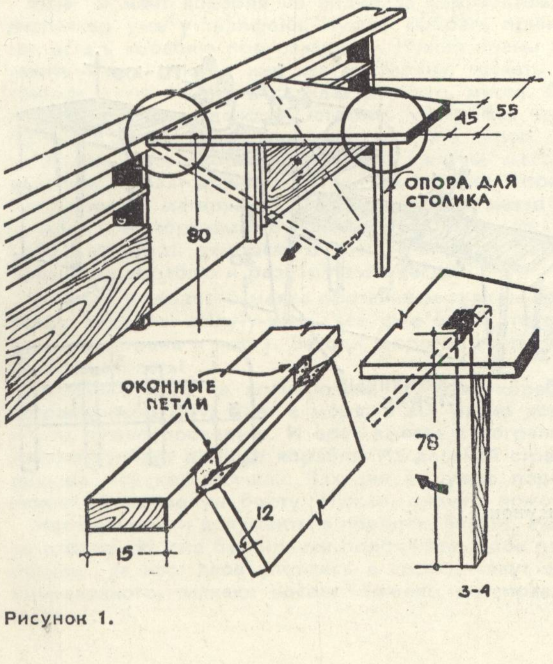

Рисунок 1.

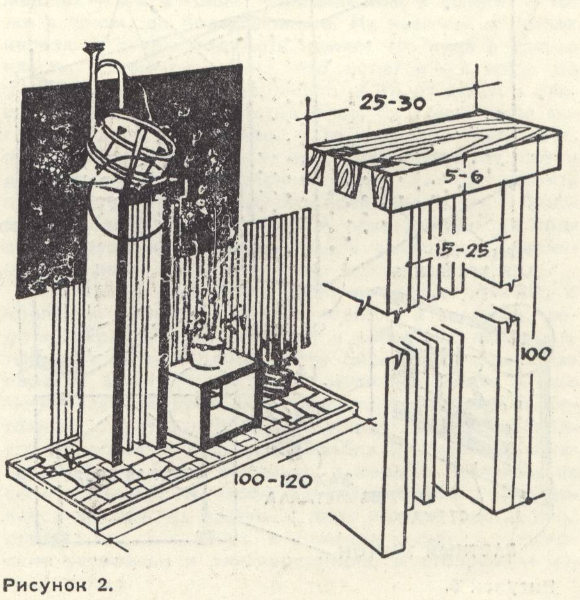

Рисунок 2.

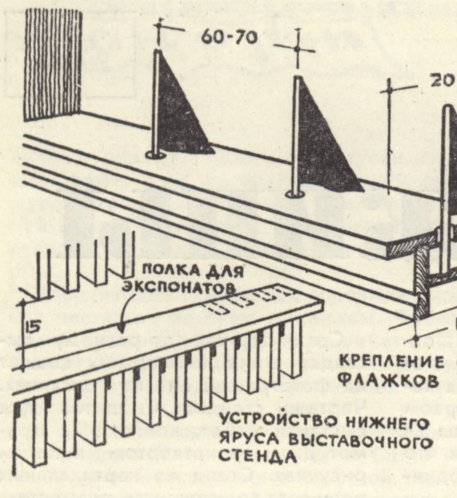

Рисунок 3.

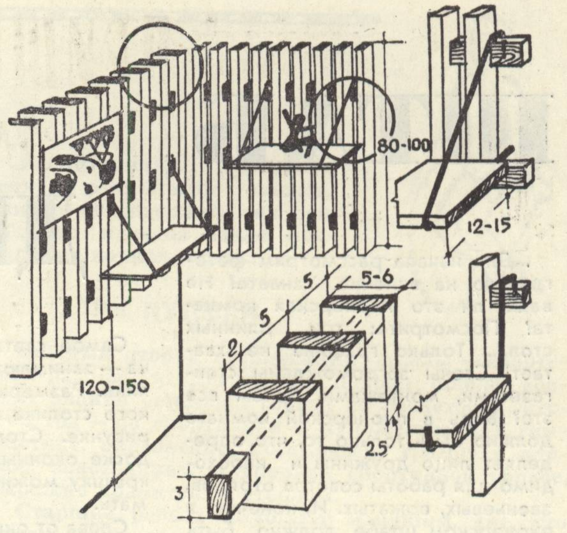

Рисунок 4.

А как окантовать рисунок под стекло и прикрепить его к стенду? Четыре металлических зажима в форме буквы П скрепляют стекло, рисунок и картон. Тонкая проволока соединяет нижний и верхний зажимы. На пятом рисунке показано, как к проволоке прикрепляется шпагат, на котором будет висеть рисунок. Но для чего столько отверстий на фанере? Для того, чтобы можно было легко менять материалы выставки. Отверстия нужны и для крепления держателей горизонтальных полок.

Не забыли мы и про цветы. Они могут разместиться справа или слева у окна, на полочках, не загораживая света. А если сделать такую деревянную подставку, как на рисунке шестом, то цветы можно будет переносить в любое место. Размеры ее показаны на чертеже.

Все, о чем здесь говорилось, можно сделать своими руками. Ведь в каждой дружине есть столяры-умельцы!

Архитектор В. СТРАШНОВ

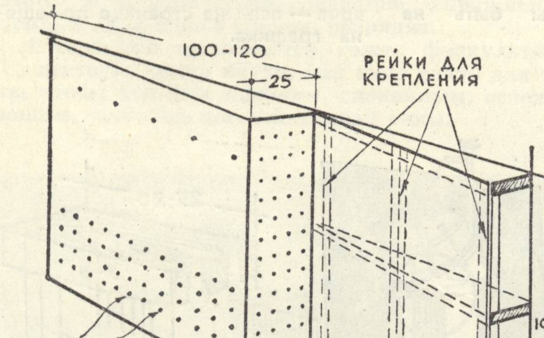

Рисунок 5.

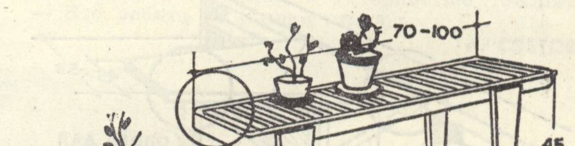

Рисунок 6.

КОГДА ПРИШЕЛ КОРАБЛЬ...

А. НЕКРАСОВ **Рисунки Е. Аргутинского.**

«Порт»—это значит «ворота». Морской порт—морские ворота страны. Закончив походы, заходят сюда уставшие от дальних дорог корабли. Сбросят ношу заморского груза, отдохнут, возьмут новый груз и опять уходят в море.

Принять корабль в порту и снова собрать в дорогу не простое дело. Сотни, тысячи людей трудятся в порту, и каждому хватает интересной работы.

Взгляните на последнюю страницу обложки — вот как он выглядит, морской порт.

Корабль еще в море. Оттуда, с корабля, и земли не видно. А порт уже ждет. Еще ночью радист записал: «Иду с Кубы. Груз — десять тысяч тонн сахара-сырца. Нужен осмотр главной машины и окраска подводной части. Прибуду в 12.00».

Еще и мачт корабля не видно за горизонтом, а диспетчер уже у телефона. Нужно выбрать причал, где встать кораблю под разгрузку. Нужно краны готовить — не руками же, как в старину, таскать из трюмов кули! Нужно в складах очистить место. Синоптики обещали дождь. Оставишь сахар без крыши — все десять тысяч тонн превратятся в сироп.

Полдень не скоро. А бригады уже на местах: грузчики готовят краны и сетки. Ремонтники готовят инструмент и материал. Складские готовят место на складах. И портовым буксирам дана команда: «К 12.00 встретить заморского гостя». В порту тесно. Большому кораблю и развернуться негде.

И когда у входного маяка протяжным гудком пробасит корабль «Иду-у-у-у!», все уже будет готово для его встречи в порту. Заходи, дорогой гость, добро пожаловать!

Первыми, еще за волноломом встретят корабль пограничники. Друг идет с моря, а все равно документы нужно проверить. И врач вместе с пограничниками взойдет на борт корабля. Из далекой страны пришел морской великан. Заходил в чужие порты. Может, больные на борту. Нужно, значит, помочь.

Нет больных, и документы в порядке. Значит, можно входить. И уже буксирчики подбежали. Двое подцепили за нос, двое уперлись в корму. Тянут его, здоровенного, толкают носами. Тяжело, но справляются.

На мостике корабля — капитан. Он по-русски говорить еще не выучился. А на буксирчиках капитаны по-испански не понимают. Как сговориться? Гудками! Во всех портах мира перекликаются гудками корабли: тот дорогу просит, тот кричит: «Становлюсь на якорь!», тот: «Иду задним ходом!», тот левее пошел, тот правее. На все свой сигнал, и все моряки его поймут.

Подвели, прижали корабль к каменной стенке, к пирсу. Привязали к чугунным тумбам. Тут, на пирсе, проложены рельсы. Один ряд для поездов, другой — для кранов. И дорога сделана для грузовиков и навесы для груза. И не успел встать корабль, не успел отдышаться с дороги — уже нацелились краны, торопят: «Давай открывай трюмы!»

И вот уже сетки побросали в широкие люки, и грузчики туда спустились. Вот закачалась над палубой первая сетка с грузом, вроде огромной авоськи, остановилась на секунду, словно задумалась, и плавно опустилась прямо на платформу грузовика. Пошла разгрузка. Теперь не зевай. Стивидор — грузовой командир — стоит у трюма, командует: «Вира!» (вверх, значит), «Майна!» (вниз).

А в порту, в конторе, щелкают счеты, трещат арифмометры. Там считают, сколько вагонов нужно под этот сахар, намечают, куда его везти... И о том думают, каким грузом грузить этот корабль.

Туда, на Кубу, ждет своей очереди разный груз. Бензин, дизельное топливо, мазут — это все на сухогрузный корабль не погрузишь. Такие грузы возят наливные суда — танкеры. У них и причалы свои в порту, без подъемных кранов, без дорог. Зачем? Трубу толстую засунут в горловину танкера и качают топливо, пока не нальют по горлышко. Там дело ясное.

А прочий груз — тут подумаешь, как грузить. Вот тракторы для Кубы. Их на палубу можно. Краны сильные — поднимут, поставят. А там закрепить, чтобы от качки не сорвались с места,— и все. Дождь, волна тракторам нипочем. Они в любую погоду работают, постоять-то тем более могут. А вот удобрения в мешках — это в трюм. Холодильники в ящиках — тоже в трюм, да поосторожнее. Их навалом в сетках нельзя. И о том подумать нужно, что куда в трюме класть. Тяжелое — вниз, что полегче — сверху. Да раскрепить нужно хорошенько. А то от качки в океане сдвинется груз — тогда беда. От груза каша останется, да и то хорошо. А то сорвется тяжеловес, пойдет гулять по трюму, еще борт пропорет. Вот и думают, как лучше уложить груз, как раскрепить понадежнее, чтобы и грузить поскорее, и везти безопасно, и выгружать удобно. А пока думают да подвозят грузы к причалу, корабль ложится в больницу — в док.

Есть сухие доки. Это заливчик искусственный, с крепкими воротами. Зайдет корабль в заливчик, ворота закроют, воду откачают и работают: где помятый лист на подводной части сменят, где «борода» наросла, счистят, где краска сошла, подкрасят. А еще есть плавучие доки. Это ящик такой огромный. Бетонный или стальной. Его заполняют водой, затопляют, подводят под днище корабля и начинают откачивать воду. Ящик всплывет и корабль целиком на себе поднимет. А чтобы не упал корабль, не завалился на бок, на ящике с двух сторон поставлены стенки. Там, в стенках, и команда живет, и мастерские устроены, и электростанция, и столовая — целый город.

Подлечили корабль, снабдили топливом, водой погрузили, и трюмы задраили, и документы оформили. Пора прощаться. А тут ночь да туман... До утра ждать? Нет, кораблям ждать не положено. Ни минуты! Закончил дела в порту — уходи. Готов? Поднимай ходовой флаг, если днем, ходовые огни, если ночью, и счастливого плавания!

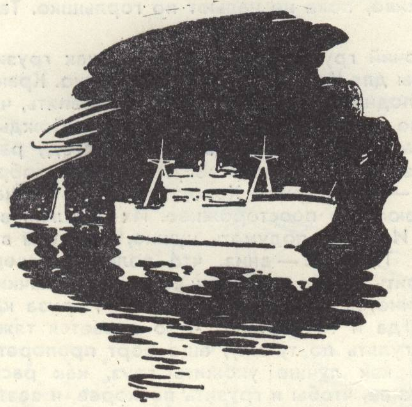
Уйдет корабль — вздохнут в порту: «Проводили!» Но ненадолго передышка. В порту не один корабль. Их тут десятки, и со всеми свои заботы у морских привратников.

А если шторм, тогда что делать? Если шторм, тогда уже поздно думать, что делать. О шторме заранее нужно знать, и подготовиться, и моряков предупредить: «Идет ураган с юго-востока. В море не выходить!»

А зимой, если мороз? Ведь и зимой работает порт. Лед закроет морские ворота, а ледоколы откроют. Пробьют дорогу во льду, приведут гостя к причалу, а потом выведут к чистой воде. Значит, и ледоколы нужно держать в порту. И пожарные корабли нужны. И санитарные. И учебный. А как же? Выучится человек на механика, на штурмана, а в море не бывал. Это разве моряк? Вот и посылают будущих моряков в плавание на парусных учебных судах. Под парусами труднее плавать, чем на самоходных кораблях.

День и ночь идет работа в порту. День и ночь идут потоками заморские грузы по стране. День и ночь навстречу им идут к морским воротам наши советские грузы. Над всеми морями трепещут на ветру наши советские флаги. На всех континентах ждут люди наших грузов. И так же, как к нам заходят чужие корабли, так и наши заходят отдохнуть в заморские порты.

Веселая жизнь в порту, веселая работа.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. Кузьмичев.**
Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, А. Н. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00189. Подписано к печати 19/X 1963 г. Тираж 576 100 экз. Изд. № 1855. Заказ № 2406.

Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Президиум Исполнительного Комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР 20 июля 1963 года принял постановление о введении звания «Юный санитарный инструктор». Это звание будет присваиваться лучшим юным активистам Советского Красного Креста.

Вот каким должен быть юный санитарный инструктор. Он должен:

закончить обучение по всей «Программе санитарно-гигиенической подготовки по нормам БГСО» и показать на заключительных занятиях отличные теоретические знания и практические умения и навыки;

активно участвовать в работе санитарных постов и комитетов первичных организаций обществ, помогать медицинским работникам проводить занятия по «Программе санитарно-гигиенической подготовки по нормам БГСО»;

следить за чистотой и порядком в школе, дома, на улице;

уметь оказать первую медицинскую помощь;

заботиться о здоровье своем и других людей;

помогать медицинским работникам, пионерским вожатым и родителям в санитарно-просветительной и оздоровительной работе среди октябрят, пионеров и школьников.

Звание «Юный санитарный инструктор» присваивается комитетом первичной организации общества Красного Креста, Красного Полумесяца и советом пионерской дружины. Председатель первичной организации общества Красного Креста, Красного Полумесяца и председатель совета пионерской дружины вручают юному санитару-инструктору значок и удостоверение.

Значок носится на правой стороне груди.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

Овладевайте санитарными и медицинскими знаниями, стремитесь получить звание «ЮНЫЙ САНИТАРНЫЙ ИНСТРУКТОР»!

Цена 25 коп.

Индекс 70694

